
Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2016

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Максим ВАСИЛЬЕВ. Технология неокOLONиального передела мира	3
Сергей ЕЛИШЕВ. Империи в мировой истории	106
Михаил ОНУФРИЕНКО. К чему ведёт невмешательство	152
Олег УСИК. Погубленная гражданская авиация России	158

ПРОЗА

Владимир ВЕЩУНОВ. Заревна. Повесть	24
Николай КОНЯЕВ. Рассказы	120
Юрий ПАХОМОВ. Предзакатный свет. Рассказ	164
Анатолий КОЗЛОВ. Шоплифтер. Рассказ	171

ПОЭЗИЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ. Рябиновый свет. Стихи	98
Евгений ЧЕПУРНЫХ. Летающий снег. Стихи	144
Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА. Дай силы нам, Боже... Стихи	183
Андрей ПОПОВ. Монастырские деревья. Стихи	190

РУССКИЙ МИР

Филипп ЛЕБЕДЬ. Понимание и применение феномена Русского мира	195
Александр РУДЕНКО. О национальной идее	200

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир НЕСТЕРОВ. Терроризм как процесс	206
Андрей АНТОНОВ. Укрофашисты на российских телеканалах	209
Виктор АЛКСНИС. Миграция в России приобрела необратимый характер	211

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Дмитрий ЯЗОВ. Богоданный вождь	213
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Николай УЛЬЯНОВ. Замолчанный Маркс	229
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	255
---	-----

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Владимир ЮДИН. Судьба казачьего генерала	272
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	280
--	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

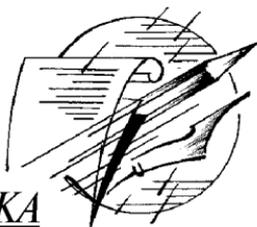
Владимир ПЕТРОВ. Душа поэта	287
--	-----

ТЕХНОЛОГИЯ НЕОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРЕДЕЛА МИРА

Гегемония США и новый колониальный передел мира

С распадом Советского Союза и установлением однополярной модели международная политика США перешла к утверждению мировой гегемонии и глобальному доминированию во всех сферах от политики до культуры. В 1990-х — начале 2000-х годов, не сдерживаемая коммунистическим блоком, агрессивная политика американцев поэтапно насаждала многим странам мира свои правила игры, транслировала свои, западные ценности, разрушала национальные экономики, превращая их в свой сырьевой придаток, пренебрежительно относилась к культурным и конфессиональным особенностям региона. В том случае, если местные политические лидеры пытались оказать сопротивление или просто не вписывались в систему координат США, они быстро смещались. В различных точках мира прокатились «цветные» революции, проходящие по однотипному сценарию, в результате которых произошло свержение правящих элит и слом государственности.

Доминирование США над рядом суверенных государств, вмешательство в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

их внутренние дела в комплексе с официальным заявлением американского президента об исключительности своей нации говорит о новой тенденции мировой политики — неоконциональном переделе мира, в котором колонизатором желает стать лишь одна держава. Для реализации поставленных задач используется целый комплекс сложных, многоуровневых технологий, имеющих сетевой характер. Югославия, Грузия, Ирак, Тунис, Египет, Ливия, Украина — далеко не полный список стран, в которых такие технологии были применены, погрузив эти государства в так называемый «управляемый хаос». Отличительной чертой современной геополитики является не прямое вмешательство во внутренние дела другой державы, а последовательное, латентное воздействие на её наиболее слабые стороны жизни с последующим их усугублением, что приводит к дестабилизации ситуации. При таком «мягком» воздействии достигаются значительные успехи при минимальной затрате средств и ресурсов и обеспечивается внешняя иллюзия непричастности организатора к разгорающемуся хаосу.

Режиссируемый хаос и новый мировой порядок

Технология «управляемого хаоса» была заимствована американцами из области естественных наук и переложена на социальную сферу еще в 1970-е годы, когда на Западе была опубликована книга «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой». В этой книге, сделанной в основном на материале физики и химии, хаос рассматривался как следствие динамической неустойчивости сложных систем. Основополагающая идея работы заключалась в том, что хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка. В 1980-е гг. в Америке активно стали развиваться технологии дестабилизации экономической и социальной жизни стран, которые представляли интерес для США. Сами же режиссеры «управляемого хаоса» стремились удержать хаос под контролем, создавая в своих интересах новый порядок.

Технология «управляемого хаоса» была создана в американском штате Нью-Мексика в Институте Санта-Фе, расположенном в одноимённом городке вблизи ядерного центра США. Институт был основан в 1984 году под эгидой Пентагона и Государственного департамента США и должен был адаптировать теорию «управляемого хаоса» для прикладных геополитических целей. Под патронажем Госдепа США были созданы «группы кризисного мониторинга и управления»

политическими процессами, без которых, как считают эксперты, не обошлись военно-политические конфликты в Косово, Таджикистане, Боснии и Герцеговине, Косово и других «горячих точках». В основу геополитики хаоса легли труды целого ряда известных на Западе исследователей. Среди них важное место занимают работы Джина Шарпа, основателя Центра «ненасильственных действий как способа ведения войны». Он приобрел известность в мире благодаря своим книгам по теории и практике ненасильственной борьбы. Среди этих работ наиболее популярными стали: «От диктатуры к демократии» и «198 методов ненасильственных действий», которые переведены на десятки языков и используются как практические пособия при организации «цветных» и «бархатных» революций по всему миру.

Технология «управляемого хаоса» является сложным системным механизмом, элементы которого самым причудливым образом взаимосвязаны друг с другом, а результаты его применения могут иметь многовекторную вариацию своего развития. Такая технология вне зависимости от региона применения использует следующие элементы: информационные войны, кибератаки и шпионаж, коррупционное правительство, разжигание межнациональных и межрелигиозных конфликтов, поощрение различного рода сектантства, распространение ложных ценностей и размывание национальных и культурных основ народа. Целью «мягкой» агрессии является перестройка сознания, снижение граждан к сопротивлению и самоорганизации, формирование общества со стертой памятью.

Слом культурно-смыслового кода нации

Анализируя технологию «управляемого хаоса» как глобальную угрозу современного миропорядка (ряд экспертов уже сейчас уравнивают эту технологию с оружием массового поражения), следует выделить основные этапы ее применения на практике. Так, на первом этапе осуществления этой технологии проводится массовая и целенаправленная работа по замене культурно-смыслового кода нации, распространяются и насаждаются ложные ценности. Под прикрытием красивых идей свободы, либерализма, демократии и толерантности из сознания нации вымываются основы, отвечающие за целостность социальной системы. Главный упор в пропаганде таких идей делается в первую очередь на молодежь и представителей среднего возраста, так как они, с одной стороны, более подвержены информационному воздей-

ствию, с другой — эти категории населения легче будет вывести на митинги и протесты в случае необходимости. Поэтому главной задачей авторов «управляемого хаоса» является установление контроля над системой образования, изменение учебных программ для школьников и студентов, распространение «правильных» учебников, написанных в соответствии с нужной концепцией. Такие учебные пособия должны не только ломать единую систему знаний учащихся, но и очернять национальную историю народа.

Ярким примером могут стать школьные учебники истории России, выпущенные при поддержке фонда Сороса и активно распространяемые в первые десятилетия демократии в России. Эти учебники истории переполнены безумным количеством ошибок, вымыслов и совершенно откровенно внушают школьникам, что все жители России — люди ущербные, что вся история Отечества — это цепь неудач и позора, а образцом для подражания является, конечно же, западная цивилизация «общества потребления». Как отмечал председатель Русского исторического общества, профессор В.В. Каргалов: «В этих «учебниках» намеренно нарушается единый цикл русской истории, которая «растворяется» в истории цивилизации». В других случаях история может мифологизироваться, как это произошло с учебниками на Украине, на страницах которых появилась новая неизвестная науке этническая общность укров, а запорожские казаки стали якобы фигурировать в самой Библии.

Другим мощнейшим каналом воздействия на сознание общества являются СМИ, с помощью которых проводится перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. На экранах постоянно муссируются однотипные шоу, реклама товаров и услуг, пропаганда огульного потребительства и гедонизма. Сложные проблемы и интеллектуальные передачи постепенно исчезают из сетки вещания или загоняются в ночное время. Всё это на протяжении длительного времени приводит к отупению нации, некритичности её мышления и легкой внушаемости.

Особое место отводится воспитанию чувства толерантности как неспособности и нежеланию оказывать сопротивление внешнему воздействию, покорной готовности принять любые идеи и стереотипы поведения и уравнивать их со своими национальными ценностями. Сама толерантность вводится в ранг фетиша, неуважительное отношение к которой неиз-

бежно приведет к навешиванию унижительного клейма и превращению в объект насмешек. Это полноценная мировая информационно-психологическая война, в ходе которой достигается разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Таким образом, способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию резко снижается. Все это создает специфическую среду расслабленного национального духа, отрицающего государство и национально-культурные традиции. Именно в таких условиях весьма комфортно чувствуют себя всевозможные экстремистские движения.

После того как общественное сознание размягчено и заполнено альтернативными смыслами и ценностями (зачастую ценностями потребления), авторы «управляемого хаоса» приступают ко второму этапу осуществления своей технологии. Через СМИ с помощью результатов анонимных социологических опросов активно транслируется идея о политической несостоятельности граждан. В обществе постоянно муссируются идеи о том, что результаты выборов уже предрешены задолго до их проведения, политические партии и движения в основной своей массе имеют буффорский характер, существенную роль в управлении всеми сферами экономики и общественной жизни играют коррумпированные чиновники, а общественные организации практически не влияют на социальные процессы, государство не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам, не соблюдают основные конституционные права. В реальной жизни перечисленные моменты также находят свое подтверждение, что лишь усиливает эффект воздействия на сознание человека. Все это приводит к политическому абсентеизму, апатии и разочарованию граждан. В психологии такая ситуация называется «выученной беспомощностью».

Стратегия «выученной беспомощности» и депопуляция

Если человека помещать в ситуацию вынужденной беспомощности, где от его решений и действий ничего не зависит, человек вскоре выучится этой беспомощности и перестанет что-либо делать. Противоположным результатом чувства беспомощности может стать мстительная агрессия, которая подталкивает граждан на противоправные действия. Срабатывает механизм коллективной безответственности, выражающийся в следующей формуле: «почему чиновнику можно, а

мне нельзя?» Идейный плюрализм (как вседозволенность), размывание моральных принципов, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой — все это компоненты «управляемого хаоса», приводящие к главному результату — демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций.

Технология «управляемого хаоса» на первых этапах своего осуществления может достигать демографического результата — сокращения численности населения, не представляющего интерес для организаторов нового мирового порядка. Так, либеральные экономические реформы на постсоветском пространстве привели к демографической катастрофе, снижая рождаемость и вызывая скачок смертности. Сексуальная революция, пропаганда гедонизма и потребительства, индивидуализм резко сокращают рождаемость. Социал-дарвинизм и равнодушие к бедствию ближних лишают людей воли к жизни и подстегивают смертность. Формирование огромного социального дна из нищих, бездомных и беспризорников создало ненасытный механизм своеобразной «эвтаназии» — эти категории людей быстро умирают. А «дно» втягивает в себя все новые контингенты.

Выведение новых элит

Параллельно формированию политического абсентеизма и размыванию культурно-цивилизационного фундамента нации организаторы «управляемого хаоса» приступают к реализации третьего этапа своей технологии — захвату рычагов экономического регулирования и выращиванию внутри страны подконтрольных им экономических элит. Эта задача осуществляется через активное внедрение в экономику страны транснациональных корпораций, транснациональных преступных синдикатов, наднациональных органов и организаций, подконтрольных инициаторам запуска технологий «управляемого хаоса». Чаще всего это происходит посредством глобализации экономических процессов, втягивания национального государства в разнообразные международные экономические организации, в которых оно так и не станет полноправным участником.

Результаты анализа экономических аналитиков показывают, что рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными государствами и странами «третьего» мира. Достигается это с помощью резкого ослаб-

ления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные. При этом и национальное государство под давлением международных финансовых институтов начинает служить инструментом такой глобализации — прежде всего, проводя приватизацию и сокращая расходы на социальные нужды и на поддержание таких национальных систем, как наука и культура. Для достижения максимально возможного результата на данном этапе необходимо сформировать внутри страны группу либерально настроенных управленцев как в области государственного управления, так и в сфере крупного бизнеса. И какими бы состоятельными ни оказались эти лица — это всего лишь исполнители глобальной сетевой игры.

Как отмечают эксперты, люди, образующие высший экономический класс современного мира, живут не в своих странах, а в пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, а их общие интересы обеспечивают частные наемные армии. Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца, но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры. Этот господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе. Ключевая часть либералов осознаёт себя частью не своей страны, а глобального управляющего класса. В силу своего транснационального положения он противопоставляет свои интересы слабым государствам и любой национальной и культурной самоидентифицирующейся общности как таковой.

По мнению М. Делягина, верхи государственного правления начинают считать себя частью не своих народов, а элементом глобального управляющего класса. Соответственно, они переходят от управления в интересах наций-государств к управлению этими же нациями в интересах глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур, не связывающих себя с тем или иным государством. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления). Рыночные отношения заменяются правилами глобального бизнеса. Система подготовки (выращивания) антинациональных экономических элит, обслуживающих интересы глобального бизнеса, одинакова вне зависимости от региона применения технологии. Формирование сети агентов влияния для

обеспечения процессов организации хаоса и последующего перехвата управления основано на подборке выпускников вузов и их стажировке в американских университетах, где им дают необходимые знания экономического анализа предприятий и отраслей народного хозяйства с целями их будущей приватизации и покупки транснациональными корпорациями.

Такие ученики обычно становятся сначала преподавателями в вузах, а потом переходят на работу в правительство, часть из них получают возможность стать олигархами. На этапе подбора кадров очень важно, чтобы эти люди были небогаты, умны, циничны, алчны и космополитичны. Они не должны любить свою Родину и жалеть свою страну. Они не должны охранять и образовывать свой народ, помогать ему. Такие слова как «совесть», «патриотизм», «помощь» должны быть вычеркнуты из их лексикона и стать ругательными. Одни должны любить себя и свои будущие особняки и яхты. Другие — свои безумные идеи и будущие Нобелевские премии. Таким «чикагским мальчикам» следует избегать популярности и влиять не на народ, а на официальных правителей. Они должны быть догматично преданы идее «разгосударствления экономики», «свободного рынка», а также послушны заокеанским друзьям и международным финансовым организациям.

Стратегия «рынок против идеологии»

Один из разработчиков теории «управляемого хаоса», С. Манн, который лично участвовал в создании многих очагов напряженности в разных точках мира, в качестве механизмов «создания хаоса» называл «содействие демократии и рыночным реформам», а также «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию». Так, согласно С. Манну, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит;
- вытеснение ценностей и идеологии.

Несложно догадаться, что все эти направления были активно осуществлены на постсоветском пространстве и лежали в основе «цветных» революций по всему миру.

Потеря ключевых рычагов экономического управления в стране, переход на внешнее руководство глобальным бизнесом непременно приводят к резкому ухудшению жизни на-

рода, снижению ВВП и массовому недовольству граждан. СМИ продолжают культивировать в сознании масс идеалы общества потребления; приобретение все большего количества товаров и услуг становится если не смыслом жизни граждан, то очень значимым моментом повседневности. Приобретение новой модели телефона, максимально быстрого Интернета или иного гаджета становится для человека неотъемлемым элементом социального успеха. Ухудшение экономической ситуации в стране непременно вызывает в обществе потребления психологическую напряженность, так как некоторые лишены возможности самоутвердиться за счет приобретения статусной игрушки. С другой стороны, это приводит к ещё большей поляризации различных групп населения, в первую очередь, по принципу материального благосостояния. В этих условиях технология «управляемого хаоса» переходит к четвертому этапу — создаются разнообразные общественные организации, молодежные движения и религиозные секты. Главная задача этого этапа — максимально разобщить нацию, противопоставить одну группу другой (на религиозной, этнической, политической или культурной основе). А внутренние проблемы, материальная неустроенность, общий уровень агрессии приведут к дальнейшей эскалации проблемы. Разные народы вспомнят давние конфликты и взаимные претензии друг к другу, непременно добавится конфликт конфессий. Обострятся противоречия между различными течениями внутри самих религий. Появятся различного рода фашистские и националистические группировки, которые начнут погромы. В условиях социального кризиса и глобализации уже началась интенсивная этническая миграция, создающая новый конфликтогенный фон межнациональных отношений. При реализации указанных угроз на практике, ситуация может выйти из-под контроля и привести к этнической войне всех против всех и регрессивному распаду больших народов.

Экспортированные секты против традиционных вероучений

В рамках реализации технологии «управляемого хаоса» реформатированию подлежат традиционные вероучения. Это происходит за счет массового экспорта чуждых местной религиозной среде тоталитарных сект (евангелистских, сайентологов и др.). Их адепты активно продвигаются на вершину власти. Это чаще всего происходит преимущественно в православных государствах. Так, например, по данным СМИ, открыто опубликованным в Интернете, премьер Украины А.

Яценюк принял учение основателя секты сайентологов Хаббарда еще в 1998 году, когда работал консультантом кредитного департамента банка «Аваль».

За полгода будущий спикер украинского парламента, а затем глава правительства закончил в Киеве курсы «Школы дианетики», под наименованием которой действовала «Церковь сайентологии». По странному стечению обстоятельств, сразу после этого обучения начался его резкий карьерный взлет. Несмотря на широкое распространение новых нетрадиционных религий на постсоветском пространстве, малоизвестным остаётся факт их преимущественного экспорта из США (Церковь Христа, Общество Сознания Кришны, Церковь сайентологов, Свидетели Иеговы и др.). Любая тоталитарная секта непременно приводит к обособлению своей паствы от остальных граждан и дезинтегрирует общество.

Атомизация общества

На четвертом этапе технологии «управляемого хаоса» ставится задача максимального разрушения коммуникативных связей общества. Это достигается путем реализации следующих задач:

- индивидуализация через неолиберализм, атомизация общества, замыкания человека в социальных сетях, когда создается лишь иллюзия широкого круга общения;

- разрушение связей ближайшего социального окружения через культовые организации, снижение качества жизни у большей части населения;

- разрушение транспортных магистралей внутри страны, удорожание авиабилетов, что замыкает жителей удаленных регионов в своей «малой Родине» и не позволяет ощутить сопричастности с другими регионами;

- разжигание межконфессиональных и межэтнических противоречий;

- чрезмерное расслоение общества на богатых и бедных, создание коммуникативных барьеров;

- создание системы элитарного (платного) образования, доступного лишь узкой группе лиц.

В социологии есть такое понятие, как аномия, которое воспринимается как социальная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное и преступное поведение. Это состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы и права. Целые социальные группы в состоянии аномии перестают чувствовать свою причастность к обществу,

происходит их отчуждение, а общепринятые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося поведения.

Радикализация и революционизация

После того, как на глобальном и региональном уровне удалось создать систему «зон критичности» в сфере политики, финансов, экономики, религии, торговле, информационной коммуникации, образования и экологии, технология «управляемого хаоса» переходит к пятому этапу — стимулированию революционной напряженности в стране. В новейшей истории большинство «правильных» революций осуществляется по одному сценарию: начинаются с незначительного повода (события) в относительно благополучных странах со стабильным политическим режимом, получают молниеносную одобрительную реакцию у Запада и его угрозу с требованием прекратить насилие в отношении «демократических» революционных сил. В организационном отношении необходимо консолидировать разные силы против существующей власти, дестабилизировать обстановку в стране с помощью криминала, радикальных националистов, адептов тоталитарных сект, молодежи из группы социальной беспризорности, общественных (например, студенческих) протестов, дискредитации государственных институтов, включая силовиков. Организаторам хаоса важно создать во власти или в оппозиции критическую массу проамериканских или прозападных марионеток, как, например, во время «цветных» революций в Грузии и на Украине. Основные положения геополитической доктрины «управляемого хаоса» в политической сфере страны предполагают:

объединение на требуемый период разрозненных политических сил, проявляющих недовольство в отношении существующей политической системы и законного правительства;

подрыв уверенности лидеров страны в своих силах и в лояльности армии, служб безопасности и других силовых структур;

прямую дестабилизацию обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением криминальных элементов и националистических группировок (в мусульманском мире используются радикальные исламистские организации), чтобы посеять панику и недоверие к правительству;

организацию смены власти путем «демократических» выборов, вооруженных выступлений или другими методами.

Говоря о технологии «управляемого хаоса», необходимо понимать, что в его основе прежде всего заложены реально существующее общественное недовольство в стране и отсутствие нормальных каналов взаимодействия по линии «власть—общество», когда негативное самоощущение населения вызывает осознанный социальный дискомфорт. При этом должна существовать некая организационная группа, которая может влиять на внутривластный процесс в этой стране, своеобразный «инкубатор революционных настроений» (например, оппозиционная интеллигенция, молодежь или радикальная революционная группировка). Это сообщество должно объективно сыграть роль «пятой колонны». Обязательно берется под контроль постоянно действующие информационно-коммуникационные каналы, по которым эти идеи эффективно транслируются.

Идея о «преступности власти»

Для того чтобы вывести разрозненные, во много аполитичные массы на улицы городов и радикализировать их настроения, активно муссируется идея о преступности власти. Правящие элиты объявляются врагами народа и подлежат обязательному свержению. Обязательно появляется идея разделения общества на «наших» и «чужих», когда под последними подразумеваются все противники эскалации революционного конфликта. В результате такого разделения в обществе появляется страх оказаться вне модного течения, которое заявляет о себе намного громче, чем правительственные силы. Белой вороной в толпе желают оказаться не многие, тем более что к таким могут быть применены и силовые методы воздействия. В толпе начинают активно копироваться символы и лозунги революционеров (розы и флаг с крестами в Грузии, символ сжатого кулака и коллективные подпрыгивания молодежи на Украине). Внедряется информационный образ победы и неминуемого и радостного перерождения всего общества «сразу же после этой победы». Все это приводит к эмоциональному разогреву толпы, окончательному отключению у нее критического сознания и появлению коллективного, легкоуправляемого мышления. Формула истины «наши — враги» становится постоянно действующим источником интерпретаций, позволяющих превратить любое событие в интересах создателей хаоса. Именно этот этап радикализации нации обычно пропускают политические лидеры, воспринимая происходящее как очередную потасовку молодежи, объясняя ее выходы алкогольным или нарко-

тическим опьянением. Подобное легкомыслие и промедление обычно приводит к печальным последствиям. Задержка в применении силового воздействия в комплексе с грамотной информационной пропагандой воспринимается как слабость власти и приводит к всё большему недовольству народа. Зато нарастает самоотождествление с «нашими». Теперь быть ими становится модно и престижно. Количество «наших» растет как снежный ком. Недавняя маргинальная оппозиционная группа стремительно обрастает массой союзников. Любая уступка власти или готовность к переговорам, воспринимается толпой как победа и еще больше распяляет её аппетиты.

Технология «управляемого хаоса» опирается на знания глубинных социокультурных детерминант деструктивной деятельности, сознательно разжигает в народе стремление к разрушению, к накалению ситуации. Недовольство и обвинения синхронизируются. Враг становится объектом чуждого биологического вида, тем самым снимаются всякие ограничения на методы и масштаб внутривидовой борьбы. На этом этапе власть сама способствует росту революционного энтузиазма: все более непопулярная элита становится все менее адекватной, на первый план выходят самые отталкивающие персонажи. Украинский кризис 2014 года, сожжение людей в доме профсоюзов в Одессе и карательные операции против мирных граждан Донецка и Луганска — прямой результат используемой технологии.

Ключевую роль играют социальные сети. Практически во всех странах, ставших жертвами «управляемого хаоса», оперативное регулирование действиями толпы было организовано посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и других акциях через социальные сети и электронную почту, а также на мобильные телефоны. В данном случае важно оговориться, что управляющие серверы Facebook, Twitter, а также Hotmail, Yahoo и Gmail находятся в США и стоят под контролем соответствующих служб, которые имеют доступ ко всей необходимой информации. Разогретой до максимума толпе достаточно самого незначительного случая или провокации, чтобы произошла вспышка, начались потасовки с органами правопорядка и разгорелся полномасштабный гражданский конфликт. Как отмечают эксперты, после вспышки очередной «цветной» революции в стране остаются возбужденные, истерические сообщества неадекватных людей, утративших в массовом порядке способности к критическому анализу действительности.

Как отмечалось ранее, в технологию «управляемого хаоса» активно вовлекаются подростки и молодое поколение. Объективные особенности психологического состояния этой возрастной группы работают на нужды манипуляторов сознанием масс. Некритичность мышления, эмоциональное восприятие окружающего мира и желание самоактуализироваться становятся благодатной почвой для формирования хаоса в обществе руками самой молодежи. Так, в 2008 году США приступили к созданию глобального «Альянса молодежных движений». Фактически эта организация была профинансирована Западом. Оказывалась всевозможная техническая и организационная поддержка, проводилось обучение и координация оппозиционных молодежных движений в мировом масштабе, прежде всего — на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Латинской Америке и в странах бывшего СССР. На первом учредительном саммите, который прошел в Нью-Йорке, участвовали сотрудники Госдепартамента, члены Совета по международным отношениям (CFR), бывшие сотрудники Совета национальной безопасности США, советники Министерства национальной безопасности США и множество представителей американских корпораций и новостных организаций. В заявлении о задачах Альянса сказано, что это некоммерческая организация, которая занимается содействием низовым активистам в том, чтобы они могли оказать большее воздействие на мир.

В 2009 году идею «Альянса молодежных движений» активно поддержала Х. Клинтон. Основателями Альянса стали: бывший советник Кондолизы Райс — Джаред Коэн, ныне топ-менеджер Google, работающий на могущественный Совет по международным отношениям. Партнером Альянса стала и британская организация Quilliam, созданная бывшими политзаключенными Египта, прошедшими через членство в исламской радикальной организации Хизб-ут-Тахрир. Организация недавно получила от правительства Великобритании грант в 1 млн. фунтов стерлингов и тесно сотрудничает со спецслужбами этой страны. Главной задачей этой организации является подготовка теоретических рекомендаций на тему, как победить исламистов изнутри, и проведение тренингов по организации протестов для «социальных активистов». Одним их участников Альянса стала оппозиционная молодежная организация Египта «6 апреля», которая на «ненасильственные протесты» вывела тысячи протестующих на улицы в попытках свергнуть правительство египетского пре-

зидента Хосни Мубарака в 2011 году. Технология протеста была основана на свободном использовании Интернет-сетей, с помощью которых проводилась координация действий протестующих. Так один из участников революционных событий в Египте отмечал, что протесты планировались «Революционным советом молодежи», в который входило всего 15 человек. Они же были либо членами, либо сторонниками молодежного движения «6 апреля». Facebook и Twitter использовались ребятами не для общения, а для обмана служб безопасности. Когда наступил день «X», египетские службы безопасности ждали протестантов в одних местах, а они собирали народ в других. За пять минут, пользуясь обычными телефонами, они могли мобилизовать более 300 человек (приглашения шли веером). Так, один из организаторов протеста Амр Салах рассказал корреспонденту, что они постоянно вынуждали полицию рассредоточивать свои силы, вводили её в заблуждение. Twitter и Facebook для направления толпы использовались только тогда, когда активисты уже занимали заданные необходимые позиции.

Дипломатическое давление

После того как ситуация в стране начинает выходить из-под контроля власти, а протестная толпа, подстрекаемая провокаторами, ведет себя все более агрессивно, со стороны «мировой общественности» и лидеров западных держав начинается активное информационное и дипломатическое давление на действующее правительство и лидера государства. Технология «управляемого хаоса» переходит к шестому, финальному этапу своего осуществления. Главная цель — сместить неудобного лидера. Наглядным образом это демонстрируют египетские события 2011 года. Так, сразу после столкновения силовых структур Египта с агрессивными демонстрантами из разных держав посыпались обвинения в нарушении прав человека, недемократичности, началась громкая критика режима. Например, министр иностранных дел Швейцарии заявила, что «обеспокоена насилием в Египте», и призвала египетские власти «уважать свободу слова», а премьер-министр Турции обратился к Хосни Мубараку со следующими словами: «Прислушайтесь к крикам людей и их требованиям. Действуйте в интересах мира, безопасности и стабильности Египта. Принимайте меры для удовлетворения народа. Правила демократии требуют уважения к воле людей, к их требованиям и призывают не игнорировать народ», Государственный департамент США призвал власти Египта

мирно обращаться с демонстрантами, а сам американский президент потребовал незамедлительно приступить к процедуре передачи власти. В нескольких городах Канады, в том числе в Монреале, прошли митинги поддержки протестующих в Египте. Естественно, такая позиция Запада и его союзников еще больше дестабилизирует ситуацию в стране «управляемого хаоса», деморализует правительство и добавляет уверенности в победе протестующим массам. Все это привело к отставке и аресту египетского президента Х. Мубарака. Совершенно однотипный сценарий смены правительства был использован и в Тунисе в 2011 году, и на Украине в 2014-м. Реакция Запада на происходящее в этих странах — однотипная: требования соблюдения демократических прав, а по сути полного бессилия национальных властей, повторялись в СМИ как хорошо заученные шаблоны.

Иницируемая гражданская война

В том случае, если политический режим в национальном государстве проявляет политическую волю и решительность, не пасует перед информационным и дипломатическим давлением Запада, технология «управляемого хаоса» в этой стране может развиваться дальше по двум сценариям. Первый, это вооружение протестующего народа и создание боевых повстанческих отрядов, которые начинают воевать с правительственными силами. Страна фактически погружается в пучину гражданской войны. Именно так разворачивались революционные события в Ливии и Сирии. США активно способствовали вооружению ливийских боевиков, воюющих против М. Каддафи, и так называемую вооруженную оппозицию в Сирии. На прямые поставки оружия в Ливию американцы не решились, предоставив возможность сделать эту черную работу своим союзникам на Ближнем Востоке — Катару и Саудовской Аравии. Сам президент США открыто заявлял в своем выступлении: «Я думаю, будет честным заявить, что если бы мы хотели поставлять оружие в Ливию, то, вероятно, смогли бы это сделать. Мы ищем для этого любые возможности». В дальнейшем многие образцы этого оружия, каналы поставки которого имели полуофициальный характер и никем не контролировались, попали в руки радикальных исламистов. Как отмечается в одном из источников, ситуация с поставками оружия экстремистам привлекла внимание Национального совета безопасности, однако американцы сочли вооружение исламских ради-

калов «меньшим злом», и оружие продолжило поступать экстремистам.

Никакого контроля за поставками оружия в Ливию установить не удалось. Сотрудник правительства США отмечал, что дальше Катара пошли их союзники из Саудовской Аравии. Они отправили в Ливию оружие, которое раньше было куплено у американцев. Так мусульманские радикалы получили в своё распоряжение разнообразное оружие и боеприпасы, произведённые в США. Однако после свержения ливийского лидера хорошо вооружённые исламисты (вчерашняя ливийская оппозиция) начали борьбу со сторонниками светской власти. Огромное количество оружия (в том числе и американского) начало распространяться по региону через сети мусульманских радикальных группировок. Это оружие оказалось в руках террористов из Мали и мусульманских боевиков других стран Северной Африки. Оружие из Ливии появилось и в различных «горячих точках», в том числе в арсенале террористов радикальной группировки «Джабхат аль-Нусра», которые ведут бои с сирийской армией. Часть винтовок и автоматов из Ливии попала в руки бойцов палестинской группировки «Исламский джихад».

Военная фаза «управляемого хаоса»

Военная фаза технологии «управляемого хаоса» имеет в своей основе системный характер и далеко идущие планы. Политический переворот в стране и смена политического лидера, — это лишь часть большой геополитической комбинации, направленной на дестабилизацию ситуации во всем регионе и реформатирования мира в своих интересах. Помимо оказания военной помощи антиправительственным силам, авторы хаоса могут пойти и на открытое военное вторжение на территорию суверенного государства. Как это было в марте 2011 года, когда в Ливии международная коалиция во главе с Францией, США и Великобританией начала военную операцию. Французская авиация нанесла первые точечные авиаудары по силам М. Каддафи, а ВМС США совместно с британскими кораблями выпустили по объектам ливийских ПВО ракеты «Томагавк». Аналогичный сценарий был бы реализован и в Сирии, если бы не жесткая позиция России и Китая, которые заблокировали проект резолюции Совета Безопасности ООН с угрозами санкций против властей Сирии (в том числе и перспективу военного вмешательства).

Говоря о применении технологии «управляемого хаоса», необходимо понимать, что это беспроигрышный механизм для её организатора, вне зависимости от того, насколько полно удастся эту технологию реализовать. Достижение любого из этапов такой «мягкой» войны — это уже успех агрессора. Не стоит забывать, что за игрой большой геополитики всегда стоят прагматические интересы глобального бизнеса, который выигрывает при любой дестабилизации ситуации за пределами своей державы. Как отмечалось ранее, дальнейшее развитие бизнеса в глобальном пространстве на данном этапе возможно только при ослаблении экономик других стран и превращении их в сырьевой придаток и объект экономического манипулирования. Достижение этих целей не менее важно в технологии хаоса, чем создание марионеточных политических режимов по всему миру. Так, например, после революционных событий в Египте, темпы экономического роста в этой стране к ноябрю 2011 года резко сократились — с 8% до менее 1%. Валютные резервы уменьшились на 40%. А биржевые индексы Египта за считанные дни упали на 11%. Зато спрос на доллар вырос на 100%. Множество людей пытались перевести свой капитал в твердую валюту, что привело к резкому повышению курса американского доллара и его дефициту на рынке.

В то же время сами США воспринимаются миром как остров политической и социальной стабильности, и поэтому представляют самое благоприятное место для оттока капиталов. Еще в годы Второй мировой войны США использовали этот принцип обогащения и фактически были заинтересованы в масштабном военном конфликте в Европе. Огромная масса банкиров, предпринимателей и ученых эмигрировала из Старого Света в США, убегая от боевых действий и ужаса фашизма.

В наши дни американская модель «управляемого хаоса» ставит одной из задач повторение сценария XX века, только вместо войны и фашизма в Европе используется фактор массовой миграции беженцев из Севера Африки и Ближнего Востока. Именно по этой причине в международных СМИ проблемы миграции в Европе так активно нагнетаются и упорно не уходят с первых полос информагентств. Главная задача американцев напугать европейский бизнес ордами арабских «варваров», уничтожающих европейскую цивилизацию. И, по всей видимости, стимулирование миграционного хаоса

уже начинает приносить свои плоды. Экономисты полагают, что в ближайшие несколько лет из Европы может уйти 4 триллиона евро. Если данный сценарий будет осуществлен, то евро и дальше будут таять, а Евросоюзу придется стать массовым заёмщиком и, следовательно, вступить в финансовую зависимость от США.

Другим направлением интересов транснациональных компаний Америки является экспорт сланцевого газа в Европу. В последние годы в мире развернулась активная борьба за рынки сбыта энергоносителей, главными участниками этого противостояния являются США, Россия и страны Ближневосточного региона. Однако на сегодняшний день у США отсутствует необходимая экспортная инфраструктура, без которой обеспечение Европы их голубым топливом попросту невозможно. Имеющиеся в Штатах терминалы по обработке газа, предназначенного для внутренних нужд, не подходят для экспорта топлива — требуется другое оборудование, разный подвод и транспортная логистика. Все это не позволяет американцам на практике осуществить масштабный экспорт газа в Европу. По подсчетам специалистов, американцам необходимо выиграть время — около 5 лет для того, чтобы решить свои технические трудности. Однако даже если все трудности с отправляющими и принимающими газ терминалами будут решены и сланцевый газ станет поступать в трубы европейцев из Америки, его стоимость в силу объективных технических издержек будет гораздо дороже того газа, что поставляет Россия. Понятно, что в сегодняшних условиях европейцы не готовы жертвовать своим бюджетом ради подобных американских интересов.

Для того чтобы склонить ряд европейских лидеров к заключению контрактов с американскими газовыми компаниями, США просто необходимо, чтобы в Европе ухудшилась экономическая и социальная ситуация, а в политическом плане обострились отношения с Россией. Только в таких условиях у американской стороны есть надежды на успех. И сложная ситуация с многотысячным потоком беженцев в Европу, нагнетание комплекса социальных проблем, этнического и культурного противостояния в ряде стран Старого Света видится продолжением хитро спланированной технологии «управляемого хаоса». Нестабильность на Ближнем Востоке и на границах Европы (или даже внутри её) должны продолжаться еще несколько лет, по крайней мере, до той поры, пока американским компаниям не удастся наладить свою техническую инфраструктуру в газовой отрасли, в противном случае европейский рынок будет для них закрыт .

Таким образом, Евросоюз как естественный союзник США видится в призме технологии «управляемого хаоса» таким же заложником и объектом латентного манипулирования, как и страны Ближнего Востока.

Голод как гегемонистская стратегия

Еще одним из элементов стратегии «управляемого хаоса» являются механизмы управления голодом. По данным Всемирной организации продовольствия и сельского хозяйства ООН, в наши дни голод установил свою власть над миллиардом человек во всем мире, а обычную нехватку еды в той или иной степени, количественной или качественной, испытывает почти половина современного человечества. Прогнозы специалистов предрекают дальнейшее повышение мировых цен на продовольствие и дальнейшее расползание голода по планете. Неблагоприятные для сельского хозяйства изменения климата, войны и вооруженные конфликты, глобальный финансово-экономический кризис делают проблему голода одной из самых актуальных. Ответом западных транснациональных компаний на продовольственную проблему стало появление на глобальном рынке разнообразных генно-модифицированных организмов. Здесь лидером стала американская кампания ТНК Monsanto Co, тесно связанная с гигантом пищевой индустрии Coca-Cola и контролирующая рынок генно-модифицированных сортов сои, кукурузы, хлопка и пшеницы. Вопрос пользы и вреда организму человека от таких продуктов является в науке дискуссионным. Однако не вызывает сомнений тот факт, что продовольственная зависимость страны от иностранных товаров, возможность увеличивать и уменьшать объемы их поставок, являются прекрасным способом стимулирования условий для социальных потрясений и дестабилизации ситуации в регионе.

Хаос и глобализация

Технология «управляемого хаоса», активно используемая США в своих целях, может успешно применяться в любом регионе, где есть существенные экономические и социальные проблемы, вне зависимости от этнического и конфессионального аспекта. К наибольшему эффекту такая технология приводит в сетевых обществах, активно включенных в глобализационные процессы. В сетевых обществах гораздо меньше организации и рассудочности, и сами они гораздо

ближе к хаосу, непредсказуемости и спонтанности, нежели общество, основанное на рациональной иерархии. Используя сетевой принцип воздействия, «управляемый хаос» опутывает все сферы общества от образования, СМИ и науки до экономических и политических процессов. Внешне угроза национальной безопасности от подобной технологии на первых этапах ее развития может не проявляться, так как она всегда завуалирована красивыми и праведными лозунгами либеральных ценностей, свободы слова, демократии, толерантности и проч. Когда же в стране создаются необходимые условия, сетевой принцип энтропии срабатывает молниеносно и нередко приводит к полному краху государственности. Противостоять технологии сетевого «управляемого хаоса» крайне сложно, комплексных мер борьбы с этим злом еще не выработано, что позволяет считать эту технологию одной из глобальных угроз современного миропорядка.

ЗАРЕВНА

ПОВЕСТЬ

Я лежал на дне неба...

В вышних облачных водах его блеснул чебачок. И зажурчал ручейком. Жаворонок... Он завис в рассветном туманце, и я, оживающий, вперился в эту точку. До слепоты, до глухоты. И уже чёрная воронка начала карусель меня в провальный сон, как закручивала, лежащего уже, всякий раз после последнего стакашка.

Но будто земной шар склонился надо мной. Тёмно-фиолетовый, словно ночной. Живой. Дышащий густым теплом. Травным. Планетарный лошадиный зрак. Слёзно-блескучий. И такая вселенская материнская печаль о моей пропащей душе скорбела в лошадиных очах, что внезапно восставшая совесть содрогнула меня, и я спасительно обнял точёную, в ласковой бархотке, родную гнедую морду.

Печальница моя терпеливо выдержала объятия. Когда выпрастывалась из них, я ощутил ладонью огромное глазное яблоко, вздрагивающее — влажное...

ПРОЗА

Поднялся. Она уходила в рассветный туман, уже простроченный золотистыми нитями загоризонтного ещё солнца.

Пока я стоял, заворожённый призрачным силуэтом пришелицы, пар от росной студёной травы вырос до моих колен, ещё более фэнтезируя происходящее.

Я промок и продрог, но не ощущал этой болотности. Будто двойник мой, точно очарованный послушник за пастырем, пошёл я за тающим в тумане силуэтом. Слепо ступил на головешку от погасшего ночного костра. Она хрупнула, хрустнули угли; взметнулся прибитый росой седой зольный прах.

Першащая горечь его будто раздвоила моё зрение, и я как бы искоса, впромельк увидел кучу пустых бутылок из-под «Солнцедара» и тарелок в ошмётках макаронин и тефтели. Мотнул головой, сбрасывая загульный реализм, возвращаясь к поперченной похмельным костром праведной инаковости.

Манящий силуэт растаял в туманной дымке. Однако верная стёжка от него в примятой траве прямо вела к институтским корпусам...

Гулеванить начали в общаге. Госы почти позади. Самую сложнятину — русский с его исторической грамматикой и синтаксисом — с Божьей помощью и со шпорами никто не завалил. Дружкам-филолухам оставалось спихнуть по одному экзамену. Меня же, отъявленного хвостиста, поджидали ещё три госа: научный коммунизм, педагогика и русская литература. Как я ни отбрыкивался, меня, *magister bibendi*, гуру пития, закопёрщика всяких попоек, в это празднество всё-таки втянули. И понеслась душа в рай!..

В закоморок наш едва ли не полюбшаги понабилося. Засланцы то и дело засылались в придорожный ларёк за возлюбленным «Солнцедаром». Незабвенная эпоха достославного чернильного напитка: аж двадцать градусов — и всего рупь сорок две! Именины сердца — и полный ренессанс!

Общажная столовка не успевала пирожки с ливером стряпать и тефтели с макаронами. Таковую широкую, щедрую масленицу развернули студентки «на выданье» — выпускники!

Гонимая казённой теснотой, «озарённая солнцем» лавина с гитарами грянула на натуральное солнышко в разгуляй-поле между языкастым заливом и студгородком.

Сморилось светило от студенческого табора, улеглось отдыхать в горбатеньких сопочках за заливом. А сладка ягода-ползуника до самой рани топоршилась у мерцающего костерка.

Те, кому осталось сделать последний шаг к высокому учительскому званию, оставили меня одного с тремя экзаменами на «поле брани»...

Путеводная стёжка оборвалась у заборного бурьяна, словно взмыла с пегаской в небеса. Я сорвал с тополя листок и, даваясь, задыхаясь ядовито-зелёной желчью, сжевал это зелье от тяжкого неблаговония. Взбодрившись «антиполицаем», с усмешкой вообразил себя свежеспахучим раскудрявым тополем и, как другид, уверенно зашагал к «научному коммунизму».

На подступах к коварному для меня Марксову «Манифесту» я, с тополино-друидным настроением, спопугайничал главного экзаменатора. Облечённый высоким чином институтского парторга, завкафедрой поддерживал тесную связь с «народом» и по-простецки шутовал на идеологических лекциях с неизменным зачином: «Чтобы рассказать об Англии, я расскажу о её соседке Франции...»

— Чтобы рассказать о «Манифесте», я расскажу о Франции... — развязно начал я, и «любимец всех студентов» довольнo ухмыльнулся:

— Плагиат, однако вполне допустимый. Стало быть, сиживал на моих профессорских лекциях. — Он любил подчёркивать своё учёное звание.

— Франция вообще не вылезала из революций! — приободрённый, пафосно продолжил я, нагло собирая всё до кучи. — Жакерия, Жанна д' Арк, восстание кроканов, Варфоломеевская ночь... У меня бабушка в Варфоломеевке, — бесшабашно и опасно съюморил — ни к селу ни к городу.

— Не отвлекайтесь! Ближе к сути вопроса! — постучала ручкой по столу «бальзакова» ассистентша с хотимчиками на лице и искоса глянула на заведующего: не осудил ли её строгость?

— Восстание «босоногих», Фронда, — воодушевлённый молчанием профессора, продолжал сыпать я неотразимыми знаниями: «революционную Францию» мне конспиративно подсунули друзья по ползунике, — взятие Бастилии, взятие Тю... Тюль... — тщетно потужился выжевать — всё-таки похмелье сказывалось.

— Тюильри, — вежливо поправила ассистентша.

— Тюильри, — благодарно кивнул я и выстроил «упряжку» якобинских вождей: — Марат, Робеспьер, Дантон, Сен-Жюст... Лионские ткачи два раза выступали. А в Париже аж целых две Парижские коммуны были: в 1790-м и в 1871-м, в них первый опыт диктатуры пролетариата копился. Это удачно изобразил известный художник Делакруа в своей знаменитой картине «Свобода на баррикадах»... — О картине я выдернул не из шпоры — из своей собственной памяти. С флагом, с обнажённой грудью — такая прелестница не могла не запомниться. — Так вот... — чуток смешался из-за светлого

образа девы — символа Франции, — в ней первый опыт пролетариата отразился. И его использовали в «Манифесте» Маркс и Энгельс...

— Ну это уже перекоп, — добродушно проворчал профессор. — Здесь весь опыт международного рабочего движения учтён. И России — тоже. Она — не менее революционна, и даже более. Хм-м... «Чтобы рассказать о «Манифесте», я расскажу о Франции...» Восстание кроканов, «босоногих»... Хм-м... Перекоп, но вполне допустимый. Похвально, похвально!..

— Благодарю за похвалу! — забрал я зачётку с оскорбительным четвертаком: на пятерик ведь блеснул. Но обиду не выказал. — Благодарю за урок о крепостном праве!

Зав раскатисто расхохотался:

— А это уже педагогика!..

Однажды он влетел в аудиторию и заорал:

— Цветикова! Вон отсюда!

Студии ошарашенно застыли истуканами. Цветик-семицветик затрепетала, мертвенно побелела, на полусогнутых привстала из-за стола: полоротая, глаза выпучены — едва не плюхнулась в обморок.

— Вот так при крепостном праве в России помещики относились к крестьянам! — со «сталью» отчеканил педагог-новатор и сотряс могильную тишину довольным хохотом...

«А это уже педагогика...» Она находилась через дверь, и я без шпор, без подготовки по безотказной профессорской методике: «Чтобы рассказать об Англии...» — начал заливать о спартанском воспитании, об Аристотеле — учителя Македонского; об Арине Родионовне: благодаря няне Пушкин стал народным поэтом, и причём — великим. Упомянул я и смолянок (вспомнились «курсистки румяные, от мороза чуть пьяные»); Толстого — как педагога, написавшего «Филиппка»; Ушинского, систему Станиславского, Макаренко, Сухомлинского... Заболтал комиссию, хотя должен был раскрыть принципы педагогики Крупской.

Великая русская литература! Обьятие — необъятного. Переплытие Мирового океана — сажёнками. Млечный Путь. Космос... Монбланы текстов — от Нестора Летописца до Шолохова и Астафьева. Беспросветная зубрилка Цветикова на трёх «О» Гончарова заговариваться стала, путать «Обыкновенную историю», «Обломова» и «Обрыв». Шукшин едва не завалил поступление во ВГИК на «Войне и мире». Да нашёлся что ответить: утомительны, дескать, толстовские, многостраничные предложения-тягуны. Снисходительно отнес-

лись режиссёрские мэтры к тридцатилетней самобытности из алтайских Сrostок за смелое суждение. А «Жизнь Клима Самгина»... Сорок лет самгинщины. Четыре тома. 1662 страницы. Из такой пучины зачастую выуживают лишь на спасительную блесну: «А был ли мальчик?..»

Смелость города берёт... В третий заход мне улыбнулся «пригласительный» билет для взятия литературного Вавилона: сказки Пушкина и начало XX века.

Воодушевлённый успехом предыдущего похода, я воздал хвалу педагогическому дару Арины Родионовны. Поведал насторожённым экзаменаторам, как на учительской практике один недоросль-сочинитель на мою же «билетную» тему написал, что Пушкин очень любил слушать сказки и часто ездил на электричке к няне на дачу. Под одобрительные ухмылки «приёмщиков», скользнув по «Золотому петушку», «Балде», «Рыбаку и рыбке», «Мёртвой царевне», «Медведице», с вдохновением приступил к «Гвидону» — и торжественно продекламировал полное его название! Скромно потупился и напомнил почтенной «тройке» давешний КВН, где хваленый капитан одесситов Юлик Гусман не смог назвать даже отчество Гвидона.

— Вопрос исперчен, — непонятно пошутила Марковна, матрона с величественной причёской «сахарная пудра»: то ли позлорадствовала над Юликом, то ли предложила перейти ко второму вопросу.

Она гордилась своим отчеством — такое же было у протопопицы, верной жены неистового Аввакума. Начиная курс древнерусской литературы, Марковна то и дело напоминала нам, «первышам»:

— На всех выпускных вечерах мои студенты всегда поднимают тост за великого писателя земли русской Аввакума Петрова.

Намёк понятный. Стало быть, и нам надобно через четыре года выпить за протопопа и за «нашу Марковну».

И заклиная нас на эту долгую память, она трагически изобразила диалог из «Жития»:

— Долго ли мўки сея, протопоп, будут?

— Марковна, до самья до смерти!

— Добро, Петрович, ино ещё побредём.

И я находчиво перевёл её «вопрос исперчен» на «житийное»:

— Добро, ино ещё побредём...

Моя варфоломеевская бабушка Аганя родилась в Каменке близ каторжной Мезени, куда после ссылки в Даурии в 1664 году к Белому морю перевыслали неукротимого Авва-

кума. Через три года его погнали в Пустозёрский острог в устье Печоры. Здесь с тремя союзниками по царскому указу в 1682 году сожгли в земляном срубе за неистребимую старую веру.

Сама старообрядка, бабушка предполагала, что Мезенцевы приходится родней батюшке Аввакуму, хотя на самом деле он был родом из села Григорова, что на Волге подле Нижнего. Огорчать неродством бабушку я не стал, однако сам почувствовал некое историческое родство с пламенным писателем и борцом за народную веру, как говорил его земляк Горький. «Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык...» — взывал Аввакум. И я не «позазрил», а до глубины души проникся его «вяканьем», как церковно-иронично и по-христиански уничижительно обозвал он свою речь.

«Житие протоппоа Аввакума, им самим написанное»...

«По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Тоже, положи правую руку на плаху, но запястье отсекли, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает. Я на третьей день у него во рте рукою моею шупал и гладил: гладко всё — без языка, а не болит».

Этот отрывок калёно, кровоточаще вжётся в меня, первокурсника пединститута Андрея Мезенцева, филолуха и раздолбая, по определению праведной филологини Цветиковой. И я бы выжег Аввакумовым глаголом экзаменующие сердца. С «началом XX века» знаком был шапочно, но заметив благосклонный кивок Марковны, оценившей фразу из «Жития», уверовал в свою начитанность, а по правде говоря, в нахвтанность. И начал «скрести по сусекам».

На дружеских попойках понахватался не только анекдотов. Их с особым тщанием записывали в своих продажных мозгах неиссякаемые доглядчики и шептуны-наушники. Этих тихушников мы издевательски изобличали: они, глупыши, не пили, блюли в кристальной чистоте и трезвости память. И мы с блаженством изгоняли их на веки вечные из своего общения.

Однако братия наша, несмотря на разгильдяйство, хоть и с хвостами, но упорно влачила из курса в курс. Делились прочитанным, фабулами-сюжетами, увиденным и услышанным. А на скрижалях подкорки само собой высекалось самое броское и даже то мимолётное, казалось бы, сорное, но

что непостижимо пригодило и выручало при самом гибельном обвале.

И столько повалилось спасительного «мусора» на мою головушку, что пришлось утишить этот «водопад»: строки из стихов Городецкого, Хлебникова, Сологуба, «Бурлакова»...

По традиции, начал издавека, с почитаемого Аввакума. Стал декламировать описание изуверства над союзником протопопа Лазарем. Марковна воссияла, но желчный, шамкающий спец по Серебряному веку сморщился до плюшкинского лимона:

— Это шовшем ни к шему!

Сам вчерашний выпускник, чистоплюй ассистентка донимал четвёртый курс зачётами, где шпоры были бессильными. Требовал наизусть читать всю «Анну Снегину» Есенина и ещё пять его стихотворений, отрывок из «Облака в штанах» Маяковского, всю поэму Блока «Двенадцать», а также по пять стихов Ахматовой, Гумилёва, Цветаевой; а два-три Мандельштама, Пастернака, Заболоцкого... С первой попытки одна лишь Цветикова отделалась от изувера. Многим он кровушки попортил, многие из-за этого «стихотворного» хвоста стипендии бы лишились, да Марковна, следуя заветам народного заступника Аввакума, будучи завкафедрой, приструнила ретивца: сам-то, де, и «Шаганэ» не знаешь, а охоту к русской поэзии отбиваешь.

Я смог одолеть лишь десятину повинности. И в четвёртое безнадёжное своё пришествие на заклание поведал зачётчику, что, копаясь в подшивках дореволюционных газет в краеведческом музее, наткнулся на подборку стихов неизвестного доселе поэта Бурлакова из созвездия Есенина. И тут же по-ахмадуллински манерно пропел:

*Покладистый, с маленьким голосом
Мной овладел.
Он гладил и стриг мои волосы,
Что-то мне пел...
И я процедуры не выдержал,
В память упал...
И он в моей памяти вырезал
Солнечный бал...
С тех пор я скитаюсь
Ни в прошлом, ни в будущем —
В сереньком есть
И пьяным, блаженным
кладбищенским служащим
Крашу свой крест...*

Он попросил меня переписать этот «шедевр русской поэзии Серебряного века». Высунув от усердия кончик языка, я с небывалым тщанием, каллиграфически напечатал своё «открытие» и вместе с ним положил на стол зачётку.

Теперь же испытывать судьбу на прочность лже-Бурлаковым, то бишь Мезенцевым, я не искусила и храбро продолжил тему преемственности художественных течений в русской литературе:

— Сцена с Лазарем — это яркий по выразительности символ стойкости народного духа, несгибаемой веры. Духовный символизм «Жития» — народен, а брюсовский — упадочен, ибо декадентство появилось в пору кризиса буржуазного общества. «О, прикрой свои бледные ноги!» — восклицал Брюсов. На что Чехов съязвил: «У декадентов ноги волосатые»...

— Галопом по Европам! — неуклюже буркнул ассистент.

Стараясь не «скакать», я плавно перешёл к Андрееву:

— Незначительное влияние декадентство оказало на критический реализм Леонида Андреева. Этот уклон вызвал некоторые идейно-художественные расхождения между ним и Горьким. Декадентские приёмы заметны в рассказе «Ангелочек». Вот пример импрессионизма: мальчик Сашка в светлом круге от уличного фонаря видит реявшие сухие снежинки. А вот почти пикассовский экспрессионизм: девочки смеются, прижимая руки к груди и перегибаясь. Глубокий психологизм постижения детской одинокой души, резкие контрасты в изображении убогой и рождественской жизни, новаторские выразительные средства усиливают драматизм повседневной жизни в рассказе Леонида Андреева.

— Да, наряду с протештом против буржуазного штроя, — забубнил ассистент, — творчество Леонида Андреева всё более отклонялось в сторону шубъективизма, декаданша с таким душком. Какое тут новаторство? Упадничешкая жатхлошть. А в это время — швежий ветер шошиалиштитчешкого реализма. «Пешня о Буревештнике»...

— В экую пору диспут на экзамене разгорелся! — оживилась Марковна. — И благодаря студенту Мезенцеву. А как тонко отметил он нюансы о снежинках, о девочках, которые перегибаются!.. Глубокое понимание предмета!..

Чутьё не подвело меня. Ловко свернув к Андрееву, я заострился на «Ангелочке». Рождественское всегда умиляет и трогает. Детали же убедили экзаменаторов в моём знании предмета. Чиркнув как-то глазами по рассказу, я и запомнил лишь «снежинки» и «девочек, которые перегибаются».

Итак, три госа — за час сорок девять! Настоящий студент не тот, кто задаётся вопросом, какой сегодня экзамен, а тот, который интересуется у народа, что за экзамен он сдал. А тут целых три! Даже не верится. «А был ли мальчик?..» «А был ли сом?..»

Был! Вот диплом! Смеётся. Красуются в нём четвёрочки. Четвертаки — перевёрнутые троны, государственные экзамены.

Зелёно-золотые дали тускнели. Бесконечная гряда сопок прервалась, и в долину, где змейкой полз поезд и паслось стадо коров, вулканической лавой хлынул закатный свет. Казалось, огненный поток сожжёт и стадо, и поезд, зальёт всё вокруг. Следующая гряда сопок, заслонив лаву, выступила вперёд, смыкаясь с предыдущей, и сквозь ущелье между ними, стущаясь, просачивался свет, будто мелеющая река пересекала долину. Вот она иссякла, и со дна её огромными мохнатыми кочками выступили купы разнотравья...

Моя фамилия находилась в серёдке списка распределения. Сельские, поселковые и станционные школы. Пять Покровок, три Ильинки, две лесозаготовительные Таёжки, сейнерные Рыбачьи и даже острова... Цивильные пгт разобрали троечные блатники. Те, что покруче, вообще в городе пристроились. Мне приглянулась Улюляевка. Какая музыка в этом слове! Конское ржание, топот копыт. Аллюр — два креста. Ул-лю-лю-ю!.. Гуляй-поле!.. Однако в выбор встряла закавыка. И без того слыл раздолбаем. А тут ещё Улюляевка-раздолбаевка. Сгину в ней... Всех ошаршила Цветикова. Ленинская стипендиатка, красный диплом, вольная птица. На кафедре русского языка грамотейке предлагали место ассистентши. А она выбрала Улюляевку. Решила помочь школе в глубинке. Позже я узнал, что здесь располагается дикий стройбат: ночная поножовщина, дезертиры-бандиты... Из школы этой «зоны» распределенцы дезертировали через месяц-другой. Бедная Цветикова!..

Мне достался рыболовецкий совхоз с непонятным названием Агар.

Агар этот в военкомате значился сельской местностью, и я, молодой специалист, пожертвовавший собой ради просвещения на селе из-за нехватки там учителей, по закону освобождался от несения воинской службы. Родители такой государственной заботе о сельской школе были весьма рады. Я же подобного «подарка» не ожидал, презирал косящих от армии и был готов выполнить свой воинский долг. И

всё же мне не терпелось почувствовать себя настоящим учителем — сеять разумное, доброе, вечное. Месячная практика в родной школке под плотным присмотром институтских методистов и местных учителей оглупляла меня, без пяти минут педагога, до состояния бестолкового, лепечущего школяра, я мечтал вырваться поскорее из этой душевной опеки. И вот Агар...

В словаре узнал, что это вполне морское название, только усечённое для краткости. Полное звучало бы вообще экзотично — Агар-Агар, подобно Баден-Бадену. По-малайски, агар-агар — желе. По-научному, продукт из красных и бурых водорослей, образующий в водных растворах студень. Используется для культивирования полезных грибов, бактерий и водоочистных водорослей. А также для изготовления кондитерских изделий: мармелада и пр. За этим «пр.» скрывается, похоже, неповторимое «Птичье молоко» — великая тайна конфетного искусства.

Вот с такими познаниями о месте своего учительства катил я в неторопком сумеречном поезде туда, где горизонт смыкался с небом. Скоро в горизонтной черни золотилась лишь шёлковая ниточка с манящими зарницами.

Родное мне слово «межень». Межень августа. Межень ночи и утра. Прохлада. Близость моря. Станция. Посёлок Волновой. Волнующий сквознячок в моей груди. За спиной — рюкзак. Впереди за гривастенькой дубнячковой сопкой «раскинулось море широко», блещет, как в рыбьей чешуе.

Пыльный просёлок от Волнового до Агара. Придорожный погост в бурьяне, с запылёнными пирамидками со звёздочками, клиньями памятничков, с крестами. Тихое обиталище... Мои старики пока держатся. Не съела их ещё четвертьвековая угольная пыль. Шахтёры: мать — инструментальщица, отец — забойщик.

— Сыночка, ты пошто, как турист, снаряжился? Учитель ведь. Несолидно так-то. Что, у нас чемоданов в доме нет?

— Зато, мам, у меня портфель — министерский. Как из рюкзака достану, сразу заважничая.

— Вот важности-то тебе и не хватает. Пацан пацаном. А со школьной вид держать надобно и перед учителями достойно выглядеть.

— Да с рюкзаком мне удобнее по электричкам мотаться, вас проведать.

— Как обустроишься, Макаренка, обязательно звони. А не то в самом Угольке устроим, в твоей же родной школе. Сам знаешь, меня здесь все уважают. Полный кавалер «Шахтёр-

ской славы!»! Почётный житель, на городской Доске почёта красуюсь.

Эх, батя, стахановец, полный кавалер, знатный и почётный! Комнатуха в барачной двухэтажке — твоя с матерью заслуга. Да дачка — уютное гнёздышко в стороне от «египетских» пирамид терриконов и бухающих копров. Дачка — дочка, а я всё у них сыночка...

По кручам за погостом спустился к морю. Пристроился на скале с седловиной. Едва дышащее доселе, море тихо вздохнуло и, словно ладошкой, плеснуло на меня веер радужных брызг. Приветило гостя. Захлопало в межскальном затишке, играя пастельными цветами. Я зажмурился и открыл глаза — словно серебряная чайка распласталась передо мною. Часто заморгал — и она полетела, бескрайняя, безбрежная...

Я расшнуровал берцы. Моё море приливало к босым ногам; баловалось, обдавая меня клейкими брызгами, ластилось ко мне.

За сиреневой дымкой горизонт не виделся. Казалось, что небо продолжается морем, что море и небо — одно и то же. И чудилось, как небо стекает в море, а я парю посреди этого вечного небесно-океанского течения. Оно словно втянуло мою душу и влило в меня свою...

За горной гривой в распадке белопесчаный перешеек отделял от моря пресное озерцо в половину футбольного поля. Не кладбищенские вороны каркали в ивовых его кущах по берегам — утва разрывно крякала, радуясь озёрному утру.

С кряжа в распадок спускались ряды вольеров норкового зверосовхоза, откуда, заглушая йодисто-морскую свежесть, толклись крепкие «благовония» норок и рыбьего корма. Да и весь Агар был объят подобным «парфюмом» гниющих водорослей, рыбы и тука. Зато школьный оазис словно заповедно ограждён был от этого запашистого «скусна». Озерко в «штакетнике» рогоза с куличками-буратинками на пяточке песчаной отмели. Вольный бычок, небодливый, миролюбиво мыкнул, приветствуя меня. Пастораль... Шатровые вязы во главе с трёхэтажной салатовой школой.

Директор Валентин Витальевич, лысоватый, большеголовый, устало посмотрел на направленца огромными, навывкате глазами и снял толстостёклые очки. Подслеповатые глазки его в едва брезжущем пятнистом свете стали закрываться. Веки задёргались, и Валентин Витальевич поспешно надел очки и жутковато уставился на меня увеличенными глазищами:

— У нас, знаете, трудновато. Школа, можно сказать, строгого режима. Родители в воспитании участвуют слабо. Ког-

да им? Матери — рыбообработчицы, в Зверьках норок для пушных европейских аукционов выращивают. Отцы — на мэрээсках рыбу ловят. Воспитание на школе лежит. А обучение?.. Предметы учениками плохо усваиваются... Может, Андрей Васильевич, в старшие вожатые пойдёте?.. — неожиданно закончил директор психологическую прелюдию...

Я улыбнулся... Вступая в пионеры, старательно учился завязывать галстук не как мешочек, а узлом-коробочкой...

А здесь — трудновато, строгий режим... Однако в приёмной квочкой парилась нафталиновая старушенция. Этаким символ школьной вечной чиновницы. Её чиновное место больше походило на жилую комнатуху, чем на «администрацию». На комод с выточенными балясинками из-под выгоревшего ситчика выглядывали уголок думки и ручка швейной машинки. Со шкапика свисала кружевная накидка. Всё в комнатке: стопки бумаг, папок, подоконник, окна — было прикрыто вышивками, цветочковыми задержушками, кружевными салфетками. Из шкапика аппетитно пахло не просто пакетным супом, а настоящим мясным борщом. Полосатый котяра, свернувшийся на коленях хозяйки, славно мурлыкал, сладко вдыхая вкусные запахи. Сама старушка была по-домашнему чуть неряшлива, мягкая, круглая, с румянчиками. Писала она детским почерком, очень медленно. Выводила каждую букву, отрывала от бумаги ручку, похожую на градусник, приподнимала голову с большой скобкой-гребёнкой в изжелта-седых, коротко стриженных волосах. Пришлёпывала, высунув от усердия кончик языка, и вновь склонялась над следующим словом. Ждать её писанину было утомительно, но ещё медленнее казались её движения, когда старушенция доставала из футляра печать, вдавливала её в чернильную подушку. Выпучив бесцветные глаза, она старательно дышала на резиновый кругляш и долго держала печать прижатой к документу. Потом с лёгким треском отдирала её от бумаги, торжественно надевала очки и внимательно рассматривала оттиск. Если он был недостаточно чётким, она снова вдавливала печать в подушку, снова дышала на резинку и пыталась совместить печать с оттиском. Но догадавшись, что попасть буква в букву невозможно, снова разглядывала бледный, на её взгляд, оттиск, недовольно качала головой, снимала очки и закрывала футляр. Дел у неё было немного. Она тихо радовалась каждому посетителю и работала с ним важно, обстоятельно, а потому чрезвычайно медленно. Такая вот «строгорезимная» архаика...

— Понятно, что вы, Андрей Васильевич, метите в учителя...

Но тут влетела в директорскую каланча с задорным красным галстуком:

— Я по направлению!..

Меня, нестажиста, Валентин Витальевич поставил классным руководителем на четвёртый, посильный класс. Проводил в мои апартаменты. Прибывшая старшая вожатая поселилась у родни в соседнем Волновом. Мне же досталось целое «общежитие» для молодых специалистов — трёхкомнатная квартира в пятиэтажке рядом со школой и в трёхстах шагах от моря. Лоджия — хоть на велике катайся; балкон с видом на море — симфония его прибоя, казалось, бурлит у самого дома. Да-а!.. Шикуй в хоромах, наслаждайся океанскими красотами! Курорт! Агар-Агар — Баден-Баден!..

Отправился знакомиться с Агаром. Благо, посёлок располагался на полуострове и время от времени проветривался от запахов рыбоконсервного и агарового заводов.

К моему удивлению, встречные агаряне здоровались со мной, будто знали, что я новый учитель. Но здесь, как и во многих русских деревнях, было заведено здороваться с каждым встречным-поперечным. И я с удовольствием отвечал на приветствия, уже ощущая себя своим среди агарян. Этак пройдёшь по посёлку — вот тебе и работа с родителями. Ребятня не попадалась: пляжилась, с верещаньем подлётывала, как на батуте, на кипящем, бурунном прибое. Эта манящая картина хорошо обозревалась с сопочки в центре Агара. Здесь на автобусной остановке у пассажирской коробки коряночки продавали овощи со своих огородов. Среди них затесалась глазастая девчушка лет десяти с золотыми шарами. Палисадники на улочках утопали в «золоте» — кто же станет покупать эти цветы? Купил я, вскользя подумав, что цветочница может быть моей ученицей. Но знакомиться с ней, раскрываться, не стал: похожу по посёлку инкогнито.

С букетом, как жених, спустился с сопки к Дому культуры БСФ — базы сейнерного флота. Не дом — дворец! Побелённый, с колоннами. На фронтоне лепные знамёна со звёздами и датой рождения: 1949. Сталинское великолепие! Заслуженное. В годы войны труженики моря рыбацкого посёлка кратно перевыполняли планы по добыче рыбы, снабжая фронт и спасая от голода тыл консервами. В скверике памятник погибшим воинам. К увядающим на солнце красным гвоздикам положил золотые шары.

На пирсе лихо орудовал удочкой бомжок. В пластмассовом ведре из-под шпатлёвки красовались «лапти» камбалы, краснопёрка, корюшка. Наживка — белёсая рыба трес-

буха — змеилась от консервного завода, что трудился неподалёку слева.

— Это я так, для удовольствия, для азарта, — пояснил рыбачок. — К пяти мэрээски подойдут, набросают всякой всячины.

К пяти, напрыгавшись взахлёб вместе с пацанвой на тугих валах прибоая, я подоспел к вернувшейся с лова первой мэрээске. С палубы полетела, смачно шлёпаясь в брызгах на пирс, положенная для агарян доля от дневной рыбацкой добычи. Пресытившиеся разнорыбицей, посельчане брали понемногу. Ребятишки, в основном, похоже, мои четверыши, накальвали на палки, к моему изумлению, полуметровых сельдевых акулят и, подняв трофеи кверху, с индейским улюлюканьем носились по посёлку.

От всего увиденного я ошалел: встреча с жизнью — с жизнью необычного посёлка... Брать рыбу постеснялся: как-то неудобно задарма. Но тут меня тронула за рукав давешняя девочка и, благодарно взглянув, молча протянула мне пакет с двумя рыбинами.

— А как же ты? — спросил я, но тут же предположил, что она немая, а стало быть, и глухая.

Однако услышал рассудительное:

— Вижу, вы новенький. Учитель поди. Вам ещё обживать-ся надо. Вот и пожарьте себе. А мы камбалёшку каждый день едим. Весь Агар жарёхой пропах. А мы с мамой больше краснопёрку любим. Но она шибко костистая. Вытаскиваем её из шкурки, на мясорубку, и фарш — в «чулок», и запекаем. Вкуснятина! Пальчики оближешь! Как-нибудь вас угостим. Вы же в учительском общежитии устроились...

«Откуда ты всё знаешь?» — хотел было спросить я, но она уже сорвала лопух на закрайке пирса, завернула в него краснопёрку и побежала в сторону самого убогого местного поселения — Жилки, где лепились хибары или балки. Какие золотые шары могли расти в ущельной Жилке? Но выглядела моя знакомица едва ли не модницей: сзади из бейсболки золотилась косичка; фирмовые футболка, шорты и кроссовки. Такая и шары могла посадить, и фаршированный «чулок» из краснопёрки испечь. Однако одежда ей была уже маловата — поношенная и поблёкшая.

Гостинец её оказался кстати. Когда я вернулся после обозрения Агара в хоромы, они не были уже одинокими. В угловой, самой неприглядной, тёмной комнате, на голой койке в одежде храпел пожилой мужик. Из-под койки выглядывал чемоданишко с клёпаными уголками.

Едва я заглянул в комнатку, как новоселец взьерошенно вскочил и мутно уставился на меня. Затем прохрипел, подавая руку:

— Георгий, Гоша!

Валентин Витальевич привёз его из гороно, где Георгий, историк, искал учительство. Дабы достойно отметить наше знакомство при рыбном изобилии, мы отправились за покупками. В шеренге двухэтажек с датами рождения на «лбу» — 1949, 1950, 1951 — выделялись хозмаг и продмаг. В первом магазине мы отоварились электроплиткой, кастрюлей, сковородкой, тарелками, чашками, ложками, вилками. Во втором среди прочих продуктов, конечно же, самым важным являлось горячительное. К рыбе полагалась водка, но проникательные покупатели, распознавшие в нас новых учителей, во все глаза, особенно школьня, таращились на нас: купим ли мы водку и сколько?.. Я красовался в форме бойца студенческого строительного отряда, в кованных берцах. Гоша смотрелся уж вовсе не по-учительски, чуть опрятнее давешнего бичующего рыбачка на пирсе: недельная небритость, полинявшая ковбойка, обтёрханные штаны и унылые «коры», когда-то вызывающе остроносые и блистательные.

Хотя мы изрядно поиздержались (Георгий оказался не очень-то платёжеспособным), но чести учительской не посрамили и взяли коньяк: «Арат», пять звёздочек.

Скворчала камбала на сковородке. И шум дождя походил на это уютное скворчание.

Гоша поведал, что недавно развёлся, всё оставил супружнице. Проморгался слезливо:

— Самое главное в жизни — крыша над головой.

Не свалившаяся из-за мужского благородства бездомность, а застарелая, бродяжья, слышалась в его голосе. И виноватость. Неизбывная вина человека в похмельной тоске. Однако ж Георгий прикладывался к стопке не алкашно и даже нехотя, подгоняемый мною. После третьей он раскис, виновато взглянул на меня и поплёлся в свою комнатушку, бормоча:

— Крыша над головой, свой угол...

Крепко, видать, наморозилась бесприютная душа.

Третья комната пустовала. Предусмотрительная Тамара, вожатая, застолбила её за собой: а вдруг не уживётся с роднёй в Волновом, да и в непогоду не надо пёхать четыре километра. Пёхать... С её-то длиннющими ногами!

Однажды, когда мы дружным учительским коллективом белили, красили школу, завучиха, приглядчивая, въедли-

вая, ни с того ни с сего брякнула, глядя на нас с вожатой, что мы подходящая пара. Все хором подтвердили это и для передышки в работе, балагурства ради, поставили нас рядом и окончательно определили, что мы смотримся очень даже фотогенично. Я, парень не хилый, метр восемьдесят, однако ж на полголовы был ниже «каланчи». А если она ещё встанет на шпильки, то мы будем выглядеть, как Тарапунька и Штепсель. В общем, пошутили классные дамы, а Тамара всё чаще ссорилась с родичами, называя их кисельными, и всё чаще жаловалась на непогоду даже при малейшей мороси.

Присутствие её нам с Георгием не досаждало.

— Хозяйка в доме, — благодушествовали мы.

И впрямь при Томе наша холостяцкая жизнь становилась уютнее и сытнее.

К такой домашности Гоша, похоже, не привык и начал отбиваться от дома. Порой не ночевал и даже за неделю перед 1 сентября прогулял, не явился в школу. Мы с Тamarой выгородили его: якобы не те грибы употребил после «тихой охоты». Но прогульщика видели на причале на одной из мэрээсок с недоброй наркоманной славой. Штрафник объявился поздно вечером блаженненький, улыбочивый, с подозрительным сладковато-приторным запахом. Мы учинили ему головомойку, и он (исправленному верить!) до самого 1 сентября истово махал кистью в малярном халате и бандане, заляпанный с ног до головы извёсткой и краской.

Прежняя учительница моих четверышей Евдокия Ильинична умильно, со слезой, поведала мне о каждом из своих бывших питомцев. Она гладила выпускной снимок третьеклассников, водила пальцем по фотомедальончикам:

— Лёша Ковальчук — ласковый, милый мальчик, но слабенские троечки; мама переживает. Оля Блохина — из многодетной семьи, с четвёрочки на троечку порой сползает. Саша Шляхтенко, Шляхта — безотцовщина, мама пекаршей на судне; своенравный мальчик, но твёрдая тройка. А вот два друга, не разлей вода, и фотки их рядышком: Федорец Андриюша и Вова Гельцер... — Евдокия Ильинична описала всех двадцать восемь своих выпускников и возвела влажные глаза ввысь, к сладостным учительским воспоминаниям: — Они за мной, как цыплята...

На пенсию пришлось уйти старой учительнице: допекла её своими проверками, придирками и современными методиками новая завучиха, жена профсоюзного босса БСФ, недавно присланного из краевого центра.

Однако на снимке я не углядел моей знакомицы с золотыми шарами:

— А девочка из Жилки?..

Евдокия Ильинична горестно вздохнула:

— Да, тут я виновата. Так и не посетила её... Аня Голубева, в конце учебного года пришла. Мама на рыбообработке и пьющая, видать. А девочка славная, умничка: четвёрочки и пятёрочки. В Жилке же вербованные в основном, куражливый люд. Когда мы фотографировались, Ани с нами не оказалось, хотя деньги сдала. Может, постеснялась. Выглядела неважно. В поношенном, но обычно чистенькая. Тогда же заплаканная, мешочки под глазами. Мне бы разобраться, да отчётность потребовала эта...

Перед самым началом учебного года ко мне нагрянула делегация: три мои ученицы. Бойкая Куликова Гутя, Августа, смуглая, курчавая, напоминала отрока Сашу Пушкина. Угловатую, конопатую Таню Строганову наверняка дразнили Рыжей; к тому же она была круглой отличницей, а отличников всегда недолюбливают. С застенчивым румянчиком Иру Щётину вряд ли кому придёт в голову назвать Щетиной. Она украдкой оглядела моё бедное жилище и, запунцовев, промолвила:

— А вы, Андрей Васильевич, ещё мебель завезёте?

На что Гутя широко взмахнула руками:

— А мне нравится! Свободно, ничего лишнего. Как, Тань?

— Да ну вас! — досадливо поморщилась Строганова и неожиданно заявила: — А мы — три мушкетёра. Я — д'Артаньян!

— А я — Атос! — представилась Куликова. — А Ирка у нас Арамис.

— Мы кино посмотрели, а потом книгу прочитали, и нам так понравилось! — пояснила Таня.

— Андрей Васильевич, — смущённо потупилась Ира, — а это ничего, что мы девочки?..

Я рассмеялся и хлопнул в ладони так оглушительно, что гостьюшки вздрогнули. На мои коронные «выстрелы» воспитанная публика на «классических» концертах, которые я иногда соизволял посещать, с недоумением, а то и с испугом оборачивалась в мою сторону.

— Все за одного, один за всех! — возгласил я мушкетёрский девиз и пропел: — Пора, пора, порадуемся на своём веку!.. Молодцы, девочки! Дороже дружбы ничего нет! Объявляю курс нашего с вами корабля под названием «Четвёртый класс»: Мир! Дружба! Фестиваль!

В институте за организацию дружеских попок меня величали Человек-праздник, и я любил повторять сей молодёжно-фестивальный девиз.

— А фестиваль?.. — не поняла значение этого слова в классном «курсе» Щетина.

— Учёба — труд. Но школа — это ведь не только одни уроки. И торжественные линейки, праздничные мероприятия, викторины, кавээны, спортивные состязания, чаепития. 1 сентября — большой праздник, начало учебного года. Встреча друзей после каникул. Давайте, мушкетёры, после линейки и классного часа устроим свой фестивальчик. Переоденемся, возьмём картошку, котелок, футбольный мяч — и в лесок.

— Вот здорово! — восторженно отозвалась Гутя. — Андрей Васильевич, а можно Атоса с собой взять? — «Мушкетёр Атос» и любимого пса так же назвала.

Я замялся, Таня же рассудила:

— У всех собаки. Возьмём, будут к нам приставать. Ещё наиграемся с ними. Пусть лучше дом стерегут.

— Я знаю большую поляну, — не обиделась Куликова. — Это где багульник, Тань.

— А я костёр с одной спички могу разжечь! — как бывалая туристка, похвалилась та.

— Картошку я буду варить, с петрушкой, — твёрдо определила своё поварство Ира.

— И с петрушкой, и с укропом, и с перчиком! — возликовал я от полного взаимопонимания с «мушкетёрами».

— А Федорец с Гельцером на пляже всегда мяч гоняют. И я с ними! — с гордецей тряхнула кудряшками Гутя и задумчиво произнесла: — А Федорец тоже Андрей, как и вы... Они тоже дружат, Андрей и Вова Гельцер, — она с лукавинкой взглянула на Таню. — К ним Олег Могила тянется... — теперь посмотрела на Иру. — Они его на ворота ставят. Он своей фамилии стесняется. Евдокия Ильинична вызывает: «Могила, к доске!..» Чубаров хихикает, а сам толстый, как Порто; Батанов, у него брат наркоман, ржёт; Шляхта — тоже. Евдокия Ильинична прикрикнет, а Журка от этого вообще в смехе заходится, аж до икотки. А Олег чуть не плачет... — Куликова снова, как бы с сочувствием, взглянула на Щетину. — Он и так слабый троечник, а тут...

Ира потупилась, щёки её запунцовели. Видно было, что девочки определились со своими симпатиями. И я выступил в защиту Олеговой фамилии:

— У нас однокурсница была, Могильникова Люда, спортсменка, весёлая, никогда над своей фамилией не задумывалась.

— Могильникова... — повторила Строганова, — терпимо. А Олег переживает...

— Может, сменить фамилию надо? — Я как бы советовался со своим активом. — Поговорю с родителями, может...

— Они и так уже... — поморщилась Гутя, — на бабушкину переписали. Слюняевы...

— Ладно, поговорим! — взбодрил я пригорюнившуюся троицу.

— А у нас Сидоров вылитый Крамаров, — оживилась Ира.

— Мёртвые с косами стоят... Гы-ы!.. — потешно изобразила знаменитый кадр из «Неуловимых мстителей» серьёзная Строганова.

Девочки прыснули, а Куликова вдруг по-сплетнически зачистила:

— Андрей Васильевич, а Лёша Ковальчук, как малый деточка. Маменькин сынок. Еле-еле с тройки на тройку переходит. Если бы не его мать... Она в родительском комитете. А он такой приставучий, прилипчивый. От Евдокии Ильиничны так и не отходил. Вот увидите сами...

Тут моих гостышек будто прорвало; затараторили, словно кумушки:

— А Сидоров ни одной четвёрки ещё не получил.

— А у Батанова брат в седьмом классе, его на «скорой» уже увозили. Он — наркоман.

— У Оли Блохиной мама — мать-героиня. У них семеро детей...

— А на Новый год у нас Снегурочкой вон Ирка!.. — фыркнула Куликова, явно претендующая на эту роль.

Строганова недовольно покосилась на неё и, как бы оправдываясь, посмотрела на меня: что, дескать, с этой выскочки Гутьки возьмёшь!..

— А Голубева Аня? — спросил я.

Куликова округлила страшные глаза: видимо, хотела сказать про её пьющую мать, но Таня опередила подругу:

— Да она какая-то не такая...

— Мы Аню ещё плохо знаем... — виновато потупилась Ира и вдруг, тихая, застенчивая, своенравно вздёрнула голову: — А давайте, девочки, чтобы Аня Голубева Снегурочкой была! Андрей Васильевич?..

Ох уж эти девчоночьи «прыжки через скакалку»!.. И сама Ира обомлела от своих слов, и подружки её оторопели. И вся троица уставилась на меня, точно завтра новогодний утренник.

— Да-а!.. С вами, мушкетёры, не соскучишься. Предложение доброе, но загадывать пока не будем. Как говорит моя

бабушка Агания: будет день — будет и пища... А не побаловаться ли нам чайком? — И я вскинул приглашающий жест в сторону кухни.

Но тут заявили мои соседи, и девочки, вежливо отказавшись от чаепития, ушли.

У Тамары Владимировны на первосентябрьском празднике всё было чётко отлажено. Красногалстучная, в пилотке-испанке, она и по росту, и по вдохновению царила над школьным стадионом, над этой огромной клумбой, клубящейся в пышном волнении, утопающей в охапках флоксов, георгинов, роз, хризантем, золотых шаров. В этом ботаническом море едва различались белорубашечные и белофартучные герои торжества.

Прежде праздничные линейки проходили во дворе школы под баян учительницы пения. Ныне по настоянию старшей пионервожатой, по её режиссуре, встреча нового учебного года протёрлась аж до небес. Из «колокола» летели к облакам «школьные годы чудесные», «заря горит на кончике пера», «орлята учатся летать»... Мурашки по коже — Гимн Советского Союза! Замерли в строю директор школы, председатель поссовета, ветераны, шефы БСФ, школьное начальство, родительский комитет. Поздравления, речи, напутствия... Есть чем гордиться: шесть выпускников поступили в вузы. Новое пополнение: тридцать три первыша — столько учеников в первом классе ещё не набиралось!..

Взмывают шары, голуби... «Пусть летят они, летят и нигде не встречают преград...»

Даже меня, вчерашнего студюоза-циника, едва не прохватила слеза.

Самая пышная клумба в этом цветнике жизни — моих четверышей. «Мушкетёры» донесли одноклассникам об Андрее Васильевиче, о предстоящем костре на поляне в лесу... И класс в предвкушении встречи со мной, расхваленным уважаемой троицей, готов был завалить меня цветами. Я бы и внимания не обратил на это первенство, да некоторые учителя недоумённо и даже неприязненно поглядывали на меня, перешёптываясь: с какой стати этому желторотому нестажисту такая почеть?.. Новое всегда заманчиво, особенно для детей. Вот и выдали мне цветниковый «аванс», ожидая от меня «остров сокровищ».

Георгию Александровичу классное руководство не доверили, и он, наглаженный, при галстукке, сиротливо держал ленинский плакат «Учиться, учиться и учиться!», который ему всучила завучиха. Как только прозвучала песня из ки-

нокартины «Прощайте, голуби!», означающая завершение мероприятия, плакатист развернулся и первым двинулся на выход со стадиона как бы во главе колонны, которая тут же рассеялась. Я же своих придержал, и мы направилась к старой учительнице домой, утопающие в цветах, которые по праву она заслужила. Обиженная на школу, не защитившую её от зловредной завучихи, Евдокия Ильинична на торжество не пришла. Классный час я должен был провести в своём кабинете русского языка и литературы. И хотя избегал всякой сентиментальной слякоти, всё же отважился повести ребят к их бывшей учительнице, чтобы они поблагодарили её за три года, когда им, слёткам, она терпеливо и заботливо расправляла крылышки. Воспитательный час, час благодарения...

Утопающая в цветах, одинокая старая учительница едва не разрыдалась от сердечных слов благодарности добрых ребят своих. И многие из них еле сдерживали слёзы. А Аня Голубева, которая и проучилась-то с Евдокией Ильиничной всего два месяца, и вовсе расплакалась и кинулась к ней на колени, как к родной матери. И та, повторяя: «Детки мои, детки мои...» — гладила сухой тёмной рукой приборную пену её банта...

Уставшие от переживания в тесной комнате старой заплаканной учительницы, четверыши, всхлипывая, покинули её и вольно разбежались по домам, чтобы переодеться для долгожданного похода в лес.

Я же заскочил в школу, где закончились классные часы и в спортивном зале на втором этаже собирался праздничный стол. Однако на лестничном пролёте дорогу мне преградила завучиха и стала отчитывать за нарушение школьного порядка, за то, что не проведён классный час, и что Евдокия сама противопоставила себя школе как ветеран со стажем, хотя в её отсталых уроках ничего заслуженного, и что мне будет вынесен строгий выговор с занесением...

Ушмыгнул от неё, переоделся в форму бойца стройотряда, да ещё с берцами, которая вызвала восхищение у моей команды, ожидавшей меня у школы, и повёл её туда, куда наперебой указывали следопыты. Послушные собачки остались стеречь дома. Лишь Гутин любимец Атос увязался было за нами, и хозяйке с трудом удалось отделаться от него.

Поляну в половину футбольного поля можно было назвать видовой. С неё открывалась океанская панорама: вышние жемчужные облака в золотой кайме; море, искрящееся в блёстках бризового волнения. Всё невесомо, воздушно, полётно... Лишь зарубцовавшиеся старые окопные раны напоми-

нали о земном тяготении: здесь готовились к отражению японского десанта в августе 1945 года. По ночам на морском горизонте мерцали огоньки рыбацких шхун-мару.

Вне земного притяжения выдался ребячий славный денёк. Какая-то неведомая радость охватила всю нашу команду. Самые нетерпеливые во главе с капитанами — Гутей Куликовой и со мной — оголтело, с визгами и криками носились с мячом. Хозяйственные же деловито готовили обед. Дружная троица Андриюша Федорец, Вова Гельцер и Олег принесли по охалке хвороста. Костровая Таня Строганова словно магически оглаживала свою жар-птицу в ожидании полувёдерного закопчённого котелка, не раз бывавшего с ней в походах. Эту посудину споро заполняли очищенной картошкой хлопотуньи-поварихи во главе с Ирой Щетиной.

Толстячок Чубаров с видом бывалого рыбака спустился по ключевому распадку к морю с удочкой. За ним увязался Лёша Ковальчук. Ещё по дороге сюда он писклявым голоском открыл мне страшную тайну:

— А мы с мамой вас в продмаге видели. Вы коньяк покупали... — Потом он не раз прилеплялся ко мне: — А мы с мамой вам лимонник приготовили. Учителя ведь устают, а чай с лимонником помогает... А мы с мамой...

Аня Голубева, поразившая меня утром белопенным бантом, теперь выглядела вполне по-походному: замшевая коричневая курточка, джинсовые штаники, кеды. Она нарвала осенних поздних цветов: розоватую дикую астрочку леннок и ромашку нивяник. В распадке из сочного лопуха свернула «вазу» и в неё с ключевой водицей поставила букет. Так и сидела с ним поодаль костра: милое детское личико, вдумчивый взгляд. Непростая судьба виделась в нём: без печали, без горести, без отчаяния. Раннее осмысление жизни, понимание: так и должно быть. Георгий, общавшийся с местными выпивохами, поведал, что Голубева Зинаида раньше ходила официанткой в загранку. Как водится, сожительствовала с капитаном. Ну и, как бывает, поматросил да бросил. Дочка от него с бабушкой жила. После смерти матери и на суше уже Зинаида пропила квартиру. И теперь с дочкой ютятся в лачуге.

Аня порой отрывала взгляд от костра и улыбалась, радуясь за весёлых футболистов.

Гоня мяч, я поглядывал на созвездие вокруг котелка, который всё явственнее давал о себе знать: зелень, специи, тушёнка отменно сдабривали породистый агарянский картофан.

Батанов, Сидоров, Журка и Шляхта согнули тальниковые луки и целились в яблоко на замшелом пеньке. Вильгельмы Телли...

Меня беспокоили рыбаки, и я, пока пенальтистка Гутька устанавливала мяч перед воротами из двух жердин, попросил Сидорова сходить за ними: ложки уже призывно барабанили по котелку.

«Бывалый» рыбак Чубаров умудрялся рассиживать с удочкой в самых безрыбных местах. Его верными уловами оказывались только рыбы с мэрээсок на пирсе и акулята, с которыми он геройски бегал по посёлку. Однако неудача не смутила его, и он лишь румяно лыбился на привычные насмешки.

Пир горой!..

— Повторить!..

— А есть добавка?..

Я загорланил свою любимую пионерскую и комсомольскую, студотрядовскую:

*Наши бедные желудки, лудки, лудки
Были вечно голодны, ны, ны —
И считали мы минутки, нутки, нутки
До обеденной поры, ры, ры.*

*А картошка — объяденье, енье, енье!
Пионеров идеал, ал, ал!
Тот не ведал наслажденья, енья, енья,
Кто картошки не едал, дал, дал!..*

Завёлся четвёртый. Мигом выучил эту простенькую озорную песенку и раз пять с восторгом проорал её на все агаровские просторы.

Духовитый пар от немислимой вкуснятины облаком охватил поляну — взлётную от радости и счастья детских чистых душ...

Чубаров, засидевшийся с удочкой и выпросивший две добавки чудо-блюда, начал игриво задираться к Юрке Журавлёву. Журка, как шило, вертелся и, наконец, одолел свою порцайку. Он с удовольствием, аж зажмурившись, выдержал чубаровские щипки и щекотку и дурашливо вцепился в задиру. Кубарем покатались двое. Гутька к ним подоспела, Батанов, Шляхта... Я подтолкнул к ним боязливого Сидорова, меня повалила дружная троица...

— Куча мала — народу звала!.. — звонко, по-пионерски возгласила Аня и взобралась на вершину огнедышащей пирамиды, орушей, хрипящей:

— Куча мала!..

Лёша робко подошёл к дикой орде и, пискнув: «Куча мала!» — отважно плюхнулся на неё.

— Андрей Васильевич, вы где? — услышала я, погребённый визжащими от восторга учениками.

Вылучился из погребения — Тамара Владимировна и Георгий Александрович!

— Пацан пацаном!

Весёленькие, со смешками, но бережно растащили кучу малу. Втроем мы стали отряхивать помятую, восторженно-запышливую ребятню от зелёной ещё, но заеложной в труху травы. Аня вручила букет Тамаре Владимировне. Залили костёр. Забрали мусор. Собрали походный скарб и кухонную утварь.

Как пишут школьники в сочинениях, усталые, но довольные, мы вернулись домой.

Да, из двадцати восьми домашних сочинений на тему «Поход в лес» девять так и заканчивались: «Усталые, но довольные, мы вернулись домой». Самое короткое выдал самый маленький и непоседливый Журка: «Мы дружно хадили в лес. Варили картошку с мясом и ели. Пели веселую песню, что картошка вкусная. Ребята с Куликовой играли в футбол. Капитаном был наш учитель Андрей Василевич. А патом была кутчамала и было весело. Мама сказала что я из гваздался, но не ругала. Я остался очен даволен».

Я зачитал сие замечательное произведение, и развеселившийся класс «остался очен даволен». Тем более, что Юрий Журавлёв получил за свой труд невиданную для него оценку «четыре».

Затурканный насмешками и издёвками, цыганистый Журка походил на мышонка, готового в любой момент шмыгнуть в спасительную щель. И я решил расправит его плечики. Да одно только «из гваздался» чего стоило! Ошеломлённый «хорошист» долго не мог прийти в себя, вертел головой и лупил цыганскими глазищами по классу.

Посмеялись и над «усталыми, но довольными», смущёнными от подобной похожести. Смутилась и Таня Строганова от такой концовки своего сочинения. Но её я попросил прочитать его, ибо это было стихотворение.

*Хороший выдался денёк,
Гурьбой весёлою пошли
Мы с дружбой классною в лесок.
Учитель наш туда увлёк.
Там развели мы костерок.
Мы про картошку пели так,
Что птицы замерли в кустах.*

*Играли весело в футбол,
И Гутя там забила гол.
Мы славно время провели,
Довольные домой пошли!*

Последнюю строку Таня прочитала с пафосом, и поскольку все были с ней солидарны, даже отхватила аплодисменты, которые я звучно поддержал. Мои «концертные» хлопки-выстрелы были столь оглушительны, что полкласса дурашливо зажали уши ладошками.

У кого что болит, тот о том и говорит. Игорь Чубаров в сочинении сокрушался, что в походе ничего не поймал. Оправдывал своё рыбацкое невезение отсутствием спиннинга. Он настолько жаждал вожаденную снасть, что даже грамотно, с двумя «н» написал это непростое слово: «Я попросил мамку купить мне спиннинг, а то у меня рыба на простую удочку не ловится. Мамка сказала, что купит спиннинг, моторку, гараж и друзей алкашей что бы всё как у отца было».

«Мамка»... Чубарова Маргарита Егоровна, наштукатуренная дама, моднящаяся, с гордецей, вряд ли бы такая стала терпеть пьющего муженька. Да, видно, он и мужик хозяйственный: моторка, гараж, где обычно и собираются мужички отдохнуть от сварливых жёнушек.

«Мамка» Игоря резанула меня. Пришлось объявлять родительское собрание на тему «Уважение в семье». Да и надоедная завучиха с ним пристала. Хотя я уже его почти провёл: пока по посёлку пройдёшь, со всеми переговоришь. Только вот Зинаиду Викторовну Голубеву видел мельком: её, подвыпившую, неопрятную, вела, уговаривая, домой Аня. Мать же отмахивалась от неё и даже грубо отталкивала.

Но в исповедальном сочинении дочка не жалела для матери ласкательных суффиксов: мамочка, мамуля: «1 сентября после линейки наш класс ходил к Евдокие Илиничне. Она старенькая и одинокая. Мне было её очень жалко. Потом мы с Андреем Василичем ходили в поход. Он был как мальчишка и играл в футбол. Наши девчонки сварили вкусный обед. Весь класс громко пел песню про картошку. Потом была куча мала. Всем было весело и радостно. И мне тоже. Дома мама рассказала, что приходила Евдокея Илинична. Она просила удочерить меня. Мама разстроилась и плакала. Как будто она плохая мать. Папа нас бросил. Мама з горя выпивает. Но мамочка у меня самая лучшая. Я очень люблю свою мамулю. Я сказала что никогда её не брошу. Бабушка мне говорила что надо любить и уважать родителей, заботиться. И всех старших и учителей тоже. За это боженька даёт долго

жить. А поход с Андреем Василичем удался наславу. Усталые, но довольные мы пришли домой. Спасибо!»

Спасибо тебе, славная девочка, добрая, любящая душа!

Боженька... Этим же заповедям, как и Анина бабушка, меня наставляла моя бабка Аганя, обихаживающая родовое гнездо в Варфоломеевке. Родители — шахтёрские ударники коммунистического труда. Я, оболдуйный студюоз, хоть и слыл активным комсомолистом, бабушкиных истин не отвергал. Они были очевидны — просты и непререкаемы. Я убедился в их непреложности, когда засомневался в толстовской трактовке сыновней любви. Великий писатель за меня решил, что любовь к родителям — особый вид любви к самому себе. Потому такой любовью следует пренебречь, а надо стремиться любить всё человечество... Э-эх, Лев Николаевич! Ничто не ново под луной. О подобной широкомасштабной любви поведала мне библейски начитанная бабка Аганя. Иудейские фарисеи, ссылаясь на Моисеев закон, всюю использовали «параграф» о посвящении Богу — корван. Этот корван позволял фанатичным законникам посвящать Богу не только обязательную десятину доходов, но и предназначенную для содержания родителей. И они вовсе отказывались от исполнения сыновнего долга. Хотя сами, лицемеры, приговаривали к казни тех, кто оскорблял родителей. Во главе толпы они до смерти забивали камнями провинившихся.

Любить человечество; посвящать Богу средства, предназначенные для безбедной старости родителей... Бабушка Аганя поевангельски наставляла другому. Сердце учится любить постепенно, начиная с самых близких: любовь к родителям, потом к братьям и сёстрам, родственникам, друзьям, знакомым, согражданам, соплеменникам — и ко всему человечеству. Тот, кто не умеет любить ближних, не способен иметь любви ко всему миру и ко всем людям. Господь Иисус Христос в невыносимых страданиях на Кресте за всё человечество поручил ученику Иоанну заботиться о своей любимой Матери...

Аня школу испытаний и скорби проходит в своём неласковом детстве. Ей легче будет выдержать жизненные невзгоды при такой подготовке. Легко сострадать голодным детям Африки, любить всё человечество на словах, по-толстовски. Попробуй любить мать-грешницу, пьяную и грязную. Дочерняя любовь ещё с бабушкиных времён явно вела Аню к высокой любви к людям. Дай Бог не сбиться тебе со светлого пути, девочка!..

— Школьные будни — праздники для нас! — переиначил я слова «трудоной» песни и частенько повторял этот лозунг, взбадривая свой четвёртый.

Досаждала «опекунством» над нестажистом завучиха. К её недовольству, для разминки я ввёл на уроках русского и литературы пятиминутки. На первой из них рассказал детский анекдотец. «Дети, назовите существительное на букву «ч», — обращается учительница к ученикам. Поднимает руку Ваня: «Червяк», — говорит он. «А ещё?..» — спрашивает учительница. Класс задумался, молчит. Опять поднимает руку Ваня: «Ещё один червяк».

Четверыши развеселились, посыпались слова на «ч»: человек, четверть, чёлка, черёмуха... Я же вспомнил одноколенные мама, мамка, мамочка, мамуля и предложил:

— Слово «девочка». Какие похожие, одноколенные слова?

— Девушка.

— Девчонки, девчата.

— Ещё?

— Девчоночка.

— Девчатки.

— Девчурка.

— Молодец, Саша! Редкое слово, — похвалил я.

Взбодрённый Шляхтенко выпалил:

— Девчачий, девчоночий!

— Нет, не так, — мягко возразила Таня Строганова. —
Надо: девичий.

— И девичник! — тут же осенило догадливую Гутю Куликову.

— И ещё де... девственный лес, — удивила непонятным для большинства высоким эпитетом Таня и так же возвышенно пояснила: — Это где ещё не ступала нога человека.

«Девственница», — чуть было не добавил я, да спохватился: ведь объяснять придётся.

После такой «глубины» отличницы Строгановой возникла пауза.

— Ну что, выдохлись? А ещё?.. — своим коронным хлопком подстегнул я «лингвистов».

Поселковые, почти деревенские, дети из народа обладали гораздо большим словарным запасом, нежели городские. Девчоночка, девчатки, девчурка... Вряд ли бы горожане додумались до этих славных слов.

Сидоров Лёня нерешительно поднялся, полорото задумался: подзабыл от волнения, что хотел сказать. И брякнул:

— Девка!

— Фи! Грубо как! — поморщилась Куликова.

Растерянно, медленно опускаясь на сидение, пристыженный Сидоров отчаянно выкрикнул:

— Девеха!

Класс так и грохнул. Я же за такую находку ошедрил этого безнадёжного почти двоечника вытуженной пятёркой. Как и Журка обалдел ранее от немислимой четвёрки за сочинение, так и Сидоров обмер от невообразимой фантастики. Мудрый мой четвёртый, великодушно солидарный со мной, понимающе запереглядывался: пора поддержать и Сидора, а то шпыняют и шпыняют.

Нетерпеливо заелозил Шляхтенко: и ему за «девчурку» положена хорошая отметка. Я пообещал достойно оценить участников пятиминутки за дальнейшую активность на уроке, пока же отметил их любовь к русскому слову плюсиками.

Увидел скромно поднятую руку. Аня Голубева:

— Дева, девонька. А ещё «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...» Так сказка Александра Сергеевича Пушкина начинается, — и забывшись, не обращая ни на кого внимания, с упоением объявила: — «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной заревне лебеди». — Передохнула чуток, повторила зачин и продолжила «в лицах»:

— *Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещёный мир
Приготовила б я пир.
— Кабы я была царица, —
Говорит её сестрица, —
То на...*

— Постой, Аня, постой! — прервал я самозабвенную чтящую. — Ты что, всю сказку наизусть знаешь?

Девочка потупилась и промолвила:

— Меня бабушка научила.

— А почему у тебя лебедь не царевна, а заревна?

Обиженная моим непониманием, она слегка надулась и, доказывая свою правоту, вновь переиначила «царевну»:

— *Вот идёт молва правдива:
За морем заревна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днём свет Божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.*

И добавила от себя:

— Ну прям как заря!

Конечно же, эти строки в представлении Ани могли живописать только её воображаемую заревну.

— Ништя-як!.. — восхитился Шляхтенко: то ли поэтической заревной, то ли Аниной памятью.

Некоторые зашикали на неё:

— Заело!

— Вот упёртая!..

— Ну что, Заревна, — наградил я Аню славным прозвищем, — сказку на уроке литературы продолжим.

Не без самодовольства вспомнил, как совершил экзаменационный рейд и за полтора часа продемонстрировал знания о французских революциях, педагогическом даре Крупской, о влиянии декадентов на Леонида Андреева — и Арины Родионовны на Пушкина. Ох уж эти бабушки!.. Однокурсницу, ленинскую стипендиатку Цветикову бабка её, бывшая оперная певица Большого, заставила выучить «Евгения Онегина». Бабушка Ани вложила в память внучки сказку Пушкина. К своему стыду, полное её название я запомнил, хотя на гесе блеснул и даже позлорадствовал над капитаном одесских кавээнщиков Юликом Гусманом, который и отчество-то Гвидона не мог назвать... И меня бабушка моя Агафья Спиридоновна, сельская учительница, осчастливила. В её «былинном» исполнении не раз слышал «Песнь о вещем Олеге» и запомнил уже в четыре годика. Когда пошёл в филолухи, она поделилась со мной «неизвестным Пушкиным». Якобы он в четыре же года сочинил стишок:

*Пришла зима, замёрзли реки,
И в шубу лезут человеки.*

Пятиминутку на уроке литературы я начал с этой гипотетически пушкинской «Зимы». Класс развеселился и заявил, что Пушкин не мог сочинить такое: он же Пушкин! А умная Строганова задала вопрос, непосильный для многих филолухов:

— Андрей Васильевич, а кто выше, Пушкин или Лермонтов?

Да, коварный вопросец! Но не для меня, я уже давно распознал его неуместность.

— Таня, нам снизу не видно.

Нечто похожее на стишок «четырёхлетнего Саши» выдала Куликова:

*Снег лежит на дорожках,
Птички скачут на ножках.*

То ли на экспромт вдохновилась, то ли «мушкетёры» ценили поэтическое творчество, однако Гутя взглянула на Иру Щетину, и та, со слезой в голосе, с дочерней любовью к Родине вымолвила:

*Чуть прозрачный туман
над озёрком расстался,
Скоро он уж исчез,
а я всё восторгалась...*

Родной пейзаж тронул сердца юных агарян: и впрямь, над низиной, где дорога разделяет озерцо Камышовое от моря, на зорьке часто слоился золотистый туманец...

Заповедную сердечную тишину пронзил голос Ани Голубевой, взывающий к стихии:

*Море, море!
Сколько в тебе горя!..*

Милая девочка, стойко несущая свои скорби под Божественной зарёй надежды. Маленькая, хрупкая Заревна... Сколько боли, отчаяния возгласила к судьбе своей, к жизненной стихии, едва не поглотившей мать...

Великое море, вбери в себя великое горе маленькой девочки, расплы его на атомы и раствори в водах своих, чтобы не страдала более чистая, детская, дочерняя душа!..

Два дня назад, в ночь с субботы на воскресенье раздался душераздирающий вой. Крик беды. Человеческой. Не вздрогнул крепкосонный посёлок. Я вышел на балкон. Золотой шар луны. Живое, дышащее теплом море в блёстках — будто мириады летучих рыбок над чернью воды до блистающего горизонта. Ночной бриз и ласковый шёпот волн с приплеском. Однако в иглистом от инея сентябрьском воздухе, в убаюкивающей тишине таилась тревога. И тревога эта словно родила маленькое существо. Оно увязало в песчаных дюнах и скрылось затем в прибрежном травостое.

— Мама! Мамочка!.. — резанул меня детский голос. Голос Ани...

Я накинул штормовку, натянул берцы, скатился с пятого этажа и врезался в травостойный валежник, поглотивший девочку. Дочернее сердце почуяло беду, услышало материнский зов и, будто верный компас, устремило её и, сильное, вырвало из цепких лап дремучего бурьяна.

Обессиленную пьянством и горем женщину остановила на пути в смертную пучину преграда — куча водорослей. В

них и запуталась горемыка. Однако пальцы её впились в залитый, плотный песок в погребельном броске. Голову же со змеящимися, как водоросли, волосами с шипением лизали языки коварной воды, норовящие захлестнуть широко открытый, хрипящий рот.

Мы оттащили её на сухой песок. Аня, приговаривая с плачем: «Мама, мамочка!..» — начала гладить и целовать мокрое, солёное её лицо. Но на горячую любовь дочери она, полуоткрыв глаза, выдавила:

— Анька, не надо!..

Девочка разрыдалась и, содрогаясь в плаче, припала к материнской груди.

Подросли Тамара с Георгием: они слышали мой заплот, Анины крики. До Жилки более двух километров тащить бедолагу мы не решились; да и посёлок всполошится. Ступенька за ступенькой подняли на наш пятый этаж и уложили с дочкой в комнате Георгия. Он же улёгся в моей на раскладушке.

Ещё засветло я заглянул в Гошину комнату. Сердце моё сжалось от боли и негодования. На голом полу подле матери, широко раскинувшейся на постели, верной собачонкой свернулась калачиком Анечка. Видно, пьяная мать спихнула дочку на пол. Мне уже было не до сна. Я переместил Георгия на мою койку, а Аню уложил на раскладушку рядом с матерью.

Голубеву с рыбконсервного уволили, в Зверьки смотреть за норками пьющую не взяли. Даже не написав дочке последнее «прости», напившись, она побрела к морю...

Воскресным утром после «утопления» мы накрыли стол для чаепития, но Зинаида Викторовна, буркнув, отказалась от чая. Опухшая, помятая, она угрюмо молчала, с неприязнью поглядывая на дочку, будто та была виновата во всех её бедах. Я собрался проводить Голубевых, давно хотелось взглянуть на их жилище, но Зинаида Викторовна тяжёлым взглядом упредила моё провожание.

И всё же пополудни решил навестить их. Пока шёл по Центральной, беспрестанно здороваясь со встречными агарянами, прислушивался порой к кумушкам на скамейках. Поскольку боги не могли за всем уследить сами, то они создали бабушек и лавочки. На этот раз вездесущие и всезнающие не уследили за страшным событием. Я с облегчением вздохнул: пересуды навалились бы тяжело на Анино сердечко и на измученное сердце её матери.

В распадке за красавцем Домом культуры лепились по склонам сопки халупы из хлипких дощечек из-под рыбной тары, из мшистых жердин, обитых картонками, ржавыми

жестяными лоскутами. Бразильские трущобные фавелы и анадырские балки по сравнению с этими халабудами выглядели бы хоромами. Среди будок, балаганов и развалюх в моих ногах путалась какая-то живность невообразимо жалких помесей и пощипанная в драках полуголая петушва с курицами.

Около одного курятника гордо высилась жердь с дощечкой: «Жилка — Москва 10 000 км». Спрашивать при таких географических масштабах о местонахождении Голубевых было бесполезно. Да и некого, обитатели Жилки самозабвенно гулеванили по своим щелям: «шумел камыш», матюги, ржачка, застольный ор... Снег — мрамор бедных. Камбала — деликатес халабудной Жилки: вся она была пропитана единым запахом жареной камбалёшки.

У меня в голове почему-то засели золотые шары, и я самонадеянно уверился, что по ним отыщу голубевское жильё. И впрямь, в этом гарлеме вдруг вспыхнул солнечный оазис. Довольно справная хижина, обитая толем, в венке золотых шаров. Кутёнок, милое создание, вытиснулся из цветов, завияля хвостиком и приветливо тьякнул. Какой же кличкой наградила щенка юная хозяйка? Шарик? Коричневато-рыжий бутуз более походил на круглый орех фундук. «Белка песенки поёт да орешки всё грызёт...» И точно!..

— Орешек! — окликнула его любительница сказки Пушкина. Увидев меня, растерянно заморгала, но тут же решительно вскинула голову: — Здравствуйте, Андрей Васильевич! Проходите! — Она раздвинула сомкнутую рослыми цветами арочку.

В низком дверном проёме марлевая занавеска от мушвы. Оконце с коленом трубы и буржучка. Два лежачка впритык под углом. На одном взгорбленное верблюжье одеяло в китайских розанах. На другом, аккуратно заправленном, тетрадки, учебники — школьный уголок. Надкроватные «ковры» — моющиеся забугорные обои: гейши и статуя Свободы. Следы былой роскоши от заграник...

За приземистым в клеёнке столом ковырялась в варёной камбале Зинаида Викторовна, косматая, одутловатая, в засаленном «адидасном» спортивном костюме, и смахивала рыбью труху на пол щенку. «Какая тут краснопёрка в «чулке»!..» — вспомнил я обещание Ани при знакомстве угостить меня вкуснятиной.

Девочка отнесла Орешка вместе с обедом на улицу и встала рядом с матерью, положив руку на плечо, как бы готовая защитить её. Но та недовольно буркнула, сбросила дочкину руку с плеча и подняла голову. Бездонная, океанская скорбь

в глазах — и похмельная, неизбежная тоска... Благой порыв ринуться за целебной выпивкой едва не сдёрнул меня с места, да учительский разум осадил: здесь же ученица твоя, Анечка!..

На улице весело затыкал Орешек и зашёл в радостном щенячем смехе. Дверная занавеска раздвинулась, и в сумрак с уличным светом вошёл — Георгий Александрович. Жених женихом! Прифрантился, при галстук-«селёдке». Сияет, как медный чайник. Верно, хаживал уже к зазнобе своей Зине и в обустройстве жилья помог. Увидев меня, смутился, потускнело чуткое сияние его. Но тут же распахнул хозяйственную сумку и деловито выставил на стол перед повеселевшей Зинаидой гостинцы: бутылку «Столичной», копчёное кольцо «Краковской», буханку «Подольского».

— Анна, а это тебе! — по-взрослому обратился он к девочке и протянул ей её заветное: открыточный набор с рисунками Билибина к сказкам Пушкина и шоколадку «Сказки Пушкина».

— Ой, спасибо! — благодарно выдохнула она, бережно взяла драгоценный подарок и вышла на улицу, на солнечный свет, чтобы полюбоваться картинками.

— Ну, Гошка, ну, дамский угодник!.. — блаженненько ухмыляясь, погрозила пальцем Зинаида Викторовна.

Я повернулся было уходить, но он придвинул ко мне и себе табуретки и указал на закуску:

— Не сачкуй, Андрей!.. Андрей Васильевич. Поработай!..

Я взялся за нож, Гоша же под вожделенным взором хозяйки артистично, с хлопком сдёрнул пробку-«бескозырку» со «Столичной».

— У-ух, злодейка с наклейкой! Крас-са-авица!.. — восхитилась Зинаида.

После нарезки хлеба в моих руках зашипела обдираемая колбасная кожа, а в голове малодушно зашипело: наверняка про пьянство учителей с родительницей разнесётся по посёлку, неминуем разносный педсовет о несоответствии... уронили честь и достоинство советского учителя...

Я даже сочных булек в стакашки не услышал. Вздрыгнул, когда Георгий подтолкнул меня локтем:

— Ну, будем толстенькими!

Чокнувшись с гостями, Зинаида Викторовна поднесла к синюшным губам гранёный стопарик:

— Хуже водки... — Страдальчески сморщилась, отчаянно замахнула полсотки и расплылась в блаженной улыбке: — Лучше нет!

Георгий услужливо подсунул ей кругляш колбасы, но она отмахнулась:

— После первой не закусываю! — И тут же добавила: — Между первой и второй пуля пролетела.

— Не гони лошадей, Зина! — урезонил её Георгий.

— Послала бы я тебя!.. Да вижу, ты там уже был.

— Ну лан, лан!.. — Гоша поспешно налил по второму.

Уже не чокаясь, Зинаида Викторовна нападкой опрокинула стопарь. Жуя колбасу, икнула:

— Благородная отрывка благородного человека. — И прицельно, с прищуром вперилась в меня: — А вы, господин хороший... Молодой интересный, ты чо молчишь? Дурак умён, пока молчит. Не люблю умных, а глупых презираю. А ну-ка тост!

Тостов, пафосных, юморных и даже бесстыжих, в студенческие питнички мною было произнесено немало. И я выпалил:

— Что-то руки стали зябнуть — не пора ли нам дерябнуть? Что-то стало холодать — не пора ли нам поддать? Что-то скучно стало жить — не пора ли заложить?!

Хозяйка куражливо прочастушила:

— Зодиак мой — Водолей. И мне водовки налей! Сердцу будет веселей!

После третьего стопаря она захорошела и едва не пошла в пляс, приплатнённо зачастушила:

*Мама, я шофера люблю!
Шофер ездит на машине,
Девок возит он в кабине —
Вот за это я его люблю!
Да-да!*

*Мама, я лётчика люблю!
Лётчик высоко летает,
Много денег получает —
Вот за это я его люблю!
Да-да!*

Взмахнула рукой, задев зазвеневшие стеклярусовые «капельки» люстрочки:

— Эх, Гошка, не лётчик ты и даже не шофер!.. Эх, обитель-попитель! — Зинаида Викторовна окинула увлажнившимся взором своё жильё и собутыльников, благолепно выдохнула: — Жить можно!.. Гошка, какая самая-самая страна в мире? Э-э, не знаешь. Ми-ро-хлюндия! Где она находится? Эх ты, балбес, тоже не знаешь. Она находится везде, и здесь тоже! — Обвела рукой жилище, скользнув по корабель-

ным часам в никелированном ободе. Взгляд её заворожённо остановился на часах, на памяти о незабвенном капитане, и она с неприязнью посмотрела на Гошку, посмевшего сердечную эту память заслонить: — Когда ты умер, ты об этом не знаешь, только другим тяжело. То же самое, господин-дерево, когда ты тупой! — Она презрительно скривилась.

Георгий же в полнейшем благодушестве наполнил стакашки:

— Не бывает, Зин, некрасивых женщин, а бывает мало водки. Но у нас ещё есть. Не кривись. За тебя, дорогая!..

— Базар-вокзал... — даже не притронувшись к стопке, осоловело проямлила она.

Зинаиду Викторовну развезло и стало клонить к постели. Мы уложили её под затихающее бормотание: «Базар-вокзал...»

— Немочь нетрезвения, — книжно определил я состояние хозяйки.

— Базаров ты из «Отцов и детей» Тургенева! — вскинулся на меня Георгий. — Нигилист и циник!

— Ты — отцы, я — дети... — пьяньенко ухмыльнулся я и принял поэтическую позу, как лицеист Пушкин перед Державиным:

*От мира зла, вражды людей
Ушёл он с правдою своей
И поселился здесь, в глуши,
Один, затравленный, решив,
Что справедливей мира нет,
Чем мир природы. Этот след,
Что проложил сюда беглец,
Забыт был им, как и отец...*

В девятом классе в лермонтовской интонации сотворил я поэмку «Беглец» и прочитал её на уроке литературы. Русалка пророчила мне поэтическую будущность, а две девчонки завалили меня признательными записками. Но взаимностью я ни одной не ответил, мне нравилась другая...

— Это ты к чему?.. — с пьяной подозрительностью накупился Гоша.

— Диоген тоже был циником-киником. Он отвергал цивилизацию, проповедовал аскетическую добродетель, основанную на подражании природе. Жил в бочке с фонарём. А когда к нему явился сам Александр Македонский, он его отшил: «Отойди, — сказал, — не загораживай мне солнце!»

Георгий обвёл взглядом голубевскую халупу, видимо, сравнивая её с диогеновой бочкой. Зинаида Викторовна издава-

ла «соловьиные» рулады с присвистыванием, посапывала, похрапывала, сладко мурлыкала.

— Не Мирохлюндия, а Мурлындия. «Мур-мур!..» — передразнил Гоша хозяйку и продолжил было Диогену тему: — То, что он отбрил кровожадного завоевателя, так этому убийце всех времён и народов надо! А вот добродетель..

На марлевой занавеске под порывом ветерка колыхнулась тень Анечки. Девочка нерешительно потопталась, но зато вкатился Орешек и обляял нас. Вошла и Аня и начала успокаивать всполошившуюся мать:

— Спи, мамочка, спи!.. Царя Салтана уложили спать вполпьяна. Баю-бай!..

Щенок для острастки рыкнул на нас, и мы, оставив на столе полбуханки и «подкову» колбасы, с остатками водки покинули «обитель-попитель».

Вынырнули из аточного цветочного сплетения, и «циничный» разговор наш закрутился в лабиринтных сплетениях Жилки среди облезлой, хорохористой живности.

— Давеча, Георгий Александрович, я упомянул о первобытнообщинной добродетели Диогена..

— Да этот циник-киник довёл до абсурда свою «добродетель»: никакой морали, обобществление жён и детей... Шурочка Коллонтай эту растлительную диогенщину подхватила..

— Слушай, Гоша, какой-то пьяный разговор у нас получается. Вроде и выпили не так много... При чём здесь какое-то растение и Александра Михайловна Коллонтай — выдающаяся большевичка, верная соратница Владимира Ильича Ленина и посол Советского Союза?

— Во, Андрюха! Это точно, не всё выпили. Водка — враг, её уничтожают!

В кустистом овражке на закрайке Жилки, где гужевалось воробьё, мы примяли леспедецу, и в уютном листовом гнездышке продлевая удовольствие, хлебнули из горла — всего лишь по чуть-чуть. Оставалось ещё граммов сто...

— *Vene stat!* — изрёк «латынь» Гоша. — Хорошо сидим!

После выпитого я исторически посуровел:

— Георгий Александрович, это как надо понимать: Шурочка?! Ехидство и уничтожение славной дочери коммунистической партии!

Он с насмешливым прищуром оглядел меня: пьяненького и облепленного жухлой травой и «медяками» леспедецы:

— Андрюха, ты это серьёзно? Ну прямо-таки пионер — с твоим-то нигилизмом!

— Заладил: нигилизм, цинизм, диогенизм!..

— Вот-вот!.. Старый хрыч провозгласил себя гражданином мира. И Коллонтай, урождённая Домонтович, гражданка мира, выступала за отмену семьи, за свободную любовь, то есть за мировой разврат. А её сподвижница Вера Шмидт организовала в интернате детскую секс-лабораторию, просвещая детишек в половой жизни... А как же путано шла «верная соратница» к ленинизму.. Со своими идеями объездила всю Европу и США. В каких только фракциях и партиях ни побывала: отзовисты-ликвидаторы, ультиматисты, махисты, впередисты... В троцкистской группе «Вперёд» вместе с Шанцером, кликуха Мартов, додумалась скрестить вола и трепетную лань: марксизм и богостроительство. Пўтанка Домонтович сподобилась примкнуть к антипартийной «рабочей оппозиции». Работяга!.. Но молодчина, всегда честно и искренне признавала свои бесконечные позиционные ошибки. Как и подобает настоящей коминтерновке, гражданке мира. С лихвой отработала свои заблуждения, отличилась, будучи комиссаром призрения. По указанию Лейбы Бронштейна, товарища Троцкого, производила изъятие ценностей из церквей, то бишь обрядовой утвари. С беснующейся, пьяной матроснёй грабила Александро-Невскую лавру. Вырученные средства осели в карманах экспроприаторов.

— И где ты, Георгий Александрович, нахватался такого?

— Обижает, Андрей Васильевич. Не диссидент я... Давай-ка довершим голубушку и спросим доверительно друг друга, как и полагается среди выпивох: «А ты меня уважаешь?..»

Допили и нарочито заплетающимися языками повторили «классический» вопрос. Хохоток наш заглушил галдёж обнаглевших воробьёв, разрывно стрекочащих над нашими головами. Пришлось цыкнуть на эту жилкинскую банду и даже пригрозить ей, как гранатой, порожней бутылкой. Гоша сунул тару в сумку, и мы выбрали из нашего «логова» на поселковую дорогу. Язык же Гошин совсем развязался:

— История — это айсберг, две трети которого сокрыты в пучине замалчиваемых фактов, а треть, что торчит напоказ, — подтасовка в угоду правящей идеологии. И в этом фальшаке среди угодливых обелений и уничтожающих очернений между строк можно откопать первородные крупинки... О шараханьях Коллонтай написано даже в Большой советской энциклопедии: были-де ошибки, но был и посол.

— Вот далась тебе эта Коллонтай!

— Ха, и ты туда же: «эта»!.. От её либерального космополитизма и вздулась в нашей стране западническая опухоль. Либералов клеймил Достоевский. Либералишка ненавидит

свою мать, страну, где появился на свет; смеётся над её невзгодами, потирает потные ручонки, радуясь малейшим её промашкам. Борясь против семьи и материнства, махровая либералка Шмидт сексуальные опыты над детьми вытворяла. В двенадцать лет они становились импотентами. Бесплодная нация — конец России.

— Да, не терпится им... Стихоблудский жоак подобных экспериментаторов, напористый, как сперматозоид, Джек Алтаузен призывал расплавить памятник Минину и Пожарскому:

*Подумаешь, они спасли Расею,
А может, лучше было б не спасать!..*

— Не мытьём, так катаньем... Вот и плодятся «раковые» йоги, суфисты, нудисты, хиппи, геи-педерасты... А знаешь, когда эта мразь вспухла? В Диогену пору, в IV веке до нашей эры в великолепной Элладе. Отцом кинизма-цинизма считается Антисфен. Безродный, как и теперешние либералы-отщепенцы, проповедовал индивидуализм. Киники величали себя гражданами мира, и термин «космополит» придумали они. Индивидуализм свой кинический, циничный, довели до дикости: лучше быть варваром, чем эллином; лучше быть животным, чем человеком. Ходили голыми, воспевали содомство, кровосмешение; извращались скотоложеством, антропофагией...

— Это «благозвучные» антропофаги, подобно антисфенам и диогенам, разделали Кука.

— Если «варежки» разинем, то и до нас доберутся, русоеды...

— Здорóво живёте!.. — Мы и не заметили, как дорога привела нас в скверик Дома культуры, где на скамейке возле памятника погибшим воинам сидели бабульки.

— Здрас-сте! — разом гаркнули мы под обстрелом любопытного-насмешливых глаз.

Шутливо откланялись и, заметив лежащий вазон урны под ёлками, подняли его и бесшумно положили в него бутылку. До нашего слуха донеслось, что школьная уборщица Нюра уволилась, что Валентин Витальевич упрашивал на её место Евдокию Ильиничну, но та, гордячка, отказалась...

Те же пересуды мы слышали в продмаге, пока покупали полюбившуюся нам «Столичную». Однако, разгорячённые своим разговором, не обратили внимания на эту новость и продолжили погружение в историю дома, почав «Столицу». Вернее, погрузился Георгий. Он вдруг протянул нить от эл-

линских либералов к французским — жирондистам. Рышущие за выгодой, они то с якобинцами и Робеспьером выступили против абсолютизма, то прислуживали Людовику XVI и замешаны в убийстве Марата...

Увлечённый историческими хитросплетениями, Георгий, уже не глядя, замахивал рюмки. С каждой опрокинутой память его, к моему удивлению, обострялась, и он сыпал датами, именами, фактами... У меня же выпитое, напротив, туманило память, и я лишь как бы поддакивая, кивал, всё пристальнее всматриваясь в Гошу, в его образ, олицетворяющий ему подобных...

Да, ежели пристальнее посмотреть на иных бедолаг, то видно, какие они простосердечные; не имеющие благ, богатые духовно: и Гоша, и Зина; верно, и многие обитатели Жилки. А я, благополучный, самодовольный, заносчивый, посмел высокомерно судить о них! Они — истинные друзья Божии! И ледовитый, расчётливый враг рода человеческого страшится их душевной простоты и теплоты. Он разжигает в своих жалких рабах, чванливых правителях и богачах, презрение и злобу к нищим и беднякам и готов стереть обездоленных с лица земли, будто они не по праву ходят по ней...

После самобичевания и обличения вражьих сил я невольно возгласил призыв из песни луддитов:

И всех королей, кроме Лудда, долой!

— Андрэ?! — изумлённо воскликнул Георгий, хряснул меня восторженно по спине кулаком и с пафосом продолжил:

*Как когда-то за вольность в родимом краю
Кровью выкуп платил бедный люд,
Так и мы купим волю свою.
Жить свободными будем иль ляжем в бою!
Смерть владыкам! Да славится Лудд!..*

Его патетика смахнула туманец с моей памяти... В пятом классе историчка-истеричка ушла в декрет. Пришла другая, она не занудствовала по учебнику, а увлекала нас интересными фактами, острыми сюжетами, ведь каждый исторический период насыщен ими. Я тогда ходил в шахматный кружок, а Ольга Макаровна поведала, что царь Иван IV не знал в этой игре поражений. Я напомнил кружковскому руководителю об этом, и он разжился у одного столичного гросмейстера любимыми партиями Ивана Грозного. Мы разоб-

рали их и признали, что грозный царь был грозен и в шахматах и мог бы побить самого Тиграна Петросяна и стать чемпионом мира...

Иронизировала Ольга Макаровна и над ловкачеством Жиронды и восхищалась отважным ткачом Недом Луддом. Луддиты в Англии в начале XIX века выступали против капиталистов и громили их фабрики; за это последователей Лудда даже казнили...

*Мы на саван ублюдкам соткём полотно,
За оружие возьмёмся потом.
Богатеям позорная смерть суждена!
И красильный свой чан мы нальём дополна,
Но не краской, а кровью нальём.*

Этот ругательный, «кровожадный» куплет из гимна английских ткачей, а также и последний, подобный ему, Ольга Макаровна, шаядя наше воображение, педагогически пропустила. Зато Георгий возбудился кровью классового отщепеня и, пламенным трибуном рубанув рукой, завершил воззвание:

*Эта смрадная кровь, как живительный ил,
Нашу почву удобрит, и в славный тот день
Обновится, исполнится сил
Справедливость, что некогда Лудд посадил.
Мы за нашего Неда все встанем горой —
И всех королей, кроме Лудда, долой!*

После победоносного грома Георгия наступило затишье... Олицетворением тишины на столе царила пустая «Столичная». Я вспомнил бесправных «ткачей» Жилки:

— Как много говорили и кричали о всеобщем равенстве и братстве — и нигде, никогда они не были достигнуты. А вот маленькая девочка Аня... Мать не любит её, даже гонит от себя, а она с любовью к ней...

— А куда ей деться... — не то спросил, не то ответил Гоша.

— Её хочет удочерить Евдокия Ильинична.

— Мать есть мать... Погоняли меня в жизни банды передряг и к гибели гнали... Но больше всего потрясло... Однажды на стихотворение наткнулся как бы об этом потрясении детства:

*Я маму звал!..
Она не обернулась.*

*По нашей улочке
спешила от меня.
И тьма разверзлась
среди бела дня!
Рука чужая
слёз моих коснулась...*

*Я обознался.
Сердце помогать
Глазам моим
ещё не научилось.
Когда я понял,
что такое мать,
Оно, как третий глаз,
во мне открылось!*

Прочитав с надрывом стихотворение, Гоша вдруг пьяненько скривился:

— Зинаиду понять можно. Любовь-морковь... Дочка стала помехой в её отношениях с кэпом. Тот настаивал на аборте. Мать Зинки на коленях перед ней рыдала, умоляла не путаться с кобелём; добром, мол, такая связь не кончится. Как в воду глядела старая. Как и моя матушка... Послушание родителям — самое лёгкое в жизни. И полезное. Без этого опыта можно надломиться в испытательной непрерывной череде подчинений. Учитель, начальник, власть, закон, государство — все требуют подчинения. Да-а... Тех, кто не привык к послушанию в семье, жизнь жестоко ломает, а то и выбрасывает на свалку. «Чти отца и мать свою, — наставляет мудрость наших предков, — и будешь спасён». Верная тропа этой заповеди глухо заросла в беспамятстве и отсебятине нашей. Вот и выбрасывает нас жизнь, как мусор.

— Аня не видит в матери мусор. Она — как бы сама заботливая, любящая мать для неё, по-детски беспомощной.

— «Беспомощной...» — жёстко повторил Георгий. — Обижает, оскорбляет дочку, гонит от себя — а та со всепрощением к ней. Как по Писанию: её ударила мать по одной щеке, а она подставляет другую. Отвечает на зло добром. Это непонятно для Зинаиды и зlobит её.

— Почему же она отказала в удочерении Евдокии Ильичне?

— Да без дочки ей хана! Аня — её спасение. До неё это ещё как-то доходит. Да и я её не раз пытался усовестить. Отмахивается: «Сам, — говорит, — хорош гусь!..» Да, Андрей, задолжал я по алиментам. Сын у меня... Олежек... — Ге-

оргий слезливо заморгал, раскаянно вздохнул и, веря в сходство душ своего Олега и Ани, светло улыбнулся: — Да, душа Анечки чиста, она не помнит обид. К матери тянется, сколько бы та ни обижала её. Дай ей королеву в короне — она мать выберет, оборванную и пьяную. Родное она отличает не по бедности или богатству, а по любви. Да, трудно любить человека в позоре его. Но не надо смешивать человека со злом, которое в нём, с грехом — с болезнью. Аня верит, что мать излечится.

— Заревна! — гордясь своей ученицей, произнёс я и на недоумённый взгляд Георгия пояснил: — Так Аню в классе зовут. С чудинкой она, пушкинскую царевну-лебедь в заревну возвысила.

— Дети все с чудинкой. Есть чудинка от детскости, а есть от чувствительности, проникновенности.

— Да, слово «заревна» ярче, образнее, глубже «царевны». Девуца-заря. В этом какая-то божественность.

— Ну, тебе, словеснику, виднее. — Гоша с ласковой тоской погладил пустую бутылку и вдруг с обычным для него «перепадом» проговорил: — Эх, работу бы подходящую Зинаиде! Глядишь, и завязала бы...

В прихожке загрохотало. В неё с рюкзаком и велосипедом втиснулась Тамара. Заглянула на кухню и задышливо прохрипела:

— Эй, бухарики! Внизу мешок картошки.

Я закатил велик на лоджию, и мы с Гошей спустились к подъезду. Нас ошпарили взглядами скамеечные бабки: девка, мол, вкалывала, а эти лодыри, бездельники, тунеядцы!.. Без вины виноватые, мы растерялись и подхватили картофельного «борова» с двух концов, смахивая на чуковского тянитолкая. После нелепой возни я, молодой и крепкий, с помощью Гоши взвалил злополучный «центнер» на себя. Согнувшись в три погибели, тараном попёрся на железную дверь подъезда. Благо, Гоша вовремя догадался распахнуть её. Мёртвой хваткой сдавив узел мешка, я, кряхтя и отдуваясь, побурлачил — ступень за ступенью. Гоша тоже упирался изо всех сил; мыча, по-бычьему надавал сзади бодуном. Не сбрасывая ношу — не поднимешь потом, — передыхали минутами другую с отдышкой на этажных площадках. С меня пот капил градом, в висках стучало, сердце бухало. Гоша же поохивал, постанывал и причитал:

— Дылда, ну и дылда!..

То ли восхищался грузчицкой хваткой Тамары, то ли жаловался на работодательницу, так жестоко обременившую слабых мужичков. У меня же сил выдавить какой-либо звук

не было. Я лишь тупо представил побитую дорогу, каменюки-глыбы на ней. У кладбища вообще крутой тягун в рытвинах... Тома на хрупком велосипедном возке с «чудищем» на багажнике давит на педали... И как только дамский с вуалевыми сеточками на спицах велик не скукожился всмятку?..

На пятом, последнем этаже перед самой нашей дверью треклятая бугристая громада ухнула на пол, едва не припечатав носильщиков. Она выжала из нас все соки, даже пота не осталось, лишь противная липкость застила глаза. Разжарило так, что мы пыхтели, как печки. Услышав возню и пыхтение, вышла Тамара. Мы вытаращились на неё: после жуткой дороги — никакого угнетения, измождения! Напротив, словно после выпускного бала: светло-воздушная, румяная, похорошевшая. И мы — чадающие головешки над «моржовой тушей» картошки. А от Тома ни единой насмешки. Овеянные её освежающим облаком, мы вдохновенно волоком утащили мешок на лоджию, к велику. Даже не упехтались. С сознанием выполненного долга вернулись на кухню — и остолбенели, разинув рты.

На столе рубиново сиял графин с наливкой. В салатнице в рассоле нежились помидоры и пупырчатые огурчики. Смазливые крепенькие грибочки в вазочке. Пластинки мраморного сала с мясными прожилками в колечках лука на тарелке. Дымящийся рассыпчатый картофан в миске, облепленный зеленью укропа, петрушки, сельдерея. И вожделенный серебристый «чулок» краснопёрки на рыбнице!

Всё это чудо Тамара заготовила у тётки в Волновом, уложила в термосную торбу и умудрилась сохранно привезти в рюкзаке.

У нас с Гошей перехватило дыхание, и мы, уже сидя за пиришеским столом, не знали, к чему и притронуться, тихо ликуя и шепча восторги:

- Волшебница!
- О-бал-деть!
- Ни в сказке сказать...
- Ни пером описать!..
- Gaudeamus igitir! И так, будем веселиться!..

Зардевшаяся от похвал, хозяйка застольицы разложила яства каждому на тарелку, налила в рюмки с тонкими «талиями» калиновки и задорно трянула льняной чёлкой:

*Горизонта не видать
У нас за океанами.
Я, девчоночка, одна
Гуляю с хулиганями!*

— За вас, мальчики! Теперь мы обеспечены картофелем на зиму.

Мы от неловкости захмыкали, запокряхтывали.

— Чудо! — воскликнул наконец Гоша.

— Природы! — невпопад добавил я.

— Все мы — чуды природы! За нас! — провозгласила объединённый тост Тома.

Триедино, с рюмочным перезвоном чокнулись. На Гошу весело брызнул помидор. У меня из-под вилки всё выскальзывал облюбованный мною озорной груздок. Тома, радушная хозяйшкa, довольно похохатывала.

— Пальма ты наша! — любящим взором я окинул высокую, стройную девушку: — Так грузинскую царицу Тамару звали.

— За тебя, солнечная царица! — поддержал меня Георгий.

И зачастили тосты... Возликовало в мужицкой утробушке:

— Лепота!

— Vene stat!..

Однако я иногда мял свой загорбок, пытаюсь унять ломоту после «картофельной» надсады. Гоша ребром ладони по-каратистски наподдавал мне по загривку, помассировал, и неожиданно повторил давешнее, наболевшее:

— Эх, работу бы Зинаиде!..

— Хорошая мысль приходит опосля!.. — Я смачно хлопнул себя по лбу и брякнул пьяную свою, бесшабашную несурязицу: — А что, если Зинаиду Викторовну вместо Нюры?..

— Да-а!.. — ошарашенно выпучил глаза Георгий и медленно повернулся к Тамаре, словно от неё зависела участь Голубевой: — Дак... как?..

Я уже сконфуженно сник из-за своего сумасбродного предложения: шибко уж запущенная кандидатура. Тамара же бодро потрянула чёлкой:

— Да, я слышала, что Нюра уволилась... А что, тимуровцы, возьмём Голубеву на поруки? Коллектив у нас в школе добросердечный. И она изменится.

— Бытиё определяет сознание, — по-марксистски изрёк Гоша и икнул.

Его икотка будто пошатнула наши намерения, утвердившиеся в пьяненьком благодушии. Ответственность за судьбу человека, которого мы толком не знали, отрезвила наши судьбоносные мысли, и мы, помедлив, отложили созревшее было спасительное решение...

— Дорогой Гео, — с ехидцей начал я развенчивать Гошин истмат, — стало быть, земля определяет твоё сознание?

Тамара жирафицей недоумённо повертела головой:

— А-а при чём?..

— Да земледелец я, — догадливо усмехнулся носитель «земляного» имени.

— А я думала — победоносец.

— Это вот он — мужественный, — перевёл Георгий с греческого моё имя.

— Фи! Невпопад! — не согласилась с античностью Тома и пригвоздила меня за недостаточное внимание к ней: — Мужлан!

— Что ж, пальма первенства за тобой. Налей гусару, Тамарочка! — возгласил я призыв Маяковского из «Тамары и Демона».

Калиновка в графине поубавилась. От очередной хмельной ягоды мы засоловели, сморились до тяготомной паузы. Однако обида за мужланство исподволь грызла меня.

— Ну что поделаешь, если похож... — тяжеломерно мотнул я головой.

— Терпи, казак, атаманом будешь! — хлопком по плечу взбудрил меня Георгий.

— Профессор Оксфордского университета! — находчиво воодушевилась моя память.

— Кто?! — разом выдохнули мои застольщики.

— Кто-кто... Дед Пихто!.. Платов Матвей Иванович!

— Атаман Платов — профессор?.. — аж подскочил на табуретке уязвлённый историк. — Почти во всех войнах участвовал, какие Россия вела... — Он стал загигать пальцы: — Та-ак... Начал службу с тринадцати лет. Русско-турецкая война — ему семнадцать. Затем служил у Суворова. Брал Очаков. Герой Отечественной войны 12-го года. Войсковой атаман Донского казачьего войска. С триумфом въехал с Александром I в Париж...

— А в 1814 году сопровождал императора в Великобритании, где и получил учёное звание! — торжествующе вскинул я руку, точно сам являлся Платовым.

— Уж если казак взял Париж и стал доктором Оксфорда, то нам сам Бог велел проявить себя по-человечески! — сделала неожиданный вывод из отечественной истории Тамара.

— Логично, — с икоткой кивнул Гоша.

— Железная женская логика! — съязвил я.

Тома метнула на меня презрительный взгляд и решительно заявила:

— Всё! Флаг нам в руки!.. — Она собрала в свою термосную торбу остатки съестного со стола и приказала: — Наберите в авоську картошки и спустите с нею велик к подъезду!

Бугристая пудовая авоська на багажнике, синий кубовый рюкзак за спиной, ветряной лён волос... Пыль взвихрилась за велосипедом. Улеглась на взгорбке сопки. Мы с Гошей у подъезда, как два брата, провожающие сестру. Дежурные старушки-всезнайки на лавках коридорчиком:

— Ну и бедовая девка — вожатая пионерии!

— Давеча Зинаиду с Жилки к себе заташ-шыли.

— Ох, и пьюш-шая!.. А дочка— славная.

— К имя, поди, полетела с гостинцами...

И бабульки уважительно повернули к нам головы...

В ожидании Тамары мы с Гошей неспешно потягивали остаток калиновки, рассуждая, почему атаман Платов оказался в немилости у Павла I...

Тома вернулась затемно, пешая, порожняя. И велосипед, и рюкзак с термосом-контейнером оставила в подарок Голубевым. Счастливая, зарёванная, Аня на подаренном велике проводила дорогу, тоже заплаканную, гостью до околицы Жилки, освещая ей дорогу фонарём на велосипедных «рогах» под жужжанье трущейся о колесо динамо-машинки. Дальше провожать её вожатая не разрешила: поздний час!

Уревелись две женщины и ребёнок до покраснения глаз, до благодных триединых объятий. От доброты человеческой. От всего сердца подаренной. С душевной благодарностью принятой.

Ни в чём не попрекнула Тамара Зинаиду Викторовну, даже не пожурила. Та сама, никто за язык не тянул, потупившись, пообещала воздержаться от выпивки. После её молчаливого покаяния Тамара так многозначительно, загадочно взглянула на неё, словно одарила неведомой надеждой. И бросилась отчаявшаяся было сорокалетняя женщина к юной ещё, обливая её слезами. И какое-то глубинное рыдание, триединого сердца и сердца земли самóй, содрогнуло двух женщин и девочку, обхватившую их ручонками...

Совещание нашей общежитской тройцы поначалу решило дать Зинаиде недельный испытательный срок трезвения. Но признав, что праздность — мать пороков, незамедлительно направило к директору школы по трудоустройству Голубевой Зинаиды Викторовны меня, как классного руководителя её дочери.

Во вторую смену последним уроком в седьмом классе была «лит-ра» по «Мёртвым душам». Дрессурой мышки Пашей Чичиковым для показательных коммерческих выступлений класс жизнерадостно заинтересовался. Один лишь Батанов,

хиялга с синюшными подглазьями, нагло разлёгся передо мной, когда я прохаживался между партами, читая бессмертные строки Гоголя. Кто-то хихикнул, кто-то заржал, большеинство же в ожидании уставилось на меня: как же выкрутится этот молодой, старые-то от выходов Батана впадали в истерику, бежали за Вал-Витом. Я же спокойно перешагнул через пакостника и переиначил поговорку «Дурак умён, пока молчит» на «Батан умён, пока лежит». Одобряющий меня дружный смех обрушился на скукожившегося оболтуса.

— Итак, какое мы произведение изучаем? — победоносно спросил я.

— «Мёртвые души», — вразнойбой ответил класс.

— Вот именно! — уничтожающим жестом я указал на пришибленного дурня; раздался школьный звонок. — Урок закончен!

Батанов, посрамлённый, плёлся последним из кабинета, однако задержался в дверях и злобнозато озырнулся на меня. Беспомощный взгляд пацана, раздавленного наркотной пагубой и мной.

Победоносность моя сникла, как петушинный гребень. И давешняя воспитательная педагогика над несчастным парнишкой увиделась издевательством. В уличных драчках пацанва и та держалась правила: лежачего не бьют! А тут такое превосходство, самодовольство и безжалостность! Учитель — и ученик... И сам я почувствовал себя побитым, и уже не в силах был идти к директору по трудоустройству Голубевой. Выбрел из кабинета литературы и наткнулся на него, растерянно осматривающего коридор: повсюду не мыто, благо в классах ученики сами убирают. И тут будто некая сила заставила меня обратиться к нему:

— Валентин Витальевич, можно с вами поговорить?

— Подождите в приёмной! — он, в толстостёклых очках, подслеповато подцепил пальцем с плинтуса пыль, оставив на нём тёмную полосу.

Божий одуванчик, секретарша Клавдия Ниловна, поклёвывая носом, кемарила после очередного чаепития. Тигровый Васька прямо на столе жирным мурлыканьем вгонял её в сон. Домашний уют «администрации» как бы одомашнил и меня, и я, нервный ёж после драматургии с Батановым и решимости поговорить с директором, смягчился до пернатости. Даже надежда не топорщилась, а смиренно улеглась в этом гнёздышке, ибо уверовал я, что всё обойдётся...

При появлении моём Васька и ухом не повёл. Клавдия Ниловна же сторожко подняла голову и близоруко устави-

лась на меня. Наконец в дремотном туманце различила учителя Мезенцева и неопределённо протянула:

— Э-э...

Тут и Валентин Витальевич подоспел, недовольный непорядком по части чистоты и отсутствия кадров по уборке...

К месту встрял я и поделился своим кадровым соображением. Клавдия Ниловна аж вытянулась на своём креслице, подсеменила к директору и что-то зашептала ему на ухо. И они скрылись в его кабинете...

«Сейчас наплетёт, усердная, о пьянчужке с Жилки!..» — взбѣжилась благодушная пернатость моя. И Васька, потягиваясь, выгнулся электрической дугой. Меня начала пробирать ошуда; она тянулась из затылка, где возникла какая-то северно-ледовитая пустота. Я потрянул головой — в пустоте этой будто перекатилась ледышка, при вздохе скользнувшая в горло до ломоты. Я едва не задохнулся от такой переживательной физиологии. Благо, врачеватель Василий Тигрович вскочил мне на загривок, утишая нынешнюю нервную лomotу и вчерашнюю, натруженную от мешка картошки и выпитого...

Васька отодрал когти от ворота моего пиджака, грузно спрыгнул к хозяйке. Они с директором, выйдя из его кабинета, сердобольно, как на безнадёжного больного, молча смотрели на меня. Я невольно потрогал свою согретую Васькой шею и понял: не мои физические муки вызвали сострадание сердобольной парочки, а моя шизанутая решимость нести ответственность за протезе с Жилки.

— Попытка — не пытка! — вскочил я со стула, ясными, не сумасшедшими, глазами взирая на начальство. — А помните гуманизм кинофильма «Исправленному верить»?.. К тому же нас трое: Георгий Александрович, Тамара Владимировна и я. Мы готовы отвечать за Зинаиду Викторовну Голубеву!

— Хм-м... Попытка — не пытка. Действительно, а что мы теряем?.. — повернулся директор к секретарше.

— Престиж, честь и достоинство школы, Валентин Витальевич, — сухо отрезала она и наставительно добавила: — Не зная броду, не суйся в воду!

— Давайте-ка полюбуемся на этот «брод»! — решил директор на смотрины. — Приглашайте, Андрей Васильевич, свою протезе ко мне на собеседование, на завтра, после уроков, в семь часов. Если подойдёт, то сразу и за работу. Надеюсь на Евдокию Ильиничну, заважничала. Уже второй день не мыто...

С радостной вестью я хотел было рвануть в Жилку, но, выскочив на улицу, угодил в непроглядный буран. В цивильном

костюмчике и модных «корах» не поскачешь в снежной зимы. Теплой одежкой по своей безалаберности не запасая, понадеялся на русское авось. А ведь родители четыре дня назад, когда я им звонил, охали-ахали, что у меня с собой нет ни пальто, ни шапки, ни сапог и что не сегодня-завтра нагрянет настоящая зима. Я тогда отшутился: у меня, дескать, всепригодная-всепогодная форма бойца студотряда, да ещё со штормовкой и берцами на подковах. И вот небесная канцелярия и впрямь скомкала все благодушные метеопрогнозы: за какие-то три часа намело сугробы. Я ринулся по ним, чтобы переодеться во «всепригодную», как моё ухо резанул сухой звонок и мгlistый сумрак полоснул луч фонаря. Заревна, не в силах расстаться с подаренным велосипедом, елозила на нём в межсугробных ложбинках. Отороченная мехом шубейка, вязаная шапочка с бомбончиком, отороченные же сапожки — вылитая снегурка. Ей бы на салазках кататься...

— Аня! — побрёл я к ней навстречу.

— Андрей Васильевич! — Она поприветствовала меня велосипедным звонком, осветила фонарём на «лбу» велика и подрулила ко мне.

При вальсирующих новогодних снежинках в свете школьных окон я на своём «министерском» портфеле написал записку: «Уважаемая Зинаида Викторовна! Директор школы Валентин Витальевич приглашает вас завтра в 19.00 по поводу вашего устройства на работу. Классный руководитель А. В. Мезенцев».

— Пионерка Анна Голубева! — нарочито строго пробасил я. — Тебе поручается важное государственное задание: доставить Зинаиде Викторовне Голубевой секретное донесение! — и протянул ей вчетверо сложенный листок: — Будь готова!

Девочка благодарно взглянула на меня, словно знала содержание «донесения». Бережно положила его в шапочку и по глаза натянула её для пушей сохранности судьбоносного «секрета».

— Всегда готова! — взметнула по-пионерски руку.

Попыталась нажать на педали, но «конь» увяз в снегу. А тут ещё Орешек, обалдевший от счастья, что нашёл хозяйку, с радостным визгом и тьяканьем мячиком начал скакать вокруг неё и велика. Ане пришлось спешиться. Оглашая смурной посёлок велосипедным трезвоном и щенячьим ликованием, парочка двинулась по своей проложенной колее...

Наша же общежитская троица устроила знатное вечернее чаепитие в честь успешной дипломатии посла доброй воли — то бишь меня.

Вторник с утра как бы осветился ожиданием благополучных смотрин Зинаиды Викторовны. Верилось, не подкачает. Юность всегда верит в лучшее. Однако день ожидания этот выдался для меня днём мрачноватых испытаний.

Едва я переступил порог школы, как мимо меня прошмыгнула старушка-норушка — секретарша. Её вчерашнее наущничество вмиг помрачило мой юношеский оптимизм. Выглянув затем из приёмной, она уже командно велела зайти к ней и огорошила меня сообщением из военкомата. До комиссариата наконец-то дошло, что Агар не сельская местность, а пгт — посёлок городского типа. А стало быть, я уже не сельский учитель и в весенний призыв обязан явиться в военкомат. Армейская служба меня не страшила, но неужто мне не позволят довести моих четверышей до конца учебного года?

Удручённый новостью, на уроке русского я сорвался. Как всегда, досаждал Журка: вертелся, хихикал. Где-то раздобыл тёмные очки «киска», напялил их на затылок. Оля Блохина оторвалась от писанины, глянула перед собой — а тут нечто монстровское! Девочка-пышка — сердечница. Побледнела, завизжала. Чуть в обморок не упала. Да Журкины очки сползли с его непутёвой головы. Под смешки едва успокоилась. Я же схватил этого мышонка:

— Дурная голова рукам покоя не даёт! — и шаркнул им по классной доске.

При полном молчании класса...

Кое-как успокоился перед уроком литературы. Долгожданная сказка Пушкина. Многие, подражая Заревне, выучили «Салтана» чуть ли не наизусть. А «мушкетёры» даже разыграли сказку по ролям... Казнясь за безобразную свою выходку, всё же взял себя в руки. Но тут при звонке на урок подсунулся ко мне Ковальчук с вязкой лимонника:

— Андрей Васильевич, а мы с мамой... Вот вам! Учителя ведь устают, а чай с лимонником помогает.

Досадливо, даже не поблагодарив Лёшу, я взял «плетёнку» лианы, которая почудилась мне терновым венцом. Только утишил самобичевание, а тут возбуждающий «чай»...

На перемене «мушкетёры» очистили Журавлёва от мела, и теперь он сидел притишенный, но глазёнки его нет-нет и зыркали по сторонам: как же класс отнёсся к его позору?

Забыв о поэтической пятиминутке и о том, что у меня в руках подарок, я подошёл к Юрке. Он испуганно втянул голову в плечи, косясь на подозрительный круг из лимонника. Я же водрузил на него этот «терновый венец»: настрадался из-за меня.

— Это тебе, Юрок, больше подходит, — примирительно произнёс, имея в виду и давешнюю его страшилку из «киски».

Класс от такой мировой облегчённо вздохнул, а увенчанный Журка достал из ранца злополучные очки и протянул их потерпевшей Оле Блохиной. Тут уж великодушный мой четвёртый впал в полное умиление, вконец расслабился, и почти каждый примерил на себе Журкин венок мира: ведь он помирил и Андрея Васильевича с Юркой, и Юрку с Олей, и всех-всех...

Аню Голубеву веночек почему-то миновал, да она и не потянулась за ним. Просветлённость, торжественность и ожидание увиделись мне в её облике: примет, примет Валентин Витальевич маму на работу!..

Лёша Ковальчук на моё дарёное дарение разобиделся было, растерялся: а что же он маме скажет? Но при всеобщем умиротворении пообещал:

— А у нас с мамой ещё есть. Мы вам ещё подарим!

Оля Блохина, в смятении от Журкиного подарка, едва я назвал Пушкина гением, ни к селу ни к городу лягнула:

— Гений был Маркс и Ленин!

— А Пушкин тоже! — вытянулась стрункой Аня.

На парте перед ней лежала раскрытая книга, подаренная Георгием Александровичем, с закладкой-обёрткой от шоколадки «Сказки Пушкина». Она захлопнула книгу и под одобрительный мой кивок вышла к доске. Я насторожился: неужто и сейчас посвоевольничает? Да, с пафосом объявила название сказки со своей «заревной». Заклинило у девчонки... Она же распевно начала:

*Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.*

Тут присоединились к ней «девицы» Таня Строганова, Гутя Куликова, Ира Щетина и царь Салтан (Вова Гельцер). Красную девицу (Иру) государь выбрал царицей на зависть другим:

*Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха.*

— Ну и нормально! — вскинулся вдруг Саша Шляхтенко. — А чо тут такого? Подумаешь, повариха. У меня мамка на СРТМе повар-пекарь. И что? Ещё и завидуют, дурочки!..

— Чёрная зависть, — пояснил Андрей Федорец, в нетерпении ожидавший своего выхода на «сцену» в роли Гвидона.

— А белая бывает? — Лёша Ковальчук вопросительно посмотрел на меня.

— Зависть есть зависть. Она всегда чёрная. — Я махнул рукой растерявшимся артистам, чтобы продолжали дальше.

Следующая заминка возникла из-за любопытства Журки о росте Гвидона: «Сына Бог им дал в аршин»:

— А это скоко?

Об аршине я заблаговременно поинтересовался в словаре Даля и не без зазнайства отчеканил:

— Семьдесят один сантиметр!

— Ни-иштяк! — восхитился Шляхта. — Почти метр!

— Она же обещала родить богатыря, вот царь-батюшка её и выбрал, — с серьёзным видом Куликова указала на Щетинову и Гельцера, чем вызвала смех в классе.

Затем она (повариха, сватья баба Бабариха) и её напарница Строганова (ткачиха), округлив глаза, ядовито прошипели клеветнический ужастик:

*Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверушку.*

— Что? Кого?.. — пропищал Ковальчук.

— Во! — Чубаров уже проиллюстрировал Пушкина и повертел перед классом альбом для рисования. — Чебурашка!

На жестокость Салтана: «И царицу и приплод тайно бросить в бездну вод» — у Блохиной плаксиво задрожали губы, и она по-бабьи промокнула глаза платочком. Когда же волна выбросила бочку с младенцем Гвидоном на берег, слёзы радости так и хлынули у Оли. Класс снисходительно заулыбался.

И вот ребёночек «вышиб дно и вышел вон». Посыпались одобрительные возгласы:

— Клёво! Ништяк!

— Молоток! Богатырь!

— Это же сказка.

— Ну и что? Зато правда!..

Внезапно весёлый гул разорвал плач. Уткнувшись лицом в ладони, рыдал Батанов. На парте лежала фотография. Я подошёл, глянул на неё — и обмер. Гена — у гроба своего брата. Я растерянно, беспомощно оглядел притихший класс. Ребята всё поняли. Успокаивающе положил руку на вздрагивающее плечо Гены. Артисты скорбно разошлись по партам.

Да, в посёлке разнёсся слух, что среди наркотного молодняка, засорившего полкладбища шприцами, кто-то от пере-

доза чуть не загнулся. Оказалось, перебрал Батанов. Дело привычное, уже в который раз увозят его на «скорой»...

И вот — гроб. Младенец-то Гвидон «вышиб дно и вышел вон», а брат Гены из гроба не вышел...

Урок был последний, и я до звонка отпустил ребят, кроме дежурных. Вова и Андрей уже засучили рукава и начали тихо переворачивать стулья и укладывать их на парты, а я всё стоял возле обмякшего от страданий Гены, слегка сжимая его плечо: крепись, мол, и мужайся.

Мужаться же мне надобно было и самому. Мнилось, что по моей вине сгинул Батанов-старший. Я, учитель, изрядно поизгалялся над парнем. Может, из-за моих издевательств он и решил забыться, а то и вовсе уйти из жизни среди шприцов на кладбище?..

Учитель... Кошунственно звучит по отношению ко мне, окаянному. Малышонком Юркой Журавлёвым, точно тряпкой, вытер доску! Да только за это преступление меня стоило упрятать в каталажку. А за глумление над Батановым следует вообще пожизненно отлучить от школы. Как же кстати пришло уведомление из военкомата. Готов хоть сейчас облачиться в солдатскую форму. А как же Аня-Заревна и её мать? Ведь ручался за неё. Дизертир! Трус!..

И впрямь — пугливо вздрогнул от дверного скрипа. Заглянула Тамара. Всё поняла. Молча стала помогать Гене собираться. Я же, выйдя из школы, поплёлся куда глаза глядят...

Очнулся на поляне, где первого сентября мои четверыши на костерке варили картошку, играли в футбол. И я с ними... Будто в слуховом наваждении услышал озорные голоса, удары по мячу, весёлый ребячий шум и гам...

Сутки назад просвистела метелица, намела сугробы, а сейчас я бреду в палой осенней листве, пожухлой и волглой от стаявшего снега. Да, первый снег — не снег.

В распадке, однако, ручеек лопочет сквозь наледь. В устье бьётся об утёсик и рассыпается звонким смехом. И опять слышатся ребячьи голоса...

На скале в седловине изумрудный мох устлался почвенной подстилкой для кустика багульника. Напыжился крохотуля: вот-вот разорвутся почки — и раздастся зелёный запл...

Прямо весна-красна. Нет, солнце не больное. Обманываются учёные. Сильное. Родное солнышко, родное. Без него — лёд гибельный. Вон оно по наверхию сопки ходит, в душу зрит, праведность мою выглядывает. Какая у меня, окаянного, праведность! Вон она, Божия, разлита вокруг. Вне меня. Благо хоть позволительно Господом лицезреть её... Кудряш-

ки вóлнушек шлёпаются у изножья скалы, хлюпают, сопят по-детски. И пронзительно ослепительная океанская бесконечность, мерцающая изредка от весеннего бриза.

*Случится в осени весна,
Чуть вздрогнет муравьиный город,
И листья обдадут теплом —
И преданно умрут у ног...*

СТИШОК ЭТОТ, ВОЗНИКШИЙ ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ В ГОСТЕВАНИЕ МОЁ В ДЕРЕВНЕ У БАБУШКИ АГАНИ, НЕМНОГО УТИШИЛ САМОУНИЧИЖЕНИЕ. И морская даль в блёстках волн заблестала юно, и сердце встрепенулось полётно. Да, правы святые отцы: уныние пагубно, греховно...

А тут и знатный рыбак Игорь Чубаров подоспел со всеми снастями. Даже и для меня удочку прихватил и наживку припас: черви, мормыш, тесто и даже сало. И откуда узнал, что я здесь горюю?..

— Я за вами, Андрей Васильевич, зашёл, а вас дома нет.

Будто от забросов лесок взбурлила вода в скальной расщелине, заплюхалась с брызгами. Нерыбная вода... Через полчаса мы смотали удочки, и Чубаров свалил неудачу на бурление.

Мрачноватые, выбрались из распадка. На поляне, где первого сентября весело потрескивал костерок и булькал котелок, мамаша с малышом перебирали урожай — горстку опят. Увидев рыбаков, лопотунчик спросил:

— Дядя, дядя, а где рыба?

Я подхватил мальчонку и вознёс к небу:

— Рыба в море, а хвост на заборе!

А он, почемучка, не стал выяснять эту нескладуху, озорно болтал ручками-ножками и заливался дивным колокольчиком. Я передал его в руки счастливой мамочки. Игорь тоже повеселел:

— Андрей Васильевич, пойдёмте на пирс, там-то мы наловим!

И мы отправились за удачей...

Даже после сейнерных даров пирс не опустел. Камбалёшка приелась, а тут начался отменный клёв: попёрла краснопёрка с зубаткой. И мы с Игорем зарыбачились до сумерек. Когда я спохватился и глянул на часы, стукнуло уже восемь. Всполошился, подхватил улов в клочке рыболовной сети, благодарно похлопал по плечу Игоря и в побежке заспешил с пирса. На развилке застыл в раздумье: бежать в школу, там

решается судьба Голубевой... да уже, наверно, всё решено... или в Жилку?.. Я заметался на распутье: может, успею ещё, наверняка зануда Клавдия Ниловна всё зарезинит, забюрократит. Ринулся по поселковому большаку и в задышливости наткнулся на женскую фигуру, нещадно благоухающую. Мадама в широкополой шляпе, отороченной бахромой; пончо с кистями. Нездешняя какая-то. Лицо светлое, приятное, с усталыми складочками в уголках губ — и что-то в нём знакомое.

— Андрей Васильевич!

И она меня знает...

— Зинаида Викторовна! Ну как?..

— Да вроде всё нормально. Спасибо вам!.. Я уж собралась уборкой заняться, да Валентин Витальевич домой отправил. Уж больно меня эта привереда секретарша долго мурьжила: что да как?.. Устала я... Завтра перед занятиями приберу. Может, на чаёк заглянете?

— Нет-нет, что вы! С Ниловной пообщаться — что смену отпахать. Отдыхайте, всего доброго!..

Творческую пятиминутку Аня начала с надрывом, в духе «Море, море, сколько в тебе горя!» Однако то доброе, что пришло в её семью, смягчило горечь.

*Чёрная ночь,
Руки прочь!
Не трогай нас
В наш светлый час!*

Да, чувства рождают поэзию. Да не коснётся более чёрная ночь этой девочки с поэтическим званием — Заревна!

Возникшее напряжение разрядила Гутя:

— Другу! — Она тряхнула кудряшками:

*Атосом тень моя бежала впереди,
Не оставляя за собой свои следы.*

Я не стал поправлять «мушкетёра» Атоса и склонять «свои следы» до грамотного родительного падежа. Даже тень видится девочке любимой собакой — тоже чувство, рожающее поэзию.

Гена Батанов на занятия не пришёл, место его за партой как бы зияло скорбно. По ролям продолжение сказки не стали разыгрывать. Просто каждому достался отрывок для читки.

И вот Гвидон с матерью оказался на острове.

*Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук.*

Оживились мальчишки; особенно шумели Сидор, Журка и Шляхта: вспомнили, как первого сентября на нашей поляне согнули тальниковые луки и целились в яблоко на пеньке.

— А ещё из орешника, осины!.. — лучников набралось полкласса.

Ну как же в такой ситуации без Робинзона Крузо? И его упомянули.

— Вот вам пример воли и опыта выживания, — начал настаивать я. — Любые невзгоды можно преодолеть. Только не паниковать, не хныкать! — и поведал притчу: — В море потерпел крушение корабль. Спасся лишь один. Волной его выбросило на необитаемый остров, как и Робинзона Крузо. Ночевал он на земле, дрожа от холода, просыпался раным-рано и всё всматривался в горизонт, ожидая помощи. Но тщетно. Измученный холодом и напрасным ожиданием, соорудил наконец из обломков корабля лачугу, чтобы спастись от дождя и снега. Надвигалась зима. Однажды, побродив в поисках пищи, вернулся и ужаснулся: его жилище от удара молнии полыхало! Случилось самое страшное — он лишился крова, и не было более спасения: его ожидала смерть, он замёрзнет. Взмолился к небу: за что ему такое? От горя и отчаяния несчастный без сознания рухнул на землю... Очнулся от того, что кто-то укутывал его в тёплую одежду. Открыл глаза и спросил спасителей: «Откуда вы узнали, что я здесь?» — «Мы увидели с корабля сигнальный костёр».

— Повезло! — прервал задумчивое молчание класса Сидоров.

— Боженька ему помог, — тихо промолвила Аня.

— Заревна-ля... — огрызнулся Сидор, не договорив придуманную им обзываловку.

— А ещё пионерка! — упрекнула Голубеву председатель совета отряда Строганова.

— При чём тут?.. — нахмурился староста класса Гельцер. — Моя бабушка тоже говорит: нет худа без добра. До последнего надо надеяться...

— Вова прав! — порадовался я его рассудительности. — Забыл наш Робинзон русские пословицы: «Всё, что ни есть, всё к лучшему», «Надежда умирает последней». Казалось бы, умерла для него надежда, ан нет... И нам урок: держать до конца хвост пистолетом!..

Корабельщики поведали царю Салтану о новом граде на острове:

*Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит.*

— А вот наши правители не умеют править! — огорошил своей «политикой» Федорец. — Если бы умели, Жилку бы снесли и дома построили.

Я замешкался с ответом и чуть было не рубанул: «И всех королей, кроме Лудда, долой!» Обитательница же трущоб Аня Голубева благодарно посмотрела на Андрея и добавила своё, наболевшее:

— И водку бы не продавали.

— Заревна-лягушка! — всё-таки закончил свою обзываловку Сидор.

Зашуганный издёвками, шут гороховый Крамаров после оглушительной пятёрки по русскому осмелел и сам надоумился понасмешничать. Шляхта поправил дружка своего:

— Заревна-забавна, — и презрительно глядя на Аню, с намёком на её пьяницу мать, ехидно проговорил:

*День прошёл — царя Салтана
Уложили спать вполъяна.*

Аня нахмурилась, но ничего не ответила, лишь плотно сжала губы, теребя, словно оберег, закладку-обёртку от шоколадки «Сказки Пушкина».

— Андрей Васильевич! — пропищал Лёша Ковальчук, вскочил из-за парты и дёрнул меня за рукав, ребёнок ребёнком: — А у Сидорова и Шляхтенко мамы тоже выпивают!

— А у них пап нет! — вступился за дружков Журка.

— Ну и что?

— При чём тут это?..

Гвалт поднялся, стали выяснять, у кого кто пьёт. Пришлось мне повысить голос, образумить разоблачителей и огрызающихся.

— В древние-древние времена, — громовым речитативом начал я ветхозаветную педагогическую историю, — у крестьянина Ноя было три сына: Сим, Хам, Иафет.

— Гы-ы!.. — полорото залыбился Крамаров. — Хам — это кто хамит.

— Вот вы со Шляхтенкой и нахамили Голубевой! — пристыдила его Куликова.

— Посадил Ной виноград, — упредил я начавшуюся было перепалку. — Когда он созрел, Ной выжал из ягод сок, полу-

чилося вино. Попробовал он это вино, а поскольку долго трудился в саду, устал, да солнце напекло, захмелел и уснул в шалаше. Это видел Хам и со смехом позвал братьев, чтобы и они посмеялись над выпившим отцом, в одних трусах некрасиво лежавшим в шалаше. Братья же повернулись спиной и, не глядя на отца, прикрыли его простышкой. Ной проснулся и узнал, что Хам смеялся над ним, над своим отцом. И сказал он, что за такой дурной поступок не будет Хаму счастья в жизни, а Сим и Иафет будут счастливы. Так оно и вышло. Хамские племена были изгнаны в Африку и стали дикарями. А грубость, наглость, бесстыдство с той поры зовутся хамством. Сим и Иафет за доброту и за любовь к родителям и к людям были одарены долголетием, они прожили более девятисот лет. Потомки их стали образованными, передовыми народами на Востоке и в Европе. Так что, дорогие мои, хамству — бой, и почтение — родителям! И проживём долго и счастливо!.. Ну что, и в нашей сказке счастливый конец.

Переживательная Оля Блохина едва не всплакнула, когда ткачиха с поварихой «во всём признались, повинились, разрыдались».

— Добрая Блоха какая-то... — непонимающе покачал головой Шляхтенко.

— Она не Блоха, а Оля! — чуть ли не в голос возмущались «мушкетёры».

— Лан-лан!.. — нехотя отмахнулся Шляхта и всё-таки съязвил: — Оля — слёзки на колёсках.

— Тебе бы так! — неожиданно вспыхнула застенчивая Ира Щетина. — У неё, знаешь, сколько братиков и сестричек!..

— Поэтому она и сердечница, — поддержала подругу Строганова, — у неё сердце большое.

Сама же Оля, шмыгая в платочек, благодарно взирала на своих защитниц.

Прозвенел звонок. Занятия закончились. Должны дежурить Голубева и Блохина. Но председатель совета отряда Строганова объявила:

— Мы — класс коммунистического труда. Сделаем уборку все вместе!

— Ну и убирай сама, Рыжая!.. — процедил Шляхта и кивнул Сидору и Журке: давайте, мол, смотаемся!

Но те вопросительно уставились на меня, будто спрашивая, как им поступить. Я представил всеклассный тарарам и предложил остаться лишь желающим. Все, даже Шляхтенко, остались. И тут, вдохновлённая таким коллективизмом, к доске с торжественным видом вышла раздумывавшаяся Блохина:

— Ребята, а давайте наш дружный пионерский отряд назовём именем Гризы Дубовой!

— Кого-кого?!..

— Кем, чем?

— Какой Гризы?..

И без того щекастенькая Блохина надулась и затеребила красный галстук:

— Героиня такая...

Хоть стой, хоть падай от этой «политичной» толстушки: то у неё гений Маркс и Ленин, то Гриза...

Я подошёл к доске, взял мел и размашисто черкнул «Гризодубова»:

— Оля, видишь, как фамилия пишется? Как ты думаешь, почему я таким полётным почерком написал?

— Ну-у... она же лётчик.

— Вот Бло... — Шляхта осёкся и «наградил» Блохину новым прозвищем: — Гриза!

Я погрозил ему пальцем и указал Оле на место:

— Да, Валентина Гризодубова — лётчица, полковник. Вместе с Полиной Осипенко и Мариной Расковой в 1938 году совершила беспримерный для того времени героический перелёт из Москвы на Дальний Восток. Все трое за этот подвиг были удостоены звания Героя Советского Союза. Осипенко и Раскова похоронены у Кремлёвской стены. А Валентина Степановна ещё жива, часто встречается с пионерией и просит не называть её именем пионерские дружины. Она человек скромный и говорит, что у нас в стране много героев-пионеров: Валя Котик, Лёня Голиков, Володя Дубинин...

— А вы всё мушкетёры, мушкетёры!.. — передразнил «дюмовскую» троицу Шляхтенко и презрительно цвиркнул сквозь зубы: — Партосы, Артаньяны!.. Девчонки!..

— Андрей Васильевич! — примерно поднял руку, как на уроке, Лёша Ковальчук. — А мы убираться будем?

— Да-да!.. — спохватился я. — Но всем классом не стоит, мешать друг дружке будем. Убирают дежурные, им помогают Журавлёв, Сидоров, Шляхтенко. Не возражаешь, Саша?

— Я мамке всегда на камбузе помогаю! — погордился он.

Словно очищающее покаяние снизошло на Гену Батанова после смерти брата. Проказливый пацан стал тише воды, ниже травы. Будто винулся за брата и за себя. Подчас искал печальными глазами мой взгляд и виновато смотрел на меня, как бы ища сочувствия и прощения. «Эх, Гена, знал бы ты, дружок, как я виноват перед братом твоим и перед тобой». —

С таким самоосуждением я присаживался рядом с ним за партой, с ухарем никто не хотел сидеть, и уже с «камчатки» вёл урок.

Как и всякий безобразник, у кого есть старший брат, да ещё крутой, пример для подражания и заступник, Батанов прежде вёл себя нагло и драчливо. Теперь же он, не выучивший толком за всю учёбу ни одного урока, тянул руку и отвечал впопад или невпопад. У доски не крошил каратистски в кулаке мел, а пытался справиться с коварным местоимением «что-нибудь», в котором ранее делал четыре ошибки. Вчерашний хулиган без конца вытирал доску, поливал цветы и просился помогать дежурным. Да и сам отдежурил с необычайным рвением, отказавшись от помощи одноклассников, ожидая свою вожатую Тамару Владимировну, к которой за неделю успел привязаться и которая опекала его.

Радуюсь освоению им местоимения «что-нибудь», а то корябал «што не быть», краем уха я услышал шипение Сидора:

— Гриза, фифа, цацки нацепила!

Я легонько щёлкнул его по затылку шелбаном. Как же сам не заметил серёжки у этой модницы? Подошёл к ней, наклонился к её уху со стеклярусовыми висюльками. И как, бедняжка, вытерпела прокалывание?

— Оля, сними, пожалуйста, рановато тебе ещё, — шёпотом попросил я.

Привстав на цыпочки, она, как бы по секрету, прошептала мне на ухо:

— Выдёргивать больно будет. И дырки зарастут.

От таких убедительных доводов я растерялся. Умница Таня Строганова разгадала наши секреты и пришла мне на помощь:

— Ты же пионерка, Оля! А пионер — всем ребятам пример!

Та, разобиженная, надулась, суетливо зачихала в портфель учебники и тетрадки и, плаксиво моргая, собралась уходить. Батанов оторвался от писанины на доске и загородил проход, но Блохина оттолкнула его:

— Отстань! Я выдёргивать пошла!

Класс возрился на меня. Я же искренне поделился с ним:

— Серьги, бусы, колечки, фенечки... Не понимаю. Некоторые старушки хотят выглядеть моложе; им кажется, что все эти безделушки украшают их, омолаживают... Дети — цветы жизни. Где вы видели лилию с фенечками?..

— Гы-ы!.. — полорото залыбился Крамаров.

— Цветы и так красивы! — вспыхнула, как маков цвет, Ира Щетина.

Девочки зашебетали, у кого какие цветы в палисаднике. Лёша затеребил меня за рукав, чуть не плача, повинился, что забыл для меня лимонник, который приготовила мама.

Едва не скончался урок. Олег Могила-Слюняев добавил в «бочку дёгтя мёда»:

— А у меня теперь фамилия Кузнецов! — на весь класс объявил он.

Наконец-то закончились «фамильные» мытарства: сыскали мы с его родителями в их родословной подходящего предка.

— Кузнецов, ко мне! — озорно вызвал я новокрещённого.

Олег, чуть не споткнувшись от радости, подбежал к доске.

— Кузя, не зашибись! — тут же присвоил ему прозвище Шляхта.

— Какая самая распространённая фамилия? — спросил я Олега.

Он замялся, а класс почти хором подсказал:

— И-ва-нов!

— Нет, у нас больше всего Кузнецовых. И другие фамилии, близкие по значению. Итак, пиши, Олег: Кузнецов... только без мягкого знака! Ковальчук... «У» после «ч»!

Загалдели, запоглядывали на смутившегося Лёшу.

— Раньше кузнецов звали также ковалями. От слова «ковать», — пояснил я.

— А у нас книжка есть «Кузнец Кова», — похвалился Лёша.

— А в пятом классе Ковалёв есть, — сообщил Чубаров. — Мы с ним на «самодур» ловили.

— Та-ак, пиши, Олег: Ковалёв.

— А у нас соседи Коваленки! — выпалил Журка.

Новоиспечённый Кузнецов так и написал.

— «О» на конце, единственное число, именительный падеж, — поучительствовал я и дополнил «кузнечное родство»: — Пиши: Коваль, Ковалевский, Ковальский.

Олег справился с этими фамилиями — ни одной ошибки! И в праздничный для него день и за все его труды на доске я поставил ему, слабенькому троечнику, «четыре».

— Ну ты, Кузя, даё-ёшь!.. — порадовался за друга Фёдор, Федорец, упрочивая шутивно-ласкательное прозвище.

— И фамилия лучше, и учиться стал лучше, — вполне здраво рассудил Ковальчук.

— Верно, Алексей! — похвалил я его.

Лёша посерьёзnel, детскости поубавилось, прямо-таки на глазах повзрослел: наверняка и он с натянутых троечек на четвёрки перейдёт. Я же напутствовал виновника торжества:

— Как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Так что, Кузнецов Олег, отныне смело куй себе победу и в учёбе, и в прочих делах!

Неделю безупречно мыла школьные полы Зинаида Викторовна. Всё у неё блестело, похоже, она старательно вылизывала каждую щель. Обходя «владения», Валентин Витальевич тихо радовался новой работнице.

— Ещё месяц испытательного срока не прошёл, — ворчала Клавдия Ниловна, — а вы нахваливаете: аккуратистка. Да она завтра же может что-нибудь отмочить. Они, корабельные, такие!..

И накаркала!..

После занятий физрук позвал Тамару, Гошу и меня постучать мячом в баскет. Из-за какой-то беспокойной внутренней дрожи я ни разу не попал в корзину и, расстроенный, покинул спортзал. Буханье мяча тяжело отдавалось в голове, пока я спускался со второго этажа... Будто омутная воронка заглотила меня, перехватив дыхание... На перевёрнутом ведре, держась за швабру, еле ворочала языком Зинаида:

— Анька-а!.. — икала она. — Не мешай! Я сама...

Девочка, со сбитыми, красными коленками, в цветочковом платьице, видно, успела переодеться, ползала с мокрой тряпкой, толкая перед собой ведёрко с водой...

А вверху в спортзале бухало, бухало — кувалдой в моё сердце...

Валентин Витальевич появился неслышно:

— Иди домой, деточка! — тихо сказал он Ане и поставил ведёрко с тряпкой к стене.

— Аня, подожди в классе, — попросил я девочку.

Мать же её начала креститься вместе с ведром и шваброй. Я подоспел, удержал её, рыхлую. Она смахнула космы рыжеватых волос, свисших на глаза, мутновато взглянула на меня и, как погибельная пропащая, махнула рукой, будто отсекала себя от последней надежды, от дочки, от жизни.

Валентин Витальевич дотронулся до её поникшего плеча:

— Пойдём, голубушка!

Медленно, тяжко она поднялась сама. Директор, поддерживая за локоть, повёл её в свой кабинет. Я шёл сбоку, готовый в любой момент подхватить шаткую Зинаиду.

В кабинете хозяин усадил мрачную гостью за Т-образный стол, кивнул и мне гостеприимно. Достал из шкапика графинчик, три стопки, тарелку с поджаристыми пирожками, испечёнными, верно, Ниловной. Отнёс угощение в приёмную «сторожу» Василию. Разлил водочку и поставил стопки

перед Зинаидой Викторовной и передо мной. Та сидела, угрюмо насунувшись головой в кулаки. Заметив выпивку, подозрительно всмотрелась в нас, доброжелательных, и, не угледев подвоха, по-мужски, твёрдо, чокнулась с нами.

— Ну вот, уже полегче!.. — вздохнул Валентин Витальевич: испереживался по-человечески из-за падения «аккуратистки». Откусил от пирожка, расплылся в благостной улыбке; снял запотевшие очки: румяный, помолодевший.

От пирожков с картошкой дохнуло такой домашностью, теплотой, уютом, что и нужды не было в дальнейшем питие.

— Дорогая моя Зинаида Викторовна, голубушка! — душевно обратился к гостье директор. — Ежели приспичит выпить, лучше я тебе сам налью. А то на виду у всей школы как-то неприлично. Исправленной мы с Андреем Васильевичем продолжаем верить. Я вот вам с дочкой жильё подыскал...

«Исправленная» внезапно бухнулась в ноги доброму человеку, захлёбываясь слезами, покаяниями и благодарениями.

Дочка её заглянула, бросилась к матери:

— Мамочка, мамочка!.. Вставай, пойдём домой!..

— Анечка, доча, прости меня, родненькая!.. Валентин Витальевич... Андрей Васильевич... Они... У нас всё хорошо!.. Пойдём, пойдём!..

В спортзале «баскет» уже не бухал. Из школы мы вышли вчетвером в сопровождении физрука, он подрабатывал сторожем и дворником. Заливистым лаем нас встретил счастливый Орешек. Аня заглушила его ликование пирожком: директор одарил и Голубевых, и нас, общежитских, гостинцами.

— Не забудь, Зинаида Викторовна: завтра на работу! — весело напомнил при расставании Валентин Витальевич.

— Буду как штык!

— Будем как штык! — вторила матери Аня.

«Чёрная ночь, руки прочь! Не трогай нас в наш светлый час!..» Что этой черноте мольбы ребёнка? Зловеще подступила в расцветшее уже было утро Заревны. Навалилась тяжко на хрупкие её плечики... Как выдержало детское сердечко?! Свет доброты человеческой, Валентин Витальевич, отринул чёрную глыбу с рассветной вершины. И вновь воссияла надежда для дочери и её матери. И меня коснулся отсвет этой зари...

Поражённый произошедшим, забыв про пирожки, я направился к морю, послушать его, себя и млечное, звёздное небо.

Да, потрясение — сильное лекарство для вразумления... Хотя наружно Зинаида не клялась в трезвости, но в душе вроде

бы укоренилась стойкость. Вроде бы... И впала в ужас от своего падения, от осквернения, порушения клятвы. Раздавленная, убитая, таскала в директорскую, как на страшный суд. Конечно же уволят! И поделом! Это — конец!.. И ошеломляющий удар. Немыслимо, невероятно!.. Такой доброты человеческой она, пьянь, пропаль, — не ожидала...

Невероятное — очевидное. И меня, самонадеянного молодкососа, потрясла мудрость жизни в образе Валентина Витальевича. Теперь он виделся мне несвятым святым — с небесным милосердием и с простецкой душевной стопкой. Человеколюбие — самое сильнодействующее воспитательное средство. Исправленной — верить! Уж теперь-то Зинаида Викторовна твёрдо пойдёт по жизненному большаку с дочкой, с Орешком...

Затуманилась звёздная млечность. Замглилась небесная роза ветров. Засвистел с моря пронизывающий норд-ост. Я нахлабучил на голову капюшон штормовки... Как же Заревна с матушкой своей в халупе, продуваемой ветрами?.. Присмотрел Валентин Витальевич для них жильё. Переселил мастерскую трудовика в новое, отдельное здание. А старую, при школе, комнату-карман выделил для Голубевых. Поштукатурят, побелят — и новоселье... Как он пошутил: «Тепло, светло, и мухи не кусают»...

Ещё раз два срывалась Зинаида. Но уже не так наглядно, почти незаметно. При коварной «жажде», как и просил директор, в отсутствие секретарши с печалью заглядывала к нему. Он понимающе, молчком наливал ей стопку. Выпив, она прижимала палец к губам, как бы закрывая рот от дальнейшего питья.

— Ну-ну... — с усмешкой Валентин Витальевич указывал на настенный календарь, как бы ожидая знаменательной даты последней её стопки.

С горя Зинаида Викторовна хлопнула у директора перед новосельем. Но оно могло затянуться, а то и вовсе не состояться. Зловредная Клавдия Ниловна упёрлась: нельзя, дескать, держать в школьном помещении собаку, она лаем будет мешать занятиям. Валентин Витальевич вызвал Аню и велел приучить щенка молчать и не лаять, когда не положено.

Завела она пёсика после той жуткой ночи, когда мать ушла к морю топиться, а она искала её по всему Агару. Орешек будет помогать ей в розыске матери. И конечно же этот смыслёный, толковый пёс сразу поймёт, что быть пустобрёхом не солидно. Девочка охотно пообещала выдрессировать Орешка и что он не будет пустилайкой...

С этого памятного дня Зинаида Викторовна с выпивкой завязала.

Когда-то в русских деревнях ставили избы всем миром — помощью. И наша общежитская троица выходила помощью на ремонт голубевского жилья: скребла от въевшейся пыли пол и потолок, штукатурила, белила, клеила обои, застилала досками цементный пол бывшей мастерской, красила половицы. Трудовик стеклил треснувшие окна. Физрук с Аней отвозил в мешках на велосипеде ремонтный мусор, опилки, щепки на свалку. Не мог нарадоваться своей спортивной ученицей: лёгкая, полётная — и самая быстрая бегунья; и выше всех, и дальше всех прыгает. Жаль, что ей только десять. А уже через два года Олимпиада в Москве...

Последние штрихи в отделке. Засверкали отдраенные хозяйкой окна. Гости заставили бедную квартиру дарами: стульями, тахтой, посудой. Мы с Георгием скинулись на гардины с золотистыми шторами. Тамара выцыганила у родичей в Волновом ковровую дорожку и роскошный торшер: под ним Анечка будет готовить уроки...

Накрыт праздничный стол. Все расселись. Зинаида Викторовна сияет невестой. Валентин Витальевич, тамада, балагур, душа застолья, поздравляет новосёлов, возглашает с прибаутками тосты. Тянется с бокалом шампанского к хозяйке. Все весело, с новогодним звоном чокаются: скоро, всего через полтора месяца Новый год! Зинаида Викторовна лишь вежливо пригубила, отпускает дочку с Орешком погулять. Директор умильным взглядом провожает славную девочку: сдержала-таки слово, облагородила дворняжку, отличился пёсик примерным поведением, ни разу не тявкнул...

Очередной звон чокающихся слился с велосипедным трезвоном: Аня гоняет под окнами на велике и поздравляет всех с праздником новоселья. Стойкий Орешек проявляет чудеса собачьей воли: ох, как тяжело сдерживать ему восторг!.. Сжалилась над бедняжкой юная хозяйка:

— Орешек, голос!

Залился в ликовании, норовя ревниво кунуть рогатого «коня»...

Из-за голубевской «помочи» я так и не побывал в осенние каникулы дома у отца-матери, не попрощал бабушку Аганию. Надеялся исправить нерадение своё после Нового года.

Да, и впрямь, первый снег — не снег. «Зимы ждала, ждала природа...» Устанешь ждать, ежели достопадный Агар находится на одной широте с субтропическим Сочи. Уже

29 декабря, завтра начнутся зимние каникулы. Зимние... Ни одной снежинки! Как отдыхать, резвиться детворе? Скучают на балконах, в кладовках, сарайках лыжи, санки, коньки, клюшки... Ветры прогонистые с моря, песок прибрежный хрустит на зубах, пыль столбом на поселковом большаке.

Зато школьный спортзал во главе с красавицей ёлкой разнаряжен — сказка!..

И вот новогодний утренник четверышей. Вместе с Михайло Потапычем (историком Георгием Александровичем) открывает его Дядя Стёпа-милиционер (старшая пионервожатая Тамара Владимировна). Она поднимает семафор с зелёным светом; они с Топтыгиным запускают детвору, вручая всем подарки. Торжественно шествуют в зал, раздвигая цветные шары, гирлянды, клубки серпантина, Дед Мороз (Андрей Васильевич) — и Снегурочка. Да это же толстушка Блохина! Ну и Снегурка!.. А что, всё Щетина да Щетина — аж с первого класса. Да и снегурочий наряд Ольге тоже подходит. Это же костюм Заревны. «Мушкетёры», Андрей Васильевич да почти весь класс её выбрали Снегурочкой, а она в пользу Блохиной отказалась. Оля, говорит, многодетная и добрая. Вон сколько младших Блохиных набралось! Копаются в кулках с подарками, чумазики, щёки в шоколаде...

«Субтропики», жарко, душно... «В лесу родилась ёлочка...» — мы с Олей, водя хоровод, частенько путаемся в стишках, поздравлениях, речёвках. Подсказывает нам по шпаргалке суфлёр Михайло Потапыч: Георгий вывернул наизнанку овечий тулуп, завязал на подбородке лямки ушанки и надел медвежью маску.

В зале полно снежинок, зайчиков, белочек. Под ёлкой артисты с выражением декламируют стишки, радуются призам за своё чтецкое искусство. Четырёхлетнего «морячка» Славика Блохина воздвигли на «палубу»-табуретку:

*Уянили мишку на пол,
Отывали мишке лапу;
Всё явно его не бьёшу,
Потому что он хоёший!*

Жалко стало чтецу медвежонка, да и разволновался: захныкал. Под аплодисменты утешают сердобольного малыша Михайло Потапыч и Мишутка (Юра Журавлёв). Расшалился Журка, топочет вразвалку и всё норовит, баловник, потербить овчину «медвежьей шкуры». Гордо расхаживают по залу три мушкетёра: шляпы с плюмажем из гусиных перьев,

камзолы с рюшками, сапоги с отворотами — ботфорты. Всё как взаправду, только усы-стрелки и бородки клинышками нарисованы тушью...

С бравой тройцы мы и начали с Олей шпарить нескладухи:

*Хоть Париж и далеко —
Мушкетёры рядом.
Таня, Гутя, Ира, вам
Все ребята рады!*

Степennyй Вова Гельцер лампу «летучая мышь» потирает: в чалме, шароварах, в тапках-сорокоодах с острыми задранными носками — точь-в-точь Алладин. И ему от нас досталось:

*Гельцер наш — лучший из Вов,
Не боится верблюдов.
А кто боится верблюдов —
Тех он выручить готов!*

На голову любимчика девочек Олега, скромно одетого, некарнавального, «мушкетёры» силком водрузили веночек из мишуры. Их восторженный смех и аплодисменты заразили всё новогодье, когда прозвучала частушка о новоподобном:

*Ах, над чьей же головой
Шарик вьётся, вьётся—
Наш Олег теперь солидно
Кузею зовётся.*

А шариком над ним по нашей просьбе махала Тамара. Она и не догадывалась, что и её мы продёрнем, вернее, моя напарница:

*Я хочу вожатой стать,
Как Тётя Стёпа, подрастать,
Чтоб во кедровом во лесу
Кедрову шишечку достать!*

Тут Миша-медведь рявкнул «Э-эх ма!..», вытащил из тулупа увесистую кедровую шишку и с поклоном поднёс Тёте Стёпе.

Знатный рыбак наш, ясно море, облачился в зимние «доспехи»: брезентуху с башлыком, ящик рыбацкий за спиной, чуни на валенках, колovorот и удочка — всё чин чинарём!

*Наш Чубаров кудреват,
На рыбалке мается —
Верим, верим, Игорёха:
Что-нибудь поймается!*

Не обиделся, уселся на ящик, «просверлил лунку», закинул удочку..

— Ловись, рыбка, большая и малая! — пожелали мы ему рыбацкого счастья и отчебучили напоследок:

*Наш четвёртый — самый лучший,
Самый клёвый в мире класс!
Про него легко поётся —
Мы бы спели ещё раз.
Мы бы спели тыщу раз —
Да пора смываться с глаз!*

Снегурочка взмахнула кружевным платочком; с притопом, прихлопом, с взвизгиваньем мы крутанулись друг вокруг друга под скандирование развесёлого новогодья.

Тётя Стёпа начала собирать «стаю гусей».

— Гуси, гуси!

— Га-га-га!

— Есть хотите?

— Да-да-да!

— Так летите же домой!

— Серый волк под горой, зубы точит, нас съесть хочет!..

Расставил широко ловчие лапы Серый Волк, завыл, зарычал — но совсем не страшно, как-то по-женски. Бросилась к нему, к матери своей на шею Заревна-лебедь. А тут «гуси» с гагаканьем и прорвались «домой». Галдёж, буча — чуть куча мала, как на заветной поляне, не заклубилась...

Заветная поляна... Роковой она оказалась для меня...

Справили Новый год у нас, в общежитии. Мы с Гошей из городской комиссионки телевизор «Спутник» привезли, на крыше антенну установили. Зинаиду с Заревной и Орешком пригласили. Вёл он себя примерно. «Голубой огонёк» у Ани на коленях с интересом смотрел. Подчас соскакивал, лапой трогал танцующие фигурки на экране, сзади заглядывал: а где же в ящике человечки?.. В общем, тоже украшение нашего «семейного» праздника. Его мы отмечали в комнате у Тамары. Её она разновогодила не хуже школьного спортзала. В «красном» углу разнаряженная

еловая лапа; из угла в угол гирлянды, с них струится «дождь», с плафона к ним курчавится серпантин.

Матушка с батей на меня осерчали, что не дома справил Новый год. Но не мог же я бросить друзей. Да и мои четверыши жаждали продолжения праздника, упростили меня провести на нашей поляне зимнюю спартакиаду.

Неисповедима погода у моря. Новогодние «субтропики», когда чуть не зацвёл багульник, ко второму январю сменились на ядрёный морозец со скрипучим снежком. Долгожданное счастье привалило ребятам! Со всем «заскучавшим» зимним снаряжением, кроме коньков, отправились состязаться. Даже клюшки прихватили: играют же в хоккей на траве, а мы погоняем шайбу на снегу. Такой ликующий снежок — снежинки, словно драгоценные кристаллики, переливаются всеми цветами радуги. Возликовали в такой снежной радости собачьи сердца. Не удержать мохнатых любимцев в домашних стенах, в конурах! К тому же некоторые псыны пригодны для санных упряжек, как у эвенков и найцев.

Заветная поляна встретила весь этот гомонливый, лающий табор не только радушно, она сияла ослепительно — как само солнце!..

Гуля запрягла «сибиряка» Атоса в санки и, заправским каюром погоняя его, проехала по кругу, как бы возвещая открытие спартакиады. Журка хотел было угнаться за ней со своим лохматым дворнягой Пиратом, но свалился с салазок. Юркий, он тут же оседлал «конягу» и всё же увязался за Гутькой. Другие упряжки составились по-дружески: Гельцер потянул санки с Заревной в сопровождении неупряжного ещё Орешка, изредка подбадривающего возок лаем. Чубаров повёз давешнюю Снегурочку — Олю Блохину..

Начались при собачьей «группе поддержки» лыжные гонки... «Каюрша» Куликова определила, что расстояние вокруг поляны около километра. Чтобы не кучковаться, со старта уходили по очереди. Засекать время на секундомере я поручил Блохиной, порывавшейся встать на лыжи. На таком ответственном судейском посту надеялся удержать её, сердечницу, от опасной для неё лыжни. Последним при басовитом Пирате стартовал Журка. Без палок. Лыжики коротюсенькие. И он просто побежал на них — не заскользил. Обогнал Сидора, Щетину, Кузю, Шляхту, Голубеву.. Настиг самого Батанова!..

Заворожённая его бегом, обделённая радостью лыжни, Оля протянула мне секундомер... Такая недетская мольба застыла в её слёзных глазах, что я взял его...

Счастливая, румяная, в радужном ореоле выдыхаемого пара, она встала на лыжи. Ни жёстких, ни мягких креплений на них не было. Сыромятные полоски дужками, чтобы вставить в них лишь носки валенок. Это меня успокоило: с такими «креплениями» шибко не разгонишься и далеко не уедешь. Вот лыжняца засемила, неуклюже переставляя палки... Я с улыбкой посмотрел на эту копушу... Моё внимание отвлекли лидеры гонки: Батанов и Журка. Никто из них не хотел уступать первенство, они даже подставляли палки друг перед дружкой...

Солнце в зените, но точно тень полоснула свет, по моим глазам. Оля, как подранок крыльями, взмахнула палками — и упала недвижно. Я со всех ног бросился к ней, стянул с её варежек лямки от палок, подхватил девочку на руки. Вслушался в её сердечко. Но не услышал его. Ужас охватил меня. Мертвенно-бледная, с закрытыми глазами, Оля как бы враз потяжелела. Бороздя снег, я побрёл с нею на руках по бескрайнему полю... Шёл и шёл, ощущая спиной ледяную стену молчаливо идущих детей... И только у крыльца больницы заметил живой парок из приоткрытого рта девочки, её дыхание коснулось моего мокрого от слёз и пота лица...

Несмотря на каникулы, в школе собрался чрезвычайный педсовет. Школьная врачиха доложила о нестабильном состоянии здоровья ученицы четвёртого класса Ольги Блохиной... Конечно же, я знал всё про Олино здоровье, благо больница находилась неподалёку. Врачи, выводя девочку ко мне, ободряли её и меня: криз миновал, Оленька уже ходит, идёт на поправку. Она же, взяв пакет с фруктами, благодарила, с улыбкой теребила мочки ушей: дескать, уже без серёжек. И виноватилась, что из-за неё на спартакиаде сорвался хоккей.

— Скорей выздоравливай, Снегурка! — как бы приказывал я. — На Камышовом шайбу погоняем. Судить будешь!..

В последний же раз Оля сама меня угостила сдобными маковичками. Оказалось, Саша Шляхтенко напёк и в вазочке, которую выпилил лобзиком и украсил выжиганием, преподнёс. И это — обалдуй Шляхта! Душа человек!..

Места себе не находил, казнил себя — не только за этот грех, но и за предыдущие: Журка, Батанов... Отец с матерью... Почти со слезами умоляла матушка приехать домой на Новый год: семейный же праздник, в кругу семьи надобно отмечать. Чувствовало материнское сердце беду сыновью: «Андрюшенька, в те каникулы не был, в эти не собираешь»

ся... Так и дом родной позабудешь. Смотри, сынок, без дома, без опоры — несдобровать...»

Ради другого «семейного» круга остался: «Не могу же я друзей бросить». А друзья познаются в беде. Тамара в Волновом пропала. Гоша в вечном похмелье маялся: чекушки уже хватало, заглотнёт — и дрыхать завалится. Зинаида, когда я показывался в школе, сторонилась меня: у самой ещё шаткое положение, а Мезенцева многие осуждают. Четверышкой я почти не видел, да и видеть никого не хотел, отшельничал в своей общежитской келье, сочиняя вот эту повесть... Лёд на Камышовом окреп, и теперь озеро неумолчно звенело от коньков и детских голосов. «Мушкетёры» с Заревной два раза приходили. Я их по долготу, настойчивому стуку распознавал. Никто к ним не вышел. Гоша спал, Тамара пионерскую комнату оформляла. Что я детям мог сказать?..

Домой, в родной Уголёк, не уезжал, дабы не сочли за дезертира. Да и педсоветский суд надо мной должен был состояться со дня на день...

И вот педсовет... Нестабильное состояние здоровья ученицы Блохиной! Осуждающий ропот. Тамара не может отдышаться: опоздала, только что из Волнового. Георгий соловело водит кроличьими глазами по сторонам — ему бы сейчас «Жигулёвского» для поправки. Защитников у меня не нашлось. Валентин Витальевич мямлит что-то невразумительное. Зато завучиха разошлась — истая прокурорша:

— Мы должны готовить свои учительские кадры! Варяги, — она махнула рукой сначала в мою сторону, потом на похмельного историка, — нам чужды! Посёлок взбудоражен. Такого возмущения в нашем Агаре ещё не бывало. Несанкционированное мероприятие Андрея Васильевича чуть не привело к смерти нашей ученицы. Школьный коллектив, Андрей Васильевич, единодушно осуждает ваш поступок. А я бы юридически определила его как преступление и привлекла бы Мезенцева к уголовной ответственности. Таким не место в советской школе!

— С единодушием, милочка, вы поторопились! — неожиданно поднялась тихо сидевшая Клавдия Ниловна. — Вы сами без году неделя находитесь в Агаре, а говорите о варягах. Без суда и следствия готовы испортить жизнь молодому человеку. Вы ему слова даже не дали...

— Я вам не милочка! — взвилась завучиха. — И вы не школьный коллектив... Вы... вы... — она едва не захлебнулась, — вы — секретарша!..

Кичливое учительское «дворянство» безмолствовало: да, старушка никогда не была учительницей, всю жизнь про-

возилась с казёнными бумажками... Не защитило и свою, когда эта залётка-прогрессистка доводила до слёз своими придирками и московскими чинодральными методиками Евдокию Ильичичну. И впрямь-де несовременная, по старинке учит, отучительствовала бабуля. Трусливое соглашательство своё учителя оправдывали интересами школы: муж заведующей учебной частью, присланный из краевого центра, — председатель профсоюзного комитета Базы сейнерного флота, а БСФ — шефская организация. Да и учебный процесс в школе давно пора переводить на современные рельсы, чтобы не выглядеть отсталой провинцией. А новая завуч — на острие школьного образовательного прогресса. Особенно выводили из себя «передовицу» поэтические пятиминутки на моих уроках литературы и вопиющее игнорирование обязательных методик по русскому языку. Учиняя мне разнос на педсоветах, она, как пламенным факелом прогресса, размахивала журналом «Русский язык в школе». Этот «РЯШ» неумоимо плодил научные методические достижения: каждая новая методичка напрочь отпинавала предыдущую. Доставала проверками завучиха многих. Урезонить пытался ретивицу директор, а мои пятиминутки называл даже новаторскими и с творческим подходом... Какой-то Мезенцев — новаторнее самой новаторши!..

Даже умудрённые, с двадцатилетним стажем, смиренно признавали свои недоработки и огрехи, обещали исправиться на манер «я больше не буду». И сочилась из этого детсадишного покаяния язвительная желчь...

И Клавдия Ниловна на завучихину «секретаршу», подражывающую холопство, лишь горько усмехнулась и направилась к выходу. Пристыженный своей мужской совестью, следом за старой женщиной, верной соратницей, посеменил директор.

Встал и я. Покаявшийся перед родителями Оли Блохиной, перед всей семьёй, я намеревался просить прощения и у школьного коллектива, но слова покаяния застряли в горле... Шестнадцать пар глаз смотрели на меня... Тамара, Георгий, физрук, трудовик... Казалось, совсем недавно сидели за одним праздничным столом на новоселье у Голубевых — а как будто и не сидели рядом, не чокались дружно. Что уж ожидать от остальных: осуждение, насмешливость, безучастность. Растерянность Тамары. И снисходительность завуча. Неужто что-то стронулось в душе этой женщины?..

— Извините... — как-то неопределённо произнёс я, неловко вытиснулся из-за стола и вышел из учительской.

И было неясно: то ли просил прощения, то ли извинялся, что ушёл так бесцеремонно?..

«Не место в школе!..» И ледяная тишина. Молчание — знак согласия. А где же мне место?.. В Уголёк возвращаться с позором? Идти «сдаваться» в военкомат? Четвёртый так и поймёт, что их Андрей Васильевич сдался, что он — слабак. Хотя теперь вряд ли допустят «преступника» Мезенцева к ученикам...

Так бултыхался я, будто в омутной воронке. И не выдержал. Что-то надо было делать. Следовало произвести хоть какое-то движение. И запихав в рюкзак пожитки, как ночной тать, я перебрался в Жилку, в заброшенную голубевскую халабуду. Да, верно, и права уже не имел занимать школьную жилплощадь.

Нутро халупы точно было забито невидимым льдом. Такого мраза, выражаясь языком протопопа Аввакума, я, тёртый боец-стройотрядовец, не испытывал никогда. Лёдистое крошево на полу хрустело до зубной боли. Тряпё на топчанах сковалось в ледяные корки. Как вовремя, до околень-стужи убрались из этого морозильника Аня с матерью!..

Достал из кармана рюкзака фонарик: кто-то уже помародёрствовал здесь. Стол и табуретки спёрли. От буржучки лишь мятое колено трубы; даже патрон вырван с мясом из электропроводки.

Сбросил с лежанок треснувший наст, поставил их рядом и скукожился на них. Нахлобучил на голову капюшон штормовки и попытался надышать в него тепло. Но оно уходило во все щели. Меня затрусило в мелкой, изнуряющей дрожи. Сияясь унять её, я вертелся на досках, собрав на себя все занозы. На какой-то миг трёпка прекратилась, и в это тихое мгновение мне нестерпимо захотелось забыться в сладостном ямщикском сне... «В той степи глухой замерзал ямщик...» Но затряс такой колотун, будто я был отбойным молотком. Вскочил и начал охаживать себя тумачами, сбивая занозы. Приседал; горбясь, чтобы не проломить головой потолок, пускался в бег на месте, кроша подкованными берцами лёдок. Разгорячился с отчаянной кричалкой:

— Это очень хорошо, что пока мне плохо!..

Пар повалил от меня. Разжарило: баня!.. Истый боец студотряда! От слова «студёный». При такой прыти всю эту конуру развалю... Но прыть затихла. Спину от согбенности ломило. Мельчал бег на месте. А на присядку сил уже не осталось — свалился на «ископыченное» месиво. Присел отдышаться на лежак, глянул с фонариком на часы: полседьмого... Батя с матушкой уже чаёвничают. На работу к восьми, а

выходят загодя. Ни одного опоздания... Зинаида заканчивает уборку в школе. Хоть и каникулы, а старается... Валентин Витальевич совершает обход: всё ли в порядке?.. Запретил Ане помогать матери. Прав или нет?.. Прав или...

Да-а... жди у моря погоды... После ледовитости — сиротская зима. Мягкая, мартовская... Зинаида перепутала жильё, не в школьное идёт, а в Жилку. Что она здесь потеряла? Меня, учителя её дочери Анечки...

— Андрей Васильевич!..

Меня кто-то трогает...

Я не хочу покидать мою тёплую сиротскую зиму с её сладкими грёзами...

— Андрей Васильевич!

Шлепки прошлись по моей спине. Я с трудом разлепляю тяжёлые веки и в «иллюминатор» капюшона штормовки вижу — Зинаиду Викторовну.

Она опускается передо мной на колени — и почему-то плачет.

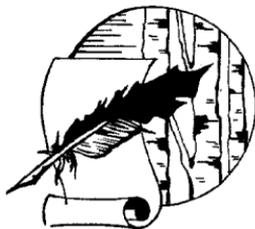
— Простите меня!.. — И почему-то просит прощения.

Сбивчиво, сквозь слёзы что-то говорит... Я с трудом понимаю, что дочка её, Анечка, ничего не ест, не разговаривает с ней, с матерью... что Ниловна добрая, и завуч, и школа...

Брезжит утро в оконце, а дырка на нём от печной трубы — яркая, как солнышко. Сколько же я проспал?.. И Голубева словно из сна явилась. Винится передо мной... За что? Ведь я во всём виноват!.. Зовёт. Куда?..

А вот и провожатые. Заревна с дружком своим.

— Орешек, голос! Голос, Орешек!..

Анатолий ГРЕБНЕВ

РЯБИНОВЫЙ СВЕТ

* * *

Не село, а поселение.
Не народ, а население.
И зовут нас, ну не грустно ли? —
Россияне, не русские.
Деревеньки все повымерли.
Помню каждую по имени.
И от колоса до колоса
Не слышать на поле голоса.
Там весёлые, с игопочки,
Самосевом сосны-ёлочки.
Эх, гармошка красно мехая!
Раньше шло-брело да ехало.
Но опять на те же грабли мы —
И раздеты и ограблены.
И под вздохи наши тяжкие,
Самогонка льётся с бражкой.
И уходит население
В небеса на поселение...

РЯБИНОВЫЙ СВЕТ

Красной рябиновой веткой —
Свет в материнском окне.
Спросит с участием соседка,
Вижу ли маму во сне.

И убеждённо толмачит,
Истовой веры полна:
«Не обижается, значит,
Если не снится она».

Нет утешенья на свете!
Всё на земле — трын-трава.
Что мне пустые приметы,
Странные эти слова!

В сердце бывшее теснится —
В росах, в сиянье, в дыму.
Мама мне больше не снится —
Но почему, почему?..

Сколько ты в жизни стерпела,
Сколько снесла от людей!
Только терпеть и умела
В горькой доле своей.

Всё я теперь понимаю.
Глажу холодный песок.
Ты бы обиделась, мама,
Там на меня хоть разок...

ПО МУРОМСКОЙ ДОРОЖКЕ

Застольная гармошка
Разбудит вдовьи сны:
«По муромской дорожке
Стояли три сосны...»

Душе тоски-печали
Не надо занимать.
И, головой качая,
Поёт, как плачет, мать.

И, раздвигая стены
Во все концы-края,
За песенной изменой
Встаёт беда своя.

Не обручался милый
С красавицей другой,
А с братскою могилой
За Волгою-рекой.

В лишениях да нехватках —
Хоть в омут головой.

Жила всю жизнь несладко
Солдаткою-вдовой.

До краешка могилы
Одна, одна, одна.
И не узнает милый,
Что «клятве ты верна...»

И вот опять гармошка
Разбередила сны:
«По муромской дорожке
Стояли три сосны...»

ДЕРЕВНЕ

В России царствует разруха,
И, к ней привычная давно,
Как Богородица, старуха
Глядит в забытое окно.

В старинных стенах прокопчённых,
Уже давным-давно одна,
Она детей своих учёных
Перебирает имена.

Ты встретишь взглядом лик иконный
И оправдаешься с тоской:
Не прирастает старый корень
На почве новой, городской.

Но ты приехал, не затем ли,
Чтобы понять, как дальше жить?
Хмель так обвил телеантенну,
Как будто хочет задушить...

ФРОНТОВИК

И соседи давно уж не рады —
Снова сдвинулся Ванька, дурит:
Он костёр разжигает в ограде
И кричит: «Севастополь горит!»

Урезонивать Ваньку без толку,
В этот час его лучше не тронь.
В белый свет он палит из двустволки
И орёт: «Батарея, огонь!»

Он крушит, что попало, неистов,
По команде: «В атаку! Вперёд!»
Разобьёт подчистую фашистов,
Севастополь России вернёт...

Успокойся, баньку истопит.
Но, друзей вспоминая, твердит:
«Севастополь родной, Севастополь...
Слышишь, друг, Севастополь горит!»

А ТЫ НЕ ВЕРЬ...

А ты не верь, что стал народ покорным!
Пусть вражьи орды рыскают везде.
Найди опору — родовые корни
И утвердись в родительском гнезде.
Ходи-броди по дедовским опушкам,
Умой в ручье прозревшее чело.
И чтение — Евангелие да Пушкин —
Душе не надо больше ничего.
И как бы нас за горло ни держали —
Найдём свои начала и концы
И всё-таки вернём свою державу,
Как в грозный час спасли её отцы.
Вся школа на линейку встала.
Мгновенно смолк привычный гам.
Навзрыд директор: «Умер Сталин...»
Нас распустили по домам.
Не помню, как я шёл из школы,
Отстав от сверстников своих,
Хоть заводила был и шкода,
Но дома скуксился, притих.
Срядилась мать чуть свет за сеном.
В избе, огромной и пустой,
Казалось мне, я брошен всеми
С такой вселенскою бедой.
На русской печке у кожуха,
Где был мой терем-теремок,
Я плакал горестно и глухо
И горя выплакать не мог.
Как жить, как жить теперь мы станем? —
Душою детской не понять.
Не верил я, что умер Сталин.
А вдруг враги придут опять?

Летят-свистят года-кометы,
Прозреньё позднее дая.
Не стыдно мне за слёзы эти —
Ведь плакал, видно, я не зря.

САМОИНДЕНТИФИКАЦИЯ

Вятским рос ты или пермским,
Брянским иль сибиряком —
При мышлении имперском
Остаёшься русаком.

Но в славянском океане
Потерялся русский след:
Есть в России россияне.
Россияне. Русских нет.
Слово «русский» под запретом.
Не с кем душу отвести!
Русский я.
Я буду — третьим.
Где двоих ещё найти?

* * *

И снова Родина светла
На переломе невеликом.
Уже малина отошла,
Уже поспела ежевика.

Ещё не выкошена рожь,
Но вдруг душа прослышит осень
В неясном шуме сникших сплошь
Тяжёлых, в прозолоть, колосьев.

Ещё чиста за речкой даль
И журавли не откричали.
Ещё покамест не печаль,
А лишь предчувствие печали.

ГАРМОНЬ

Юрию Ивановичу Белову

Я ремень на ней поправлю
И не выроню из рук.
«Все пропью, гармонь оставлю!» —
Запевай, мой старый друг.

Мы грустить с тобой не станем.
Раскатись, как раньше гром:
«Мы гармонь свою растянем,
А чужую разорвем!»
На сто верст, лады, звените!
Отзывайся басу бас.
Делал мастер знаменитый
Ту гармошку на заказ.
Эх, гармонь, — душа гулянки,
Самородная краса, —
Басовиты медны планки,
С приговором голоса!
Ты запела, что есть силы
В эту ночь, что так темна, —
Может быть, на всю Россию
Разъединая-одна!
Так ударь еще напевней,
Выбей слезы из груди.
Опустевшую деревню
Разбуди-разбереди.
Это что такое, братцы, —
Редко где огонь горит,
«Не с кем стало и подраться», —
Друг мне в шутку говорит.
И тоскует, и томится,
На живой стремясь огонь —
Вымирающая птица —
Знаменитая гармонь!

* * *

Владимиру Крупину

Не в те ль времена Святослава
В моем древнерусском краю
Я вижу, как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.
Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по желтому полю,
Которому тысячи лет.
Известно уже мальчугану
Зловещее слово — война.
Отец его — в битве с врагами,
Мать — в поле с темна до темна.

Той давней, но памятной яви
Я, видно, забыть не смогу.
Не я ли тот мальчик, не я ли
В страду к своей маме бегу?
Не я ли тем августом ясным,
Хоть ростом всего с полснопа,
Стараюсь завязывать свясла
И ставить снопы на попа.
Не я ли, у дна на изломе,
Колосья зажав в кулаке,
Уснул в золотистом суслоне,
Как в сказочном том теремке.
И мать, моя мать-Россия —
Солдатка, горюха, вдова —
Над будущим пахарем-сыном
Склонилась в слезах у жнитва.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Не о том ли всю ночь, безутешен,
Бьётся ветер и плачет навзрыд,
Что Есенин убит и повешен.
И повешенным в землю зарыт.

Сатанинские тёмные силы,
Превращая в пустыню страну,
Знали: в лучшем поэте России
Убивают Россию саму!

Стал для русского в счастье и в горе
Всех дороже мятежный певец.
До сих пор у России на горле
От петли не проходит рубец.

* * *

Куда тебя не заносило!
Но вновь домой тебя несла
Центростремительная сила
Полузабытого села.
И вёл тебя с путей окольных
Под сень родных надёжных мест
На свет высокой колокольни
Надетый здесь нательный крест.

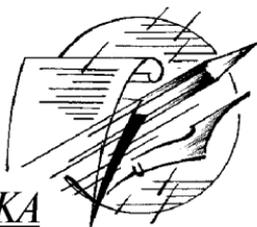
Любовь ли первая манила,
Что и поныне дорога?
И материнская могила,
И те заветные луга,
И корабельный бор, и поле,
Где ходуном ходила рожь?
Неужто снова в Чистополье
Ты старой улицей идёшь?
Идёшь ты весел, да не очень —
Печаль верёвочкой завей!
Давно забиты тёмсом очи
Избы родительской твоей.
Но ты взгляни: на том же месте
(Скажи теперь, что чуда нет)
Изба сияет, как невеста,
В очах живой зажётся свет!
За это явленное чудо —
Смотрю в слезах из-под руки —
Спасибо вам, родные люди,
Земной поклон вам, земляки!
В избе вовсю кипит застолье,
Народ справляет торжество —
Не Богородской ли престолье,
Иванов день иль Рождество?
Мне всё равно — признаюсь честно!
Ведь полыхнул в душе огонь.
Народ давно созрел для песни.
Ну, где ты, матушка-гармонь?
Гармонь в душе бывшее будит,
И снова вера ожила.
Россия есть — Россия будет,
Вовеки будет, как была.

г. Пермь

ИМПЕРИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Для России и русского народа империя представляет традиционную форму государственности. Однако в сознании большинства «россиян» термин «империя» воспринимается с ярко выраженным отрицательным оттенком, что является следствием господствующих в нашем обществе на протяжении нескольких десятилетий определённых идеологических установок. При этом империя обычно отождествляется либо с большой по своим территориальным владениям державой (между тем не всякая держава является империей, хотя, бывает, и претендует, стремится именоваться таковой); либо с особым типом государственных образований, стремящихся к максимальному расширению своих территорий (территориальная экспансия) вкуче с нещадной эксплуатацией «порабощённых» народов, т.е. с державами колониальными, часто для поднятия своего статуса именующими сами себя «империями».

В реальности дело обстоит совсем иначе. Империя являет собой особый тип государственных образований, в котором преобладает идея единства общества во имя всеобщего блага. Здесь

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мирно сосуществуют различные по культуре и обычаям этносы, уживающиеся под патронажем и надзором стержневого имперского этноса, сохраняя при этом свой традиционный образ жизни, экономические структуры и систему местного самоуправления.

Исследование феномена «империи» очень важно в настоящее время в свете определения перспектив и вектора дальнейшего развития Русского мира, российского общества и государственности. Ибо, как показывает история, судьба империи неотделима от судьбы стержневого имперского этноса, т.е. русского народа. И в этом смысле, империя не только традиция, но и судьба России.

Разговор о сущности имперской государственности (по своей сути, полиэтничной и поликультурной) стоит начать с краткого обзора различных форм и типов государственных образований, в которых особым образом выстраивалась и реализовывалась внутренняя межнациональная политика. Ведь подавляющее большинство государств в мировой истории — государства полиэтничные, а не мононациональные.

Исторически можно выделить четыре формы и типа государственных образований: традиционное общество, национальное государство, империя, химера.

Традиционное общество (традиционное государство) представляет собой особый тип государственных образований, где власть принадлежит преобладающей этнической, религиозной, клановой группировке. Это может быть как мононациональное, так и многонациональное (полиэтническое) государство. Отличительной чертой традиционного общества является *трайболизм*.

Трайболизм: 1) политика предоставления привилегий представителям господствующей группировки в ущерб интересам остальных групп населения; 2) стремление к политическому обособлению на основе родственного, кланового деления.

Общественная жизнь в таком государстве формируется скорее традицией, нежели носителем власти, кланом, элитой. Подобный тип государств и организации общественной жизни человечества характерен для большинства народов и обществ, в том числе и западноевропейских (до появления национальных государств). При таких типах государств часто наблюдается *этнократия*.

Этнократия — формирование власти на основе этнических принципов. Близко к понятию «трайболизм».

Национальное государство — феномен исключительно западного мира Нового и Новейшего времени.

Понятие «нации» в западной традиции толкования феномена нации в принципе неотделимо от понятия «национальное государство» («nation state»). Нацией в национальном государстве называли совокупность подданных (монархии) или граждан (республики) данного государства. Этнические интересы в подобных государственных образованиях отодвигались на задний план, а преобладали интересы государства, в которое эти этносы входили. Знаменательно, что слово «nation» имеет два смысла — «нации» и «государства».

Основными признаками западноевропейской нации являются наличие единой культуры, национального самосознания и государственности или стремления к обретению таковой. Национальность человека определяется не его этнической, а исключительно государственно-правовой принадлежностью.

Национальное самосознание, иначе говоря, способность сознать себя членом национального коллектива, является определяющим признаком нации. Возникает оно в Новое время, когда рушатся привычные формы общности людей (кланы, цеха, общины) корпоративного характера, человек остаётся один на один с быстро изменяющимся миром и выбирает новую надклассовую общность — нацию. Возникают же нации вследствие проведения политики, ориентированной на совпадение этно-культурных и государственных границ. Политическое движение самоутверждения народов с общим языком и культурой в качестве единого целого есть *национализм*. Национализм может быть *объединительным* (национальные движения в Германии и Италии XIX века) и *разъединительным* (национальные движения в Австро-Венгрии XIX — XX веков).

Образование национальных государств явилось важнейшим условием начала процесса модернизации. Особый тип западноевропейской цивилизации (цивилизации индустриальной), созданный в ходе этого процесса, имеет определённый наднациональный смысл. Национализм в национальных государствах приобретает часто шовинистический оттенок. Происходит ассимиляция этно-культурных меньшинств в ходе культурной агрессии преобладающей нации.

По В.Л. Махначу, смена традиционного общества или империи национальными государствами есть смена «государств, в которых нациями признавались этносы, на государства, где этносы согнули в бараний рог и превратили в членов одной нации».

Империя (от лат. «imperiū» — имеющий власть, могущественный) являет собой особый тип полиэтничных и поли-

культурных государственных образований, в основе существования которого лежит универсальная идея единства общества во имя всеобщего блага (*имперская идея*).

Следует отметить, что в сознании большинства «россиян» термин «империя» воспринимается с ярко выраженным отрицательным оттенком, что является следствием господствующих в нашем обществе на протяжении нескольких десятилетий определённых идеологических установок. При этом империя обычно отождествляется с большой по своим территориальным владениям *державой*, либо с особым типом государственных образований, стремящихся к максимальному расширению своих территорий (территориальная экспансия) вкупе с нещадной эксплуатацией «порабощённых» народов. В реальности дело обстоит совсем иначе.

Не всякая держава является империей, хотя, бывает, и претендует, стремится именоваться таковой. Например, не являлись империями ни державы Александра Македонского, Тамерлана, Наполеона, ни Великобритания, Испания, Голландия, Франция, Япония.

Империи ни в коем разе не следует путать и отождествлять с колониальными державами, хотя многие из них часто и называют себя таковыми. Колониальные державы (классическими примерами которых являются Карфаген, держава инков, Великобритания, Франция, Португалия, Япония), используя силу, выступают в роли паразитов, богатеющих и развивающихся за счёт грабежа колоний и эксплуатации населяющих их народов. В основе колониального владычества лежит идея обогащения одного народа, общества, государства за счет других — колонизируемых. Идея же империи (*имперская идея*) — это идея симфонии, мирного сосуществования различных национальных культур и этносов под управлением имперского стержневого этноса во имя общего благополучия.

Империя — довольно редкий феномен мировой истории. Создать империю может не каждый народ. Классическими империями являются Персидская, Римская, Византийская, Российская империи.

Истории известны множество примеров, когда державы в своём историческом развитии имели все шансы стать империями, обладали рядом присущих империям характеристик, себя таковыми именовали, но по разным причинам ими не стали. Такие государства именуются *протоимпериями*. К протоимпериям относятся: Ассирийская держава, Китайская «империя», Священная Римская империя, Протоимперия Чингисхана, Османская Порты, «Империя» Великих Моголов, Германская империя.

Почему эти государства не смогли стать империями? Причины здесь различны. Причинами, не позволившими Ассирии стать имперским государством, являются: отсутствие имперского стереотипа поведения у державообразующего этноса, чрезмерная жестокость в отношении вошедших в состав державы народов. Эти обстоятельства полностью свели на нет успехи в формировании общеимперской знати и системы взаимоотношений с входящими в состав державы землями.

В Китае наблюдалась совершенная терпимость к представителям других этносов, но при этом полная нетерпимость к представителям других культур. Поэтому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество не китайцев, их активно адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в результате не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали китайцев природных вполне своими. Поэтому Китай — страна, обладавшая и создававшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики.

Священная Римская империя сперва развивалась в сторону превращения данного государственного образования в полноценную империю. Однако имперский стержневой этнос в XIX веке отказался от бремени созидания империи, начав движение в сторону создания «национального государства», что в скором времени и привело к исчезновению данного государства.

Протоимперия Чингисхана имела все шансы стать полноценной империей, но в силу внутренних неурядиц и исторических причин не сложилась, распавшись на ряд осколков, значительная часть которых впоследствии вошла в состав Российской империи.

Причина неудачи построения имперского государства Великих Моголов основывается на крайней непоследовательности действий правительства Аурангзеба во внутренней политике в отношении своих подданных индуистов, внутренняя нестабильность, борьба за власть в высших кругах державы, а также активное вмешательство во внутренние дела Британской Ост-Индской компании. В результате произошёл распад державы и захват её территории английскими колонизаторами.

Османская Порта, начав складываться как имперское государство (формируя общеимперскую элиту из янычар (го-

сударственных военных рабов), первоначально терпимо относясь к религии, культуре, государственности народов, входящих в состав державы, в отсутствие имперской идеи проявляла крайнюю непоследовательность в осуществлении внутренней религиозной, национальной и культурной политики. Впоследствии под влиянием западных веяний, турки отказались от необходимого для создания империи имперского стереотипа поведения, взяв курс на превращение Турции в «национальное государство» по западноевропейскому типу. Что неминуемо привело к геноциду ряда входящих в державу этносов, подъему национально-освободительной борьбы, распаду державы.

Германская империя за крайне недолгий срок своего существования не смогла полноценно реализовать заявку на наследие Священной Римской империи. Как отметил В.Л. Махнач: «Очень старалась соответствовать своему названию, но была державой националистического, а не имперского характера. Населённая почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя».

Возвращаясь к рассмотрению характерных особенностей имперской государственности, следует отметить, что характеристикой империи не является и стремление к «постоянной» пространственной экспансии. Экспансионистская политика (территориальная, политическая, экономическая или другая) в определённые этапы исторического развития в одинаковой мере характеризует как империи, так и большую часть государств мира не имперского типа (например, США), и она, как и в случае с государствами «не империями», бывает возможна лишь в случае наличия у стержневого имперского этноса (или у этноса, создающего державу в государствах не имперского типа) достаточного уровня пассионарности, а также благоприятных внешнеполитических и внутривнутриполитических условий. Когда этого нет, наблюдается стремление к удержанию, сохранению достигнутых величин.

В силу универсального характера имперской идеи, любую империю в отличие от национальных государств нельзя охарактеризовать и как «тюрьму народов», в которой наблюдается нещадная эксплуатация «покорённых» народов. Любые такие высказывания есть «идеологемы» и плод политической мифологии. В этом ключе вполне обоснованно возражение В. Кожина клеветникам Российской империи: «И если уж называть Россию «тюрьмой народов», то, в точном соответствии с логикой, следует называть основные страны Запада не иначе как «кладбищами народов»».

Империю не всегда характеризует монархическая форма осуществления государственной власти. Римская империя зародилась в республиканский период её истории. Характерными чертами империи являются: наличие имперского стержневого этноса с особым стереотипом поведения, имперской элиты, особой структуры взаимоотношений между метрополией и провинцией, а также между входящими в империю этносами.

С точки зрения долговременной стратегии благополучия входящих в неё национальных меньшинств, империя представляет собой оптимальный тип держав, объединяющих под надзором и патронажем стержневого имперского этноса различные по культуре и обычаям этносы, сохраняющие свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления.

И.Л. Солоневич писал: «Империя — это мир. Внутренний национальный мир. Территория Рима до империи была наполнена войной всех против всех. Территория Германии до Бисмарка была наполнена феодальными междунемецкими войнами. На территории Империи Российской были прекращены всякие межнациональные войны, и все народы могли жить и работать в любом её конце».

Имперский стержневой этнос — нация, несущая бремя созидания империи, судьба которой неразрывно связана с судьбой империи. Завершение процесса этногенеза имперского стержневого этноса или его отказ от выполнения взятых на себя функций и стереотипа поведения (Турция) влечёт за собой распад империи.

Необходимым условием создания империи следует считать наличие у стержневого имперского этноса определённого стереотипа поведения. Существенными чертами его являются способность уживаться с другими этносами, перенимать у них определённые навыки, родниться с их представителями, при этом неукоснительно соблюдая взятые на себя обязательства по охране и защите дружественных этносов от внешних угроз. Наличие его не может не вызывать уважения. Бремя созидания империи почётно, хотя и тяжело.

Основополагающими принципами проведения имперской политики (сформулированные Чингисханом, но применявшиеся еще римлянами) являются два принципа: 1) никогда не предавать союзника; 2) никогда не щадить предателя. Это принципиальное отличие от принципа прагматизма («ничего личного, только — бизнес»), лежащего в основе создания ряда колониальных держав (от Карфагена, до современных Великобритании и США), наиболее четко воплощенного в

доктрине Пальмерстона—Черчиля: «У политика нет друзей и нет врагов, а есть интересы, в соответствии с которыми есть противники и союзники, которые могут меняться местами, — интересы остаются неизблемыми».

Как отметил современный публицист С.Н. Марочкин: «Империи нужны друзья и союзники имперского этноса, колониальной державе — холопы-илоты, колонистам — жизненное пространство и природные ресурсы, очищенные от аборигенов».

Для колониальных держав в целом характерно высокомерное отношение со стороны представителей нации-колонизаторов по отношению к представителям иных народов, живущих в её колониях. Особенно это хорошо заметно в работах самого известного певца британской колониальной системы — Редьярда Киплинга.

В частности, он писал: «Англия смогла захватить власть над заморскими территориями благодаря «особому благоволению Господа», а платой за его милость стала пролитая английская кровь». Интересны и его размышления о бремени «белого человека»:

*Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу
Тёмным сынам земли.
На каторжную работу —
Нету ее лютей, —
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей.*

Или о системе колониального управления:

*Солдаты, несите в колонии
Любовь на мирном штыке.
Азбуку в левом кармане,
Винтовку в правой руке.
А если черная сволочь
Не примет наших забот,
Их быстро разагитирует
Учитель наш, пулемет.*

Как англосаксы, создатели первых в мировой истории концлагерей, несли это «бремя белых» и какими методами они пользовались, чтобы удержать колонии в своем подчинении, как они относились к населению колоний, хорошо

знал и восхищался ими, беря их за образец-стандарт управления, А. Гитлер: «Посмотрите на англичан, которые при помощи 250 тысяч человек, из которых вооружённые силы составляют около 50 тысяч, управляют 400 миллионами индийцев...» Подобное отношение к своим согражданам было немыслимо в империях.

Для внутренней политики империи характерно поощрение браков между представителями знати стержневого имперского этноса и знати других этносов, входящих в империю, с целью образования единой общеимперской знати (элиты), цементирующей единство империи.

Имперская элита — формируемая имперским правительством имперская аристократия, включающая в себя аристократию стержневого имперского этноса, а также представителей аристократии других этносов, входящих в империю. Князь П.И. Багратион, В.И. Даль, К.Г. Маннергейм — все они представители русской имперской знати. Точно так же, как царица Египта Клеопатра — представительница Римской имперской аристократии.

Особая структура взаимоотношений между метрополией (центром социально-политической, экономической и культурной жизни) и *провинцией* внутри империи заключалась, прежде всего, в том, что вошедшие (добровольно или недобровольно) в состав империи этносы сохраняли свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления, а подчас и государственность. Имперские правительства никогда не проводили политику ассимиляции вошедших в империю народов, способствуя сохранению их этнокультурного и религиозного своеобразия. При этом вхождение или присоединение тех или иных территорий в состав империй часто знаменовало приток инвестиций в регион, а также развитие экономической жизнедеятельности. Они реально становились и ощущали себя частью целого имперского организма, а не колонией.

Империи как особые формы государственного устройства сочетали в себе элементы унитарного и федеративного устройства, при котором вошедшие в состав её земли часто сохраняли свою государственность. Например, в Российской империи, наряду с территориальными единицами, подчиняющимися центральному органам власти и не обладающими признаками государственного суверенитета, существовали провинции, признаками государственного суверенитета обладающие (Касимовское царство). Понятное дело, что такая политика способствовала популяризации и обеспечивала верность имперской идеи в среде входящих в империю наро-

дов. Примером подобного рода верности являются малоазийские полисы в составе державы Ахеменидов, активно и бескомпромиссно сражавшиеся за Персидскую империю с войсками «пришедшего их освободить» Александра Македонского. А также действия казанских татар, принявших активное участие в освобождении Москвы от поляков в составе народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского.

Имперский стержневой этнос, воплощая в жизнь идею отказа от национального эгоизма, во имя интересов всеобщего целого, реализуя принцип «разделяй и властвуй», выступал арбитром в межнациональных конфликтах внутри империи, защитником национальных меньшинств перед лицом более крупных этносов, входящих в империю (по формуле В.Л. Махнача: «малый» с «большим» против «среднего»). Например, русские при освоении Сибири, фактически, спасли эвенков (тунгусов) от истребления их якутами, более крупным этносом, точно так же, как способствовали установлению мира между кавказскими, а также другими народами империи. Именно поэтому действия России по «принуждению к миру» режима Саакашвили были так естественно-одобрительно восприняты в «незападном» мире, как возвращение её к традиционной имперской политике защиты «малых» народов (осетин и абхазов) от притеснения их народами «средними», более крупными (грузинами). В этом и заключается ещё одна характеристика империи — особая система взаимоотношений между входящими в империю этносами.

Крайне удачным для обозначения последнего типа государственных образований, в которых особым образом осуществляется внутренняя национальная политика, является термин «*химера*», который использовался Л.Н. Гумилёвым для обозначения ложной этнической общности, искусственно сконструированной, благодаря культурному или политическому вторжению в процесс этногенеза человеческого фактора, в силу чего некоторое время (крайне недолгий срок) наблюдается сосуществование «двух и более чуждых суперэтнически этносов в одной экологической нише».

Иными словами речь идёт о попытке искусственного создания нового этноса, а вернее «антиэтноса». Примерами таких действий является осуществление Александром Македонским активной политики заключения браков между македонянами и представителями включённых в состав его державы народов, с тем, чтобы впоследствии дети от огромного количества заключённых межэтнических браков цементировали устройство его державы, преодолевая межэтнические и культурные традиции. Как показывает история, по-

пытка Александра окончилась неудачей, но на протяжении мировой истории имело место много примеров возникновение и попыток искусственного конструирования химер. Например, в XX веке в СССР и третьем рейхе, где искусственно создавались такие общности как «советский народ» и «истинные арийцы».

Химеры в силу своей природы недолговечны. Они возникают не в ходе исторического процесса, не естественным путём, а искусственно конструируются идеологами и навязываются населению государств, горделиво берущих на себя роль творцов новой «исторической общности», посягая на замену Промысла Божия в человеческой истории мудрованием повреждённого грехом человеческого разума. Характерным моментом здесь, однако, является и то, что обычно в подобного рода государствах господствует тот или иной химероидный (тоталитарный или либерально-демократический) политико-правовой режим.

Национальное своеобразие входящих в химеры этносов игнорируется, общественная жизнь выстраивается в интересах навязываемой ложной целостности населения государства. Национализм клеймится как шовинизм и нацизм (СССР) или подменяется нацизмом (третий рейх).

«Возникая на рубеже двух-трёх оригинальных суперэтносов, химера противопоставляет себя им всем, отрицая любые традиции и заменяя их постоянство обновляемой «новизной»... Следовательно, у химеры нет отечества. Это делает химеру восприимчивой к негативному мироощущению, хотя бы исходные этносы и не имели отрицательного отношения к природе. Поэтому химеры — питательная среда для возникновения антисистем». Под *этнической антисистемой* Л.Н. Гумилёв понимал — «системную целостность людей с негативным мироощущением». Химера «высасывает пассионарность из окружающей среды, как упырь, останавливая пульс этногенеза». Химера в отличие от этноса не способна развиваться и, поэтому — недолговечна. Одновременно она крайне агрессивна и резистентна. «Абсорбируя пассионарность от соседних маргинальных этносов и не будучи связана традиционными стереотипами поведения, представлениями о хорошем и плохом, честном и преступном, красивом и безобразном, химеры весьма лабильны, в том смысле, что способны применяться к меняющейся обстановке без затрат на преодоление внутренней традиции, составляющей основу оригинальных этносов».

Обращаясь к современной российской действительности, следует подчеркнуть, что российское государство по ходу сво-

его развития побывало в трёх из четырёх рассмотренных нами формах. В период своего становления (до фактического провозглашения империи Иваном III (Москва — III Рим)), ещё как протоимперия, это было типичное «традиционное общество». Затем — до 1917 года, это была империя. С 1917 по 1991 год — химера. В постсоветский период активно предпринимаются попытки создать из Российской Федерации некое псевдонациональное государство по западноевропейскому образцу, что крайне опасно и может привести к созданию очередной химеры или крайне неблагоприятным последствиям.

Весьма специфическим обстоятельством в этом ключе является то, что конституцию Российской Федерации писали, имея перед собой в качестве образцов «цивилизованного» и «правового государства» конституции стран западного мира, а потому она несёт на себе печать существенных особенностей, присущих псевдонациональным государствам. В преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 года сказано: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» Однако, с точки зрения здравого смысла, это есть «химера» в смысле Л.Н. Гумилёва. Граждане РФ должны всячески противодействовать попыткам различных политических сил воплотить в жизнь в РФ концепцию «nation state», сконструировав, например, новую нацию — «россиян» (в западном понимании этого термина) или насильно заставить всех признать себя «русскими».

Попытки сконструировать концепцию «национального государства» для России неправомерны хотя бы потому, что около 30 процентов населения РФ нерусские, и они, скорее всего, не согласятся на утрату собственного этнического самосознания, но ещё способны связывать свою судьбу с судьбою России, в которой русские признаны стержневым этносом, создающим и формирующим империю.

Надо учитывать, что вся история России и русского народа неразрывно связана с понятием империи. Без преувеличения можно сказать, что империя — это судьба России, а трудное, но почётное бремя её созидания — историческая миссия русского народа. Насколько она будет успешна — сказать невозможно: русские в своём этногенезе ещё не вышли из стадии надлома. Следует помнить, что эту стадию этногенеза преодолевали не все народы.

У народов Российской Империи по ходу исторического развития, как и у русского народа, также был выработан имперский стереотип поведения. У нерусских народов наличествовала как любовь к своей этнической общности, так и преданность империи.

В настоящее время имперский стереотип поведения наций, входящих в состав исторической России, ослаблен или даже утрачен. Если будущее русской государственности должно быть связано с империей, что вполне естественно и закономерно, то имперский стереотип поведения должен быть восстановлен. Его восстановление мы связываем с возвращением большинства представителей русской нации к Православию, что выведет Россию из состояния экономического, политического и нравственного кризиса. У нерусских народов имперский стереотип поведения будет выработан усилиями русских в случае, если они будут выполнять свои обязательства перед инородцами, а с их стороны не будет агрессивного, шовинистического неприятия лидирующей роли русских.

Религиозное самосознание является основой любого самосознания, в том числе и национального. Вне религии не может быть никакого национализма, как и никакой этики и морали. У народов, находящихся на низкой степени развития культуры, самосознание выражается в инстинктивном неприятии чужого с враждебным отношением к нему. У культурных народов оно допускает ассимиляцию некоторых навыков и обычаев у других народов.

Русское национальное самосознание, неразрывно связанное с Православием, органично приемлет идею создания империи. Сформулированная в XV веке концепция Третьего Рима («Два Рима падоша, третий стоит, а четвёртому не быти») представляет собой концепцию восприемницы Римской (Византийской) империи — защитницы вселенского Православия. Установка на создание империи была привнесена на Русь вселенской Православной Церковью. Православие пустило глубокие корни в душу нашего народа, и это слияние Православия и национального самосознания русских было так сильно, что слово «русский» воспринималось как синоним слова «православный».

Русское общество обнаружило внутреннюю дисгармонию с момента утраты определённой степени напряжённости религиозного чувства у образованных слоёв русского народа, который мы связываем с деятельностью Петра I. Духовный кризис русского общества развивался на протяжении XVIII и XIX столетий и привёл в начале XX века к власти богоборческие силы, а в настоящее время продолжается и обуславливает наличие экономического, политического, нравственного кризисов русского народа.

Выход русского народа из духовного кризиса — в возрождении Православия в России. Необходимым условием явля-

ется преодоление нестроений и обретение единства в рядах Русской Православной Церкви. Русская Православная Церковь должна участвовать в политической жизни русского общества, взаимодействовать с властью и проводить политику, направленную на духовное возрождение русского народа и восстановление традиционной государственности в России.

Как отмечал И.А. Ильин: «Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным Массивом и не будет им. Она была и будет империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации, и в то же время — органического и духовного единения».

Трудно говорить, в каких границах может и должно обрести себя новое русское государство. Естественным является стремление народа к снятию искусственных границ и восстановлению территориальной целостности Исторической России под крылом единого государства. Конечно же, отнюдь не обязательно в границах Российской империи или СССР: некоторые народы или государства могут не захотеть сделать этот шаг. Как говорится, вольному воля.

Но насильственно прерванный исторический тип развития русской государственности, который представлен Российской Империей, должен подлежать восстановлению, и будущее русского народа, осуществление его чаяний и стремлений наилучшим образом обеспечит именно Империя. Не только русский, но и большинство народов мира верят и желают того, чтобы это случилось. Разрушить Карфаген смог только Рим. Мы же есть — Третий Рим.

РАСКАЗЫ

ПРЫЖОК С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Когда закрыли маслозавод, Семён с Потапенкой слегка подрастерялись, но не настолько, чтобы замечать икру, полагая легкомысленно, что уж кому-кому, а им, тридцатилетним слесарям и дизелистам, применение в совхозе всё-таки найдётся. Но и совхоз к весне распался...

Месяц вынужденного отдыха — ещё куда ни шло, два — непозволительная роскошь, на третий — в пору волком взвыть. И ведь что интересно! Пользуйся, казалось бы, нечаянной свободой — дома дел невпроворот, ан нет, не спорится работа, и дома не сидится. С гнётом-то на сердце! Отчаяние и стыд перед семьёй срывают с места, с утра спешешь с надеждой хоть за что-то зацепиться. Вот и получается, что самый занятой народ — это безработный.

Весной прошёл слушок — в посёлке, час езды на мотоцикле, начали строительство кирпичного завода. Мужики — туда, Семён с Потапенкой вдогонку. Завод действительно затеяли, уже смонтировали

ПРОЗА

корпус, но в спешке и неразберихе, понадеясь на авось, слепили на глазок да кое-как, что-то там в расчётах напортачили. Заморозили строительство...

С одним из поселковых воротил сговорились вылить фундамент под коттедж. Чтобы не терять время на дорогу, вселились в воротилину времянку на участке. Но только закатали рукава, явилась делегация из трёх патриотически настроенных посредников, объяснила, что в посёлке все подряды распределены заранее. Не грубо, можно сказать, вежливо, сочувственно предложила чужакам взять самоотвод. Взяли, некуда деваться...

Прошли все организации, да отовсюду, как в насмешку, их выпроваживали с носом. Взрывом обернулся визит в УЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство. Начальник управления, пожилой шутник, предложил пойти уборщиками улиц. Это им-то, слесарям и дизелистам, тридцатилетним здоровилам! С мётлами податься! Потапенко сбледнел от возмущения и послал начальника в одно не очень респектабельное место. И вышел, хлопнув дверью. Семён призадержался, смущённо извинился, на что начальник отмахнулся: ведь он хотел как лучше, ничего зазорного в любой работе нет — у него, если хотите, в дворниках сегодня заслуженный художник-живописец, кандидат сельскохозяйственных наук и бывший председатель сельсовета...

Потапенко аж трясся на ходу.

— Ещё день-два, — стонал, сжимая пальцы в кулаки, — и... это, бомбану кого-нибудь из воротил. И рука не дрогнет! Семён замедлил шаг.

— И долго думал, бомбардир?

— А что ещё-то остаётся? У тебя хоть Шура что-то в дом приносит, а у меня и Польша без работы, с ребятнёй сидит. А им в школу осенью. Думай, как одеть-обуть. Пачку папирос не на что купить. Скандалы каждый вечер. Это, выйду на дорогу с кистенём, у меня не заржавеет! — Посопел и усмехнулся, глянул сверху на Семёна. — Ладно, не пугайся, крыша пока не поехала. Насчёт бомбёжки я, конечно, пошутил. С кистенями в наше время на дорогу не выходят, а на «калашникова» нам и вдвоём не наскрести.

Пошутить-то он, понятно, пошутил, да по нешуточной тоске в его глазах Семён твёрдо уяснил: если на неделе никакой работы им не подвернётся, Потапенко созреет для любого дела. Не отговоришь.

Остановились у щита для объявлений. И сразу бросилось в глаза: «Райвоенкомат проводит отбор на контрактную службу в зоны чрезвычайного положения».

Семён уставился на друга.

— Ты что? — не понял тот.

— Зайдём, узнаем, что почём?

— Ты... это, выдумал, ей-богу! — Потапенко струхнул.

Худо было Семёну. Хуже не бывает. И причина не в похмелье, хотя вчера с Потапенкой хорошо контракт обмыли. Подписали всё-таки спустя почти два месяца!.. Похмелье что? — пустяк, в привычку. Плохо оттого, что главное — объяснение с Шурой по поводу контракта — впереди. Не знаешь, как и подступиться. Что с Потапенкой они подписали что-то и не сегодня-завтра отправятся куда-то на «большие деньги», она уразумела, но что и с кем подписали, куда уедут и надолго ли — вчера он натемнил, напустил туману. Шура сгоряча не разобралась, но ведь успокоится и спросит.

Лучше бы открыться — всё-таки в Чечню, не на курорт, но всё может разбиться о преграду женской истерики. И что тогда? Опять, высунув язык, мотаться по посёлку? Сил уже не хватает.

Держась за ноющую поясницу, Семён с трудом распрямился, уткнул тяпку в землю...

На соседнем огороде через узкий переулок в оранжевом купальнике орудовала тяпкой Потапенко Полинка. Чуть сзади, с тяпкой в длинных и худых, как черенки, руках гнул спину двухметроворостый Потапенко Егор. Там и сям на огородах белели спины склонённых мужиков.

«Это ж сколько нас, ненужных? Летом, в самую страду, столько мужиков с тяпками горбатится!» — Семён отёр испарину с лица и запрокинул голову: выплывшая из-за горизонта дымчатая тучка зацепилась краешком за гребень заречной горы...

— Что посматриваешь? Жарко? — заметила жена его движение.

— Душно, Шура. Искупаться б!

— Перед грозой, видать, парит. Надо поспешать! — объяснила Шура и заторопилась. — Тяпай, тяпай, не вздыхай. Ходи, Сёма, веселей! Вздыхать-то вчера надо было, когда первую рюмашку с Егором поднимал. Вот походи на солнцепёке, узнаешь, как она, картошка, достаётся!

— А то я, Шур, не знаю — не в деревне вырос!

— Ты, Сёмочка, не зна-аешь! Знал, так подзабыл. На заводе работал, некогда было помочь, в безработных оказался — опять руки не доходят. Первый раз и вышел. А я всё сама. Посадить — сама, ладно, этот год Витька помогнул, ведра к луночкам подтаскивал... Прополоть — сама, окучи-

вать — сама. За нею, за картошкой-то, ухаживать, оказывается, нужно... Теперь вот и копать одной придётся. Всё сама, сама, сама! С работы прибежала, кусок в зубы и айда. Думаешь, легко?

— Думаю — не думаю... Витька у нас где? — Семён вспомнил о сынишке.

— Где он может быть? Купается. С утра до вечера в воде. Ты бы поругался... Хотя, до сына ли тебе? Ты в мыслях уже там... Мечтаешь, как смотаешься!

— Ни о чём я не мечтаю, — поморщился Семён. — Ладно, Шур, пилить!

— Ладно, видите ль, ему! Ничего не ладно. Я ещё не начинала, — распаялась Шура. — У других мужья, посмотришь, — тоже, между прочим, сокращённые — устраиваются где-то, что-то да находят, жён не надрывают, семьи не бросают. А вы с Потапенкой намылились... Да был бы, Сёма, толк, а то ведь толку, чую... Тьфу! Дома на заводе денег не видал, а там, куда уедешь, и вовсе не увидишь. А впрочем, поезжай! Катись на все четыре стороны, удерживать не стану, что ты есть, что нет тебя. Каб не Витька, так давно бы!.. — Шура осеклась и, мельком взглянув на буреющую с края тучку, вновь пошла в наклоне по меже.

— Чего — давно б? — прищурился Семён. — Ушла бы, что ли, а?

— Дудки, Сёма! Не на ту напал. Сам бы глаза скрыл, если б захотела.

Семён расхохотался.

— Ты, Шура, перегрелась. Отдохни. Я тоже съезжу, искупаюсь, а то немоготу... Егор! — окликнул он Потапенку. — Заводи свой мотик, съездим на протоку, освежимся!

Потапенко Поинка в замедленном расклоне погрозила тяткой.

Лет пять тому назад, чтобы срезать крюк на ферму, протоку задавили насыпью с поперёк проложенной трубой. Летом вода скатывалась в речку, и закупоренные илом концы трубы торчали с двух сторон дороги. С них-то и ныряла детвора.

— Витя, хватит, накупался. Посинел весь, как цыплёнок! — приказал Семён сыну, но проследил, как тот с оглядкой прошёл к краешку трубы, сложил ладони лодочкой и прыгнул, взбив столб грязных брызг. Довольный, выскочил на берег, дрожа от холода, подобрал велосипед и подошёл к отцу.

— Езжай, сынка, домой — дождик вот-вот брызнет. Да мамке помоги там!

Тучка постепенно принимала очертания нависшего над гребнем реликтового ящера, отбрасывающего тень на лысый склон горы...

— Ну, как спалось сегодня? — любопытствовал Потапенко.

Семён пожал плечами.

— Сегодня, как ни странно, крепко. Едва Шура утром раскачала.

— Нервы у тебя! А меня и водка не сморила. Я, признаться, так и не заснул. Раздумался чего-то...

— Теперь чего раздумывать? Назад ходу нет. Теперь вперёд и с песней!

— Раздумался и... это, — гнул своё Потапенко, расковыривая пяткой углубление в земле.

Семён насторожился:

— Ну, ну, раздумался, и что? Ты договаривай, не мямли.

— Боюсь чего-то я, Семён. Сомнения какие-то. Предчутья нехорошие. Погорячились мы с тобой. Я чего подумал ночью? У меня же шурин в области... Это, Полькин брат-то. Магазинчик у него, шмотками торгует. Из Турции привозит. Сам туда-сюда курсирует, а баба продавцом. Вроде, получается у них. Съезжу, посоветуюсь... Может, что подскажут. Чем, может, пригожусь. Что на это скажешь?

— Что тебе сказать? — помрачнел Семён. — Предчутья у него! Пословица недаром, видно, молвится: ближняя копейка дороже дальнего рубля... Шурин челноком, а ты, значит, подчелночником? Баулы шурина таскать? Хорошее занятие, без риска... Сам придумал или Поля подсказала?

— Не-е, я Польке ни гугу! И не в ближней копейке дело, Семён. Не в дальнем рубле. Тут всё намного проще — жив человек смерти боится.

— Тоже верно. Действуй. Отговаривать не стану.

— А ты? Может, вместе съездим? Не укусит шурина!

— У меня контракт подписан.

— Подумаешь, контракт! Контракт не присяга — бумажка. Как подписали, так и... это. Денег ихних мы не получали? Пока не получали. Вот и всё, и нет претензий... Дети, Сёма. Де-ети! Кабы не они. Кто их на ноги поставит, если... не дай Бог? Военкомат? Да он про нас забудет на другой же день! Может, всё же, передумаешь?

— Давай, что ли, купаться! — сказал на выдохе Семён. — Мы для чего сюда приехали?

— Не купаться я приехал — с тобой поговорить. Наедине, без Польки. Это, не пори горячку, подумай до утра.

— Ну и поезжай назад! Я пешком вернусь!

«Вот и скис Потапенко! Скис наш бомбардир!» — Семён внешне оставался совершенно равнодушным к такому повороту, будто ничего другого и не ожидал.

Ниже по течению, метрах в двадцати, виднелись старые мостки. Берег был сухим и травянистым. Семён прошёл туда, разделся...

У ног, в переплетении трав, то и дело опрокидываясь навзничь, сновали сухопутные букашечки с перламутровыми панцирными спинками; низко над протокой, выписывая в воздухе ломаные линии, стремительно носились синие стрекозки; по осоковому стеблю в тихой воде упорно карабкался вверх жучок-плавунец... Вот он достиг зелёного листочка на поверхности, уцепился лапками за краешек, завис, как бы осматриваясь — а что же тут, на суше, интересного? — сорвался, но поплыл не к берегу, а вглубь, ко дну, чтоб вновь начать оттуда нелёгкое восхождение...

Разом вдруг стемнело. Со стороны затянутой сизой пеленой горы неслась сорвавшаяся с гребня туча-ящур с надломленным, опущенным до земли крылом. Крупные, как градины, первые капли дождя задробили по плахам мостков, больно хлестанули по плечам...

С произвольным выкриком восторга Семён с разбегу взвился над водой. Вынырнул и отдышался, покружив на месте, поплыл вдоль берега вразмашку. Метров через пятьдесят лёг на спину и поплыл против течения...

Но дождь не разошёлся. Тучу разметало, клочья пронесло, проглянуло солнце. Край неба подсветился розовым, на глазах перетекая в алые, бордовые тона.

Растирая грудь, Семён устало выбредал на берег. И... остановился. В полушаге от места, куда он совершил прыжок, двумя четырёхгранными штыками из глубины виднелись связанные проволокой осиновые колья...

Семён сообразил, что осенью какой-то идиот снял с последнего пролёта плахи, а колья опрометчиво оставил... Хладнокровно раскачав их под водой, поднатужась, по одному вытащил и вынес на берег. Сел и огляделся — в стороне попрежнему плескалась детвора...

Только теперь его объял страх. Он обхватил затылок... А перед глазами на штыках двух кольев крутилось, корчило в предсмертных судорогах распластанное тело, и не отблески зари — кровавые потёки расходились по воде широкими кругами...

Сдавленный, короткий вскрик пронёсся над протокой...

В сумерках пришёл домой и виновато улыбнулся встревожено взглянувшей на него жене.

— Ну, как вы... без меня тут?

— А ну-ка, тормозни, браток!

Джип «Гранд-Чероки» резко сбросил скорость, съехал на обочину шоссе в полукилометре от стольного града югорского края Ханты-Мансийска.

Водитель-охранник — типовой новорусский «бычок» с короткой тонкой стрижкой, в светлых джинсах, в тенниске, в очках «хамелеон», с шарами узловатых бицепсов на тренированных руках, легко выскочил из машины и открыл перед боссом дверцу.

Предприниматель Векшин — уже не молодой, медлительный мужчина с пеплом седины на волосах, в униформе дельца средней руки (белоснежная сорочка, модный яркий галстук с малиновым отливом, синий костюм-двойка в светлую полоску), выйдя, потянулся с наслаждением, привстав на острые носочки цвета спелой вишни туфель фирмы «Magio Vguni»:

— Сникерсни, браток, немножко!

Водитель-охранник понимающе кивнул.

— Да вот сюда нырните, Пал Иваныч! — указал блеснувшими стёклами «хамелеонов» на заросли малинника в стороне от сбегавшей по склону, усыпанной рыжими сосновыми иголками пешеходной тропки.

Векшин не ответил, не разомкнул замок из сцепленных на затылке пальцев. Покачиваясь, словно бы в раздумье, с крутояра всматривался в даль. Там, впереди, блестел Иртыш, трудно шла гружённая щебнем самоходка, туда-сюда сновали «крымы» и «обянки», а крутояр по обкошенной пойме с редкими, оставшимися после спада воды блюдцами озёр, опоясывала безымянная протока, в половодье спрямляющая путь до судоходных рек и речек. Вдоль берега виднелись мальчишечьи фигурки с удочками в руках...

— Ты вот что, отдохни чуток в машине, а я спущусь к протоке, посмотрю.

— Что там смотреть-то, Пал Иваныч? — оторопел водитель-охранник. — Невидаль какая! Пацанва шурят там ловит! Ехать надо — времени в обрез!

— Не твоя забота, покури! — сказал, как отрубил, предприниматель и добавил уже на ходу дружелюбно. — Из администрации позвонят, скажешь, мы в пути.

— То гнали, как шального, то перекури... — Водитель-охранник выдернул из заднего кармана джинсов мобильник, набрал номер, коротко кому-то что-то сообщил и уселся на своё водительское место так, чтоб был обзор всего участка

берега, к которому по глинистому, скользкому от недавнего дождя склону неуклюже спускался Векшин. — Ну вот куда его нечистая несёт? Вывозится в глине, как потом в администрации? — Достал из надорванной пачки сигарету «кэмел», прикурил, наслаждался первой глубокой затяжкой и отпал на спинку кресла. — Водилово дело холопые!

А Векшин, балансируя руками, цепляясь за свисающие над тропой колючие стебли малинника вперемежку со жгучей крапивой, чертыхаясь, спустился с крутояра, оглядел красные в мелких занозах ладони, вытер о штанины.

Протоку от яра отделяла узкая песчаная полоска, а у самой кромки воды, по колено в бурой ленте ила стояли неподвижно трое пацанов.

Векшин подошёл, встал за смуглыми спинами увлечённых рыболовов.

— На что, бойцы, рыбачим?

«Бойцы» и голов не повернули. Мало ли проезжих спускается к протоке поглазеть! Но двое ответили вяло:

— На кишку...

— На червя!..

— Так на кишку или червя?

— А кто на чё! — обернулся, наконец, и третий — худенький курносый мальчуган лет десяти-двенадцати, с большими серыми глазами. Шмыгнув носом, уточнил. — Я, дак, например, на щучью жабру!

— Ну и как, берёт?

— С утра на всё подряд хватала, даже на окурок, а щас чего-то плохо — жор, наверно, кончился, залегла, зараза. Ну ничё, мы подождём... К вечеру опять оголодает. Куда, на фиг, денется!

— Это точно! — согласился Векшин, с интересом оглядев бойкого на слово мальчугана. Тот, в свою очередь, с любопытством оглядел его и, переступив с одной, затонувшей в иле по колено, на другую, увязшую по шиколотку, ногу, неуверенно спросил:

— А у вас закурить не найдётся?

— Нет, не найдётся, боец. Не курю. Сам не курю и тебе не советую — вредно.

— Фигня всё это, блин! Фигня и пропаганда! — зло парировал юный рыболов.

Похожие друг на друга как две капли воды два черноволосых мальчугана в одинаково синих замызганных шортах (вероятно, близнецы, предположил Векшин) переглянулись, приснули с ужимками.

— Он, дядь, с пелёнок курит!

— И не только курит!.. — собрался доложить другой, но курносый вдруг ощерился.

— Р-разговорчивые, блин! Вам слово не давали!

Близнецы на всякий случай промолчали.

— Ух, какой ты лютый! — оценил «бойца» предприниматель и обратился сразу ко всей троице: — У кого, добытчики, удочка найдётся для меня?

Близнецы переглянулись, но смолчали. Курносый тоже отвернулся, будто не расслышал. Сменил наживку на крючке и забросил снасть.

— Что, нет ни у кого? — не поверил Векшин. — Тогда вот что, друг горячий! — обернулся он к курносому. — Хочешь покурить? Уши пухнут, да? Дуй вон к тому джипу, наверху, спросишь у водилы сигарету, скажешь, я велел — он даст. Покури, я порыбачу.

Курносый просиял. С трудом высвободил ноги из чавкающего месива, шмыгнул носом и вручил самодельную удочку Векшину, даже посоветовал:

— Лучше на кишку попробуйте! На жабру чё-то не берёт!

— Ладно. Дуй за сигаретами, пока уши не отпали!

Мальчуган вприпрыжку пустился к крутояру, почти на четвереньках прытко стал взбираться по тропе наверх.

В туфлях соваться в ил было безрассудно. Векшин разулся на бугре, снял носки, пиджак и галстук, до локтей закатал рукава рубашки. Невдалеке из-под песка торчал обугленный обломок плахи. Раскачав, не без усилий выдернул его, принёс и скинул в ил. Плашка держала. Испытывая известное каждому заядлому рыболову нетерпение, взял у близнецов «уснувшего» шурёнка, осколком тонкого стекла вспорол бестрепетной рыбёшке белое брюшко и, запустив вовнутрь, к жабрам, указательный палец, зацепил кишку, оторвал у основания. Разрезал кишку надвое, утолщённым, прочным концом нацепил на крючок, заученным с детства движением вздёнул так, чтобы наживка не висела неподвижно, как изолировка, а скользила бы по леске от зарубочки на кончике крючка до свинцовой капельки-грузила. И, как в детстве, прежде чем закинуть приготовленную снасть, трижды сплюнул на наживку.

— Ну, ловись рыбка, большая и маленькая!

Урождённому ханты-мансийцу не нужно объяснять, что такое ловля шурогаев! Назвать рыбалкой это древнее занятие уважающий себя рыбак не решится ни в шутку, ни всерьёз. Это не добыча и не промысел. Скорей, забава, отдых, состязание таких, как курносый с близнецами, «бойцов»,

готовых сутками торчать на берегу по колено в холодной воде или вязком иле; досуг не озабоченных делами «молодых» пенсионеров, сочетающих приятное с полезным; это не рыбалка в привычном смысле слова, но школа юных рыбаков, прививка страсти и азарта на всю последующую жизнь, ибо никто не возразит, что ловля щурогаев — азартнее рыбалки обычной поплавочной удочкой, когда сидишь часами неподвижно, тупо уставясь в поплавок; азартней блесновения, когда момент заглота щукой тройника в глубине из-за тяжёлой снасти порой не ощутишь; а для кого-то и азартнее подлёдного ужения...

Лёгким подёргиванием удилица Векшин повёл леску из глубины на себя, направил вдоль берега, и вот он — желанный рывок! Натянутая леска вдруг метнулась в сторону. Не ожидавший столь быстрого клевка, он нелепо рванул удочку вверх. Сорвавшись, щурёнок шлёпнулся в песок за его спиной. Вяло трепыхнувшись, тотчас и сомлел, едва вздымая жаберные крышки... Векшин подобрал рыбёшку. Совсем ещё малёк!

Он и не услышал, когда спустились с крутояра курносый, а за ним и водитель-охранник. Мальчонка первым делом подбежал к рыбёшке.

— Что, дядь, поймали, да? — За ухом у него торчала жёлтым фильтром сигарета.

— Как видишь. О, да ты запасся, парень! Как тебя зовут-то?

— Денис меня зовут!

— Ну, отдохни, Денис, маленько!

— Да мне-то чё, рыбацые! — расщедрился курносый. — У меня в пакете запасная есть.

— А что же ты молчал, когда я спрашивал про лишнюю?

Денис, не моргнув, оправдался:

— Лишней нет, есть запасная! Хотите, вам её продам?

Водитель-охранник снял свои «хамелеоны».

— Наш человек, Пал Иваныч!

Векшин усмехнулся.

— Да ты жучок, Денис! Жуча-а-ра! Платную услугу, значит, предлагаешь? Ладно, так тому и быть. Рынок — для всех рынок. Называй цену!

Мальчуган слегка смутился.

— А сколько вы дадите?

— Надеюсь, хватит доллара?

— Реально!

— Что, что? — не понял Векшин.

— Договорились! — пояснил Денис.

— Ну ты, боец, не лох, однако! — оценил предприниматель. Кивнул водителю-охраннику. — Дай ему зелёную!

Тот заглянул в полиэтиленовый пакет, извлечённый Денисом из углубления в песке. Брезгливо сморщил нос: в пакете вяло трепыхнулись шуругайки.

— Пал Иваныч, может, хватит? Ехать надо. Через пять минут начнётся вскрытие конвертов с конкурсными заявками!

— Вот через пять минут и поедем! А пока позвони и скажи, что задержимся... Ну, соври там что-нибудь!

— Ох, Пал Иваныч!.. — Водитель-охранник достал из кармана бумажник, протянул Денису сложенную вдвое долларовую купюру. — Держи, мироед!

Денис, разгладив на коленке, рассмотрел её, затем сложил и сунул в кармашек серых шортов.

— Дядь, вы новый русский, да? — поинтересовался у Векшина.

— Ну, какой я новый? Я, скорее, старый. Старый русский хант... Ведь я вырос в Хантах. Сейчас живу в Сургуте, а когда был пацаном, таким же вот, как ты, тоже рыбачил на этой протоке. На блесну, на петлю... Тогда протока была полноводной, как речка... Из медной проволоки делали петельку, привязывали к удилищу, опускали в воду... Только всплывёт в неё шуругайка, дёрнешь удилище вверх на себя, и петлёй захлестывает рыбину... Знай выкидывай на берег! Ловил когда-нибудь на петлю?

— Не-е... Сейчас петлёй на речке только в Шапше ловят! Деревенские. Не хило, я видел... А джип на горке ваш?

— Джип-то? Мой. А что?

— Значит, новый русский. Старым джип не по карману. Классная машина! Можно, я помою?

— Ну нет, боец, не надо.

— За пару долларов, а, дядь?

— Есть кому помыть!.. Что-то рано ты, Денис, на долларах зациклился! — заинтересовался Векшин. — Или нужда заставила?..

— А кого, блин, не заставила? — с недетской убеждённостью в глазах выкрикнул Денис. — Папка на похмельку просит, матушка — на хлеб. На рынке тоже надо сунуть, чтоб не прогоняли...

— Стоп, а папка что, он разве не работает?

— Отработался, ага... Он у нас больной. С войны. Ему лечиться нужно...

— С какой, Денис, войны? Ему сколько лет?

— С какой, какой! С чеченской! Вы будто, дядь, в другой стране живёте! Ему осколок от гранаты в голову попал, он у нас маленько не в порядке...

— Вот теперь понятно. Сочувствую, браток... Ну а на рынке ты кому и за что обязан?

— Да-а! — отмахнулся Денис. — Я там щурогайку бабкам да картошку с огорода продаю. А без бумажки прогоняют все, кому не лень...

— Без бумажки худо, — согласился Векшин.

Денис выдернул на берег щурогайку.

— Ну ничё, я этот рынок скоро под колпак возьму. Сам буду там порядки наводить. Хватит им командовать! Они меня ещё узнают! — Он грозно шмыгнул носом.

— Кто это — они?

— А то вы, блин, не знаете! Везде сейчас они. Мы их скоро свергнем на фиг. Пусть летят на свой Капказ, у себя командуют. А дома будем мы. Сами будем с рынков стричь!..

— Вот как?! Не простой ты парень...

В эту самую минуту клюнуло опять. Удилище в руках согнулось вопросительным знаком. Векшин рванул его через плечо, и, на мгновение блеснув над головой живым серебряным кольцом, щурогайка плюхнулась к ногам. Он попытался схватить её левой, свободной рукой, но рыбёшка скользнула между пальцами и затрепыхалась в иле, юзом уходя к воде.

— Ногой! Ногой её зажмите! — закричал Денис. — Дяденька, ногой, а то уйдёт!

Выронив удилище, Векшин сделал шаг навстречу ускользающей рыбёшке и, увязнув в иле, повалился, выкинув вперёд обе руки и всё же захватив растопыренными пальцами правой облепленную грязью щурогайку. В положении упора лёжа высвободил ноги. С зажатой в пальцах рыбиной обмыл в протоке руки и взошёл на бугорок.

— Ах ты, змейка! — щёлкнул ногтем по открытой пасти мелкой хищницы с окровавленными жаберными щелями. — Ах ты, змейка, уронила босса в грязь! В грязь лицом, негодница, уложила!

... И клёв настал. Он не успевал забросить снасть, как хватала щурогайка, заглатывала наживку, приходилось силой выдирать крючок из пасти, разрывая жабры или брюхо. Осклизлыми, окровавленными пальцами вновь цеплял наживку и, потеряв счёт времени, вытаскивал шурёнка за шурёнком...

Денис раззадорился тоже. Наладил запасную удочку, забрёл в воду по колено, с особой удачью и с шиком выдёргивал рыбёшек так, что они срывались с крючка уже на берегу, трепыхались там и сям в песке. Он их уже не складывал в пакет поодиночке, а собирал всех сразу, когда менял наживку...

На противоположном берегу высадился десант рыболовов из подъехавшей на велосипедах ребятни. Засвистели, рассекая воздух, лески...

Водитель-охранник вновь спустился с крутояра с мобильником в руке.

— Пал Иваныч, вас!

— Кто? — спросил, не отвлекаясь, Векшин.

— Комитет по экономике. Требуют каких-то объяснений!

— Вот и объясни, в конце концов, просто и доходчиво, — вспылил внезапно Векшин, — что я снял свою заявку! Все объяснения дам завтра. Лично. Мэру. Всё! И выключи мобилу! Не маячь перед глазами!

— Вам виднее, как прикажете...

Один из вновь прибывших мальчуганов с первого заброса выдернул крупную щуку-травянку. Хищница успела проглотить крючок, сорвалась с перекушенной лески, затрепыхалась на отмели. Рыбак в акробатическом, немыслимом прыжке упал на неё сверху, прижал голым животом...

— А-а-а! — завопил он истошно, обалдев от удачи.

На помощь счастливицу кинулись приятели. Выдернув бьющую тяжёлым хвостом полуметровую щуку из-под живота удачника, отволокли её подальше от воды. Сгрудились вокруг хищницы, шумно восторгались, измеряли, взвешивали добычу на глазок...

— Ты смотри-ка, — удивился Векшин. — Хороша зубастая! И как она сюда попала?

Присев на корточки, водитель-охранник молча кивнул, отмахнулся от мошкеры сосновой веткой, настраиваясь на долгое ожидание.

А мошкара наседала. Векшин отбивался от назойливо атаковавших жгучих насекомых, мокрыми руками стирал их с грязного лица и шеи, стряхивал черными катышками сухой — тыльной стороной ладони. Раскатал до искусанных в кровь щиколоток безнадежно заляпанные илом брюки, кутал голову в наброшенный пиджак, но мошкара проникала под рубашку, жгла голени, глаза, уши...

— Вот же зараза какая — нет от неё никакого спасения! — кряхтел и ругался вполголоса Векшин. — Орлы! Нет ли у кого комариной мази?

Мази у «орлов» не оказалось.

— Как же вы терпите этих скорпионов?!

Но на мошкару Денис и близнецы не обращали внимания, будто бы для них её не существовало...

На том берегу выловленную щуку наконец-то усмирили, и счастливый рыболов, весь в песке и глине, ликуя, демонстрировал добычу, подняв кулан над головой.

Бросив свои удочки, Денис и близнецы молча кинулись к нему через протоку вброд, взбаламутив воду.

— Вот же бесенята! — Векшин сменил наживку. — Как-то в детстве, лет пять-шесть мне было, здесь, на этом месте, на блесну рыбачил с плотика — женщины ковры, половики на нем стирали-полоскали, — стал вполголоса рассказывать водителю-охраннику. — И вдруг схватила щука! Такая, веришь, крупная — волна пошла кругами. Я к берегу пытаюсь подвести её — куда там, силы не хватает, прет, как торпеда, в глубину. А плот бревенчатый, сосновый... И вот я поскользнулся да в воду лицом — плюх! Голова в воде, а ноги на плоту. Но удочку держу, вцепился мёртвой хваткой. Щука бьётся так и эдак, круги выписывает — водит, но она уйти не может, и я не подтяну... А был со мной приятель. За ноги схватил, а что делать дальше — с испугу сообразить не может. Держит меня за ноги, а я в воде уже по пояс пузыри пускаю. Но удочку держу! Вот что удивительно! Сколько так барахтался, не помню — помню только, парень подоспел... Мотоцикл мыл, увидел. Вытащил меня, а я уж посинел. Но удочка в руках. А на блесне, поверишь, щука — килограмма три. Из меня вода фонтаном хлещет — нахлебался до ушей, надо бы домой, да боюсь — отец накажет за мокрое бельё. Разделся, выжал трусы, майку, на травку разложил, щуку — на кукан, а сам опять рыбачить. К вечеру иду домой. Вот, мечтаю, мать меня похвалит! Такую щуку добыл на уху! А не подумал, что на солнце щука-то уснула, а пока я обсыхал, запашок дала... Мать принюхалась: где взял? «Сам выловил на блесну!» — «Тебе такую не осилить!» — Не поверила мне мать. Так, браток, обидно было... Такими испытаниями щука эта мне досталась!

Денис и близнецы вернулись с того берега.

— На что они там ловят? — поинтересовался Векшин.

— На лягушку, дяденька! Шчас и мы попробуем, не такую выловим! Вам лапку оторвать?

Водитель-охранник сплюнул брезгливо, нацепил «хамелеоны» и, не сказав ни слова, направился к крутояру. Векшин тоже отвернулся.

— Нет уж — лучше на кишку!

Мальчуганы какое-то время возились с лягушкой, препираясь, разделявали её. Закинули снасти со свежей наживкой, но и мелочь на лягушку не цеплялась, и крупная — травянка — не брала...

А невидимое в наслоениях бурых облаков августовское солнце неспешно завершало дневной оборот. Светлая полоска низкорослого заречного ивняка за пойменной луговиной на глазах померкла...

Клёв резко прекратился. Векшин водил леску вдоль берега, изредка подёргивал снасть. Побелевшая наживка едва держалась на крючке, волочилась по мягкому дну, цепляясь за водоросли, вздымая нити жёлтой мути; серебристые мальки то шаркались по сторонам, то непостижимым образом вновь сбивались в стайку. Изредка из глубины стремительно выскакивал изумрудный, с карандашик, шурёнок, но не хватал безрассудно наживку, а замирал перед ней, словно сомневался — что-то тут не так!

Денис и близнецы сворачивали снасти.

— Всё, пора и меру знать! — поставил точку Векшин.

— Куда теперь прикажем, Пал Иваныч? — с показным равнодушием спросил водитель-охранник, бросив беглый взгляд на предпринимателя, вывоженного илом с ног до головы.

— В Сургут. Домой... И первым делом — в сауну... Но сначала подбросим коллегу до рынка. Ему ещё работа сегодня предстоит. — Векшин подтолкнул к машине мальчугана. — Садись, боец. Прокатимся. Да смотри мне, чтоб пакет не лопнул. Тогда точно мыть салон заставлю!

— Почему бы не подбросить! — Водитель-охранник дружески хлопнул по плечу Дениса. — Свой человек. Видно птицу по полёту!

— Да, — со вздохом согласился Векшин. — Свой-то свой, да жалко парня.

— Это почему же? Что его жалеть? Такой нигде не пропадёт! Верно, брат Денис?

«Брат» Денис смущённо хмыкнул и пожал плечами. Водитель-охранник внимательно поглядел на Векшина.

— Целый день понять вас не могу! — Он завёл машину, сдал назад, выруливая на шоссе. — Такой заказ сегодня упустили! Ведь ясно ж всем, как дважды два, — заказ на поставку был ваш! В администрации сейчас голову ломают — почему вы не явились. Мэр будет сам звонить. Станный вы сегодня, Пал Иваныч!

— Не странный, а дурак! — Векшин легко, от души, рассмеялся. — Дурак дураком. Ты хоть никому там, в Сургуте, не рассказывай, как на конкурс в Ханты съездили, а то ведь обсмеют...

— Да мне-то что! — Водитель-охранник любовно огладил баранку и прибавил газу. — Тем более дурака, осознавшего себя дураком, дураком уже не назовёшь!

— Ну-ну, полегче мне на поворотах!

— А рыба ваша где? Улов-то, Пал Иваныч?

— Да на кой он мне!.. Денису вон отдал, пусть реализует. Разве это рыба? Баловство одно. Да и жена, признаться, с этой рыбой не поймёт.

— Это почему же?

— Так ведь не стерлядь, не осётр!

— А я думал, не поверит, что сами наловили! — Водитель-охранник от души расхохотался.

— Не к добру развеселился, гляди лучше на дорогу! — вяло буркнул Векшин, но не смог сдержать улыбки. — Ничего! Не смертельно. Упустили заказ на поставку сегодня — ухватим завтра. Что нам стоит дом построить! Верно, нет, Денис?

— Ухватим, делать не фиг!

— Денису можно верить! — Векшин достал из нагрудного кармана пиджака визитку. — Держи, браток, на память. Будет худо, позвони, что-нибудь придумаем. И спасибо за рыбалку. Душу отвел в кои веки!

— Душу отвести можно было в отпуске, — угрюмо возразил водитель-охранник. — Вы ж на той неделе на Лазурный берег, в Ниццу, улетаєте. Вот где рай-то для души!

— В Ницце, дорогой мой, безусловно, рай. — Векшин сладко, словно сытый кот на солнцепёке, потянулся. — Вот только шурогаев там не ловят!

ЧТОБ НАС ТОЖЕ ВИДЕЛИ!

Жил на нашей тихой улице Мишуня Бикбаев. Мой одноклассник. Его старший брат, Родион Ильич Коньков, и поныне живёт на том же месте в новом коттедже — теперь уже, наверное, пенсионер. В отличие от брата фамилию Мишуня носил материну, потому что кто был его кровным отцом, твёрдо не знала, похоже, и сама родительница. А её звали Шамсия — она была башкирочка. Невысокого роста, черноглазая, смуглолицая, весёлая женщина. Работала поваром в рабочей столовой. Она как-то вдруг выскочила замуж за одного заезжего красавца кавказской внешности, соседки поговаривали: «за карачая», и этот «карачай» по имени Джамал увёз её вместе с малолетним Мишуней к себе на родину. Родиона они оставили на временное попечение старикам Коньковым. Свой северный домик, построенный первым русским мужем Ильёй, утонувшем в начале пятидесятых на сплаве, Шамсия продала, чтобы на вырученные деньги купить хороший дом на родине Джамала в Карачаевске — городке на живописном месте слияния Теберды и Кубани. Дом купили, Шамсия родила своему карачаевцу наследника — Кемала. А потом

что-то сломалось в их жизни. Кто из них был прав, кто виноват, не мне судить, но кончилось всё тем, что темпераментный «карачай» однажды избил свою северную избранницу и буквально вытолкнул её за порог вместе с Мишуней. Шамсия и рада бы вернуться на Север, да путь отрезан — домик-то продан. На первое время изгнанников приютила сердобольная соседка из русской семьи. Шамсия устроилась официанткой в недорогое кафе, Мишуня ходил в школу..

В школу-то ходил, но затаил обиду и, оказалось, долго вынашивал план мести. И как-то тёмной ночью поджёг дом Джамала. Не скрывался и не запирался, на первом же допросе признался во всём. Пожар вовремя потушили, никто не пострадал, но Мишуня получил солидный даже для малолетка первый срок... Русская соседка после Мишуниной выходки испугалась мести родственников Джамала и отказала Шамсии в приюте. Шамсия, помыкавшись какое-то время на чужбине, окончательно сломалась и выдохлась: через два года её оконечивший труп обнаружили на железнодорожном вокзале в Ставрополе. Беспаспортную «синюшку» наспех закопали в углу кладбища, воткнули в холмик деревянный крест под номером, и даже Родион до Мишуниного возвращения из мест заключения ничего о матери не знал...

Вторую лагерную «путёвку» Мишуня получил в том же злополучном Карачаевске, не успев как следует отдышаться после первой отсидки. Освободившись, прибыл для розыска пропавшей без вести матери. На местном рынке, успев пропустить стаканчик дешёвого сухого вина, лицом к лицу столкнулся с братом отчима. Тот вознамерился было, не сходя с места, отомстить за поджог, но приземистый Мишуня сумел упредить удар карачаевского ножа... Усмотренное судьями «превышение пределов необходимой обороны» отправило его проторённой дорожкой по обратному адресу..

После второй «ходки» он предусмотрительно (от «греха подальше») вернулся в родной город. К тридцати годам у Мишуни за плечами имелось восемь классов общеобразовательной школы и двенадцать лет лагерной «академии». Остановился не у старшего брата — Родион к тому времени имел уже двоих детей и занимал ответственную должность в исполкоме, — а у престарелой хантыйки тёти Маши, два женатых сына которой не подавали о себе вестей с незапамятных времён. Устроился столяром в горпромкомбинат. Когда бы и где бы я его ни встретил, на ремне через плечо у него висела кожаная сумка с инструментом — с разными там рейсмусами, рубанками, ножовками. Я всегда останавливался с ним на минутку-другую.

— Привет, Мишуня. Как дела?

Он расплывался в благодушной улыбке.

— Как сажа бела!

— Что так?

— Да так. Строгаю-строгаю, пиляю-пиляю, а денег, корики-макорики, никак не прибавляется, всего-то полмешка осталось!

Меня он уважал. Во-первых, в раннем детстве мы с ним жили на одной улице, играли в одни игры. Во-вторых, ко времени его возвращения в родной город я уже учился в Литературном институте и начинал печататься. А Мишуня с благоговением относился к писателям, особенно к большим поэтам, потому что сам писал. Хотя сказать «писал» — сказать не точно. Точнее было бы сказать его словами — придумывал «куплеты». Они у него рождались на ходу. Как афоризмы. Он их даже и не записывал, а запоминал. Однажды я вытащил его на очередное заседание городского литературного объединения. Прочесть свои «куплеты» на публике Мишуня так и не осмелился, зато в ходе обсуждения творчества одного из начинающих едва не разразился матом... Дело заключалось в том, что автор с каким-то очень уж неестественным надрывом читал длинную, никуда не годную поэму, посвящённую матери, откровенно к тому же подражательную знаменитому есенинскому «Письму»...

— Что за хренотень! — вскипел Мишуня. — Ты вообще адрес матери помнишь?

— Помню, — промолвил ошарашенный автор.

— Где она живёт?

— На Украине...

Мишуня в сердцах швырнул через стол раскрытую тетрадь и ручку.

— Напиши письмо! Напиши по-человечески о том, что ты здесь в стихах лепечешь! Что ты её любишь, помнишь, жалеешь, скучаешь! Ты летом в отпуск к матери едешь? Нет! Ты куда-нибудь на море мчишься! Пузо погреть! А ты сядь в самолёт — три часа, и у матушки на Украине! На дворе — двадцатый век! Не пушкинская эпоха. Даже и не есенинская. Не мать ты любишь, а себя в... поэме!

Не на шутку оскорблённый автор двинулся было на Мишуню. Немало потребовалось усилий, чтобы успокоить и поэта, и его критика...

С тех пор общаться с городской литературной братией Мишуня зарёкся.

— Туда я больше не пойду. Что там за поэты? Дети, корики-макорики!

С годами я всё больше убеждался в Мишуниной правоте. Сколько всего прошло перед моими глазами! А уж в наши дни человечество научилось спекулировать даже на святых чувствах. С каким искренним убеждением мы иной раз восклицаем, пытаясь переубедить чрезмерно жестокого, на наш «человеколюбивый» взгляд, обвинителя, а пуще всего, наверное, всё-таки самих себя в том, что конкретный негодяй и подонок — человек не совсем конченный для общества. Мы ищем и зачастую находим у подлеца и отморозка какие-то доселе скрытые от постороннего взгляда положительные черты, искорки проявления человеческих чувств. Мы воодушевлённо обращаемся к этому бесчувственному, по нашему убеждению, обвинителю, не способному, якобы, разглядеть в человеке человеческое: «Прочитайте его покаянное письмо к матери. Это не письмо — это молитва! Разве оно не свидетельствует о том, что сердце этого человека ещё не остыло окончательно?»

А то, что этот подонок десятилетия своей беспутной жизни купался в роскоши, прожигал жизнь в дорогих ресторанах и казино, «омывал» в ваннах с шампанским многочисленных любовниц и валютных проституток, но ни словом, ни делом ни разу не помог своей брошенной на произвол судьбы, голодающей с ельцинских времён в какой-нибудь богом забытой деревушке престарелой матери, мы во внимание не принимаем...

Но вернёмся к Мишуне.

Из его многочисленных «куплетов» мне запомнился один:

*В России долго не живут —
В России долго выживают.
А выжив, тут же умирают
И воскресения не ждут...*

— Неплохо, — оценил я. — Вот только последняя строчка...

— А что, последняя не в яблочко?

— Вот именно... Невнятно как-то! Ну, что значит — «воскресения не ждут?»

— А что тут непонятного? Зачем воскресать? Чтoб, воскреснув, начать мыкаться по новой?

— Не в том, Мишуня, евангельский смысл воскресения!

— Мы евангелий не проходили, — буркнул Мишуня, но, впрочем, долго не упрямялся. — Ладно, может, как-нибудь докумекаю!

Как-то раз он «забежал» вскоре после моего очередного возвращения из Москвы. Слово за слово, разговорились о столичных знаменитостях. Он всё интересовался:

— А Евтушенку видел?
— Видел.
— Живо-ого?!
— Ну, не мёртвого же, Миш!
— Не, в смысле, не по ящику — в натуре?!
— Не по ящику, в аудитории...
— А Вознесенку?
— И Вознесенского видел.
— У, корики-макорики! — Миша восторженно встряхивал головой.
— А вот этого... который «пил из черепа отца»?
— Кузнецова? Юрий Поликарпович ведёт семинар в институте...

Большие поэты, по-видимому, представлялись Мишуне людьми из другого мира, дотронуться до которых — «в натуре!» — ему уже и не мечталось...

— Ну, тогда наливай! — Мишуня выковырнул из-под инструмента в сумке припасённую для случая бутылку. — Выпьем!

— За кого? За Евтушенко с Вознесенким?

— Зачем? За нас! Чтоб нас тоже... видели!

С тех пор прошло немало лет. Однажды на вопрос о Мишуне кто-то из наших общих знакомых сообщил, что он вроде помер. Я, конечно, погрустил о друге детства, посетовал на жизнь нашу безобразную, вспомнилось мне его проникновенное: «В России долго не живут...» В церкви поставил за упокой души раба божьего Михаила свечку. На том бы и закончилась эта история, если бы...

Этими редкими «если бы» и озаряется порой наша тусклая жизнь.

В августе 2003-го я отдыхал на одной из черноморских баз неподалёку от Геленджика. Про Геленджик рассказывать не надо. Геленджик, он и есть Геленджик. Солнце, море, пляж...

Моё рассеянное внимание постепенно сосредоточилось на одной восторженной группе отдыхающих. У берега бултыхались два очень похожих друг на друга белоголовых пацанёнка лет семи-восьми. Они грудью ложились на набегавшую волну, азартно молотили руками-ногами, но волна возносила их на гребень и, как щепок, отбрасывала назад...

Кряжистый, средних лет белотелый мужчина и спортивной выправки высокий чернявый парень с бронзовой от загара кожей осторожно, словно по битому стеклу, шли по раскалённому песку от лежаков к морю. Парень с ходу, с гиком, бросился в набегавшую волну, на мгновение исчез в

ней, затем словно выпрыгнул на полкорпуса из пучины, мощными гребками торпедой преодолел с десяток метров и лёг на спину, взмахом руки подзывая остановившегося в нерешительности на берегу мужчину. А тот, козырьком приложив ладонь к глазам, следил за энергичными движениями пловца и чему-то про себя улыбался...

Я видел его испещрённые многочисленными татуировками плечи, а когда мужчина оборачивался и словно бы впервые с удивлением рассматривал кишаший человеческими телами горячий берег, — широкую белую грудь, на которой ещё не оставило отпечатка палящее солнце, синие от татуировок жилистые руки, которые он не знал, куда деть; коротко стриженные, смоляные волосы и даже розовый треугольничек шрама на левом виске...

Он зашёл в море, сначала по колено, затем по пояс; прикрываясь от долетающих отовсюду брызг, нелепо выставил на уровне глаз согнутую в локте правую руку. Долго не решался окунуться. Наконец, очередная волна обьяла его, мужчина на выдохе присел и тут же пробкой выскочил из волны, выброшенный энергией родившегося в нём восторга...

Я видел его глаза. Это были необычайно счастливые, по детски восторженные глаза немолодого уже человека, впервые, вероятно, оказавшегося в море. Парень по-прежнему лёжа на спине, как в люльке, качался на волнах, а мужчина, совершенно не умеющий, очевидно, плавать, с гиком барахтался с детворой на взбаламученной отмели, кувыркался, сплёвывал и фыркал, и опять нырял, как утёнок, а затем вдруг затих. Сел у кромки моря и сидел неподвижно до тех пор, пока от лежака не подошла к нему и не обняла за плечи полная круглолицая женщина в синем купальнике и белой пляжной шапочке...

— Мишу-уня, — певуче протянула она, — хватит бы уже для первого разу на солнышке... Ступай под зонт в тенёчек!

Вот уж не напрасно говорится: хочешь встретить знойным летом знакомого северянина, поезжай в Геленджик или в Анапу!

Меня, разумеется, как ветром сдуло с места.

— Михаил?! Мир тесен!

Он уставился на меня, не узнавая. Тогда я сдёрнул с глаз солнцезащитные очки:

— Строгаем-строгаем, пиляем-пиляем, а денег всё не прибавляется?

Мишуня медленно приподнялся и расплылся в улыбке:

— Пол-мешка всего-то и осталось! Вот так встреча, корики-макорики!

...На частной квартире в сотне метрах от моря, которую на недельку сняло семейство Бикбаевых, мы с ним проговорили весь вечер и всю ночь...

Мишуня всё так и работал «по столярке». Когда прокомбинат закрыли, «промышлял» то в одиночку, то в составе какой-нибудь сборной бригады. А в начале девяностых исчез из города. По-видимому, тогда-то один из наших знакомых и решил, что Мишуня помер. А он не помер — он «сходил» на третий срок...

Всё лето четверо таджиков вели отделку Родионова коттеджа, а когда пришло время расчёта, брат вдруг замудрил. Неделя прошла, другая, третья, вот уже и месяц позади, холода подступают, а Родион всё кормит своих строителей «завтраками» да «послезавтраками», ссылаясь на какие-то непредвиденные обстоятельства. А затем и вовсе спрятался — даже на звонки перестал отвечать. Таджики занервничали. Обратились к Мишуне: помоги, повлияй на брата! Жалко стало Мишуне обманутых людей — сам такой же, как они, работяга. Пришёл к брату. А Родион: не суйся, дескать, не в своё дело. Ты расчёт за столярку получил, вот и скажи спасибо. Рабочим аванс на дорогу выдам, а расчёт позже переведу... Сейчас, мол, у меня проблемы. А и не переведу, им жаловаться некому. Они без прописки, на птичьих правах!

Лучше бы Родион этого не говорил!

— Виноват, не сдержался, — развёл руками Мишуня, — врезал по физиономии. Да так, что челюсть щёлкнула. Сломал. А это уже сурьёзно. Надька, жена Родькина, из комнаты выскочила, завизжала: «Изувечил! Изуродовал, зэк неумытый!». Давай звонить в ментовку. А Родька, он ведь к тому же ещё и депутат — лицо неприкосновенное. Таджиков моих после этого случая как корова языком слизнула из города. На суде Родька пошёл было на попятную, просил о снисхождении, он бы и заявление отозвал, да Надька, стерва, заладила: «Посажу, сгною выблядка!». Дали три года...

Освободился в девяносто четвёртом. Кругом бардак. Всё рушится. Всё с ног на голову... Мне сороковник. Позади — пустота, впереди — беспросвет... Приехал на вокзал. Поезд ночью. Сижу в зале ожидания, размышляю... Хоть под поезд сигай!

Гляжу, стоит у касс дальнего следования женщина. Наша. У меня на своих глаз намётан. Узнал: Зойка из первого отряда женской колонии. Тоже вляпалась в историю, трёшник отмотала... Муж был прапором, что-то там тащил с воинской базы, а она, вроде, перепродавала... Сам из воды сухим вышел, а её утопил. Через полгода женился — замену в дом при-

вёл... Я давно её приметил... Стоит у кассы, потухшая. Такое бывает. Пока сидишь, всё передумаешь, всё обмозгуешь — куда, к кому, с чего начнёшь... А освободился и растерялся. Не знаешь, куда податься. Где тебя ждут. И кому ты нужен. А тебя нигде не ждут и никому ты не нужен! Вот и станешь у кассы, как витязь на распутье.

Не знаю, что на меня нашло, что меня подтолкнуло. Подхожу.

— Ну что, — говорю, — Зоя, крылья на ветер?

Она брови вскинула.

— А ветер, — спрашивает, — с какой стороны?

Я отвечаю:

— С севера на юг!

Она говорит:

— В смысле?

А я:

— В смысле, давай ко мне!

Она совсем потерялась:

— К тебе — это куда?

— Ко мне, — говорю, — на Север.

У неё губёнки от обиды затряслись:

— Ты что, — говорит, — шутишь, что ли? Или за какую-то дешёвую сучонку меня принимаешь?

А я:

— Какие, Зоя, на хрен, шуточки! Не до шуток. Я жизнь уже проштуковал!

— Нет, — отвечает, — не могу. Меня дома ждут.

— Кто тебя ждёт? Никто тебя не ждёт. Меня не обманешь!

Она:

— А кому я там нужна, на Севере твоём?

А я возьми да бахни:

— Мне. — До сих пор не понимаю, что на меня нашло. Я ведь с бабами всю жизнь робел... А тут: — Мне нужна, и basta! Не раздумывай. Поехали!

Она посмотрела на меня этак внимательно и говорит:

— А вот возьму да соглашусь! Что делать будешь?

— На руках носить!

И ношу. До сих пор с рук не спускаю. И до конца жизни теперь не спущу.. Мы вообще-то возвращаемся из Ставрополя. У брата гостили.

— У какого брата? — не понял я. — У Родиона?

— Зачем у Родиона? Родион на месте. У меня ведь в Карачаевске брат остался. Младший. По матери. Кемал. Он сейчас в Ставрополе живёт. Спасибо, разыскал материну могилу. Сходили, поклонились. А вот этот молодчик, — с доброй

улыбкой кивнул Мишуня на раскинувшегося на раскладушке и безмятежно посапывавшего во сне рослого загорелого пловца, — его сын. Мой племянник. Борис. В гости ко мне едет, на Север наш взглянуть. Из Ставрополя и надумали заехать на море. Ребятишки упросили. Двое у меня, как видишь. Санька и Виталька. Близняшки. Во второй класс нынче пойдут. Зоя через год мне двойню принесла. Я, веришь, нет, от радости расплакался... В моём-то возрасте, при моей-то жизни... Вон, ворочаются на кровати, спины, наверно, сожгли. Ты, Зоя, смазала бы чем-нибудь...

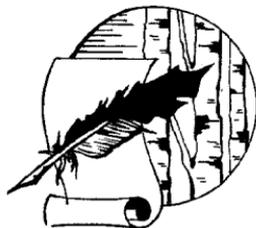
— Да смазала уже кремом, — Зоя рассмеялась. — Вас ведь всех четверых с берега палкой не утонишь — дорвались до бесплатного солнышка!

— Когда ещё придётся? Да и придётся ли когда-нибудь! — согласился Мишуня. И продолжил, обращаясь ко мне. — Об одном прошу Господа, чтоб дал ещё хотя б десятка полтора годков детишек на ноги поставить... Есть, видно, Бог-то... Есть! Разве не он Зою мне послал? Она, можно сказать, к жизни меня воскресила...

Зоя неслышно скользила по комнате, время от времени подливала в чашки подогретый чай, подставляла блюдечки с разными вареньями и вазочки с южными фруктами...

— Вы угощайтесь, угощайтесь! — певуче приговаривала она. — Здесь всё свеженькое, витаминное, не то, что на Севере у нас... Мишуня о вас много рассказывал...

— Да и я вот приеду, расскажу своим, что Мишуню видел...

Евгений ЧЕПУРНЫХ

ЛЕТЯЩИЙ СНЕГ

* * *

— Что на Руси? Не таи!
— Господи, вьюга и вьюга.
— Как же там овцы Мои?
— Господи, режут друг друга.

Вьюга и ночи, и дни.
След от могилы к могиле.
То ль осерчали они,
то ли с ума посходили.

Лютый, садись на коня.
Добрый — в слезах умывайся.
— Что ж они? Верят в Меня?
— Господи, не сомневайся.

ЗВЕРЬ

У зверя глаза с поволокой,
и в каждом — холодный алмаз.
И с каждой душой одинокой
зверь встретится с глазу на глаз.

Забудешься, словно ребенок,
кошмаров ночных посреди,
когда он, как теплый котенок,
уснет у тебя на груди.

А утром, поднявшись на локте,
увидишь, рассвет пригубя,

какие огромные когти
сжимают в объятьях тебя.

А сердце всё тише и тише,
и колокол тает, звоня.
А пастырь небесный всё выше.
А зверь — на груди у меня.

Холодный, и грозный, и льстивый.
И, что характерней всего,
по-своему очень красивый,
и можно погладить его.

* * *

Снег выпадет и не растает.
И не прервётся тишина.
Кто первый след на нём оставит?
Война.

Она войдёт, скрипя ремнями:
— Ну что? Пошли?
И снайпер ляжет между пнями.
— Палить?
— Пали.

Огнём расколота колонна,
Но остальные — напролом.
В снегу застынет цепь ОМОНа
Перед Кремлём.

Взлетают в воздух мавзолеи,
И опадают купола.
Вон — по заснеженной аллее —
Война прошла.

Война прошла по волнам снега,
Уткнувшись мордой в свой предел.
И взял Господь Россию в небо.
И — пожалел.

«Своя измученная овца...»
— А кто там ходит в этот час?
— Там только добрые литовцы.
Им хорошо теперь без нас.

* * *

«Давайте мириться», — сказала змея
И вытерла слёзы.
Ликует и плачет старушка Земля
И нюхает розы.
И думает: «Вот они, дети мои,
Как любят друг друга!
Согрело их мудрое слово змеи.
Спасибо, змеюка».

А ветер поёт, как Орфей и Баян,
Ветвей не ломая.
По жёлтым полотнам плывёт караван,
Той песне внимая.
— О, мы не погибнем в походе, друзья,
Не надо молиться!
По радио утром сказала змея:
«Давайте мириться».

От снежной земли до песчаной земли,
До крайней границы
Весёлые праздники дружно взошли,
Как стебли пшеницы.
Салюты в столице, гармошки в селе!
Ах, друг мой, гляди же,
Как ласточки-птицы слетают к земле
Всё ниже и ниже...

* * *

Любимых не целуют по ночам,
Хоть мир увязнул в заблужденье этом.
Любимых не ревнуют к их мужьям,
Как не ревнуют к стенам и предметам.

Их выкликают взглядом из толпы
Без отклика в ответ, легко печалась.
Их не приводят в тень своей избы
Ни на пирог, ни на стаканчик чая.

А ежели случаются они,
Как вспышки посреди дороги ровной,
Не помечайте крестиками дни,
Припоминая смачно и подробно.

Сочтите сантименты за пустяк,
Чтоб жить светлее и дышать ровнее,
И горе вам, когда хотя бы шаг,
Хотя бы шаг вы сделали за нею...

* * *

...А в этом городе так много
Автомобилей и собак.
Но нету Бога,
Нету Бога,
И потому здесь мрачно так.

Железный блеск Дворца и Рынка.
А посреди пустых дорог —
Рыдает глупая травинка
За всех одна.
Ей нужен Бог.

И я её люблю, как чудо.
Дитя моё, всё ничего.
Пошли,
Пошли,
Пошли отсюда.
Они привыкли без Него.

* * *

Обрывается в яме дорога,
Прекращается долгий загул.
Сколько раз я обманывал Бога,
Столько раз я себя обманул.

Неужели всё это серьёзно?
Эй, ребята, подвиньтесь чуток.
Ничего, что я прибыл так поздно?
Я и так торопился, как мог.

Боже мой, узаконь эту точку.
И ещё: средь вселенских забот
Не забудь мою умницу дочку
В нескончаемом списке сирот.

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Мы долго падали с небес
К земле, трясущейся от гуда.
Стонала речка, плакал лес,
Когда мы падали оттуда.

Мы — нечисть, нежить. Мы никто.
Страшнее страха. Тьмы темнее.
Никто не спрашивал: «За что?» —
Оно Всевышнему виднее.

В провале средь зеркальных скал
Нас облепила гниль сырая.
Один рычал, другой рыдал,
Обличье зверя примеряя.

С тех пор мы — грешных душ ловцы —
Глядимся в зеркало всё реже.
Нам поклоняются жрецы,
На алтаре младенцев режа,

Чьи души примет Бог, любя,
За поколеньем поколенья.
Но каждый бы из нас — себя
Зарезал ради искупленья.

Плачь, павший ангел, лютый бес.
Неужто кровью захлебнёмся?..
...Когда мы падали с небес,
Мы думали — что мы вернёмся.

* * *

Константину Рассадину

Я закончил свой сладкий, свой радостный труд
И упал посредине болота.
Понимаю, что нынче лежачего бьют,
Но уж больно вставать неохота.

Мне мой сладкий,
Мой радостный труд стал тяжёл —

Вот что, Костя, и мучит, и ноет.
А что гол, как сокол, и что стар, как козёл, —
Это, Костя, и хрен бы со мною.

Всё равно наша участь с тобою легка —
Словно двух ветерков в чистом поле.
И зачем нам с тобою лететь сквозь века,
Что мы, Костя, Державины, что ли?

Где упал, там лежу, кончив радостный труд,
Заплутав средь болотного смрада.
В назиданье идущим — лежачего бьют,
Так что ты не стесняйся, коль надо.

Без меня возвращайся в пустынный квартал,
Лишь тропу на болоте не путай.
А что я тебе десять рублей не отдал —
Это, Костя, от жадности лютой.

Ты и сам уже в зеркале не Аполлон,
Вот и я, заглянув туда, охнул.
Слышишь, Костя, вокруг очарованный звон? —
Это я своё зеркало грохнул.

Вообще все поэты пред Богом равны,
Потому, как бы ни был кто славен,
В зеркалах отражаться они не должны.
Даже тот... по фамилии Державин.

* * *

Зачем я пил одеколон?
Три года он лежал в комодке.
Зачем потом гонял ворон
И песни пел на огороде?

Сгорела зорька со стыда,
И возмущённая звезда,
Всходить иль не всходить,
Решала.

Потом решилась — и взошла.
— Привет, подружка, как дела?..
— Ты бы умылся для начала.

Любому сраму есть предел.
Прости, звезда, прости Отчизна.
Я как-то где-то охренел
Со всем этим
Капитализмом.

Я как-то стал ему под стать.
Мне как-то всё едино пресно.
Что выпивать,
Что убивать,
Что целовать —
Неинтересно.

Как в пьесе Горького «На дне»,
Где нет спасительного средства.
И то ли впрямь умыться мне,
А то ли сразу утереться...

БАШНЯ

Прямо не жизнь, а балет на карнизе.
Чудно и страшно.
В тёплой Италии, в городе Пизе
Падает башня.
Падает башня с мольбой и тоскою
В каменном взоре.
Это же надо — несчастье какое,
Горе, так горе!
Ночью проснусь сиротою казанской
И цепенею:
— Мать её за ногу, как там пизанцы
С башней своею?
Не предлагайте мне
Славы и лести,
Места в круизе.
Только бы башня стояла на месте
В городе Пизе.
Только бы пьяную башню спасли
Божья любовь и участие.
Мне, сыну стонущей Русской земли,
Этого — хватит для счастья.

* * *

Пока меж нами длилась драма,
Там, за окном, все эти дни
Шел снег устало и упрямо,
Как будто бы солдат с войны.

Снегирь ел крохи из кормушки,
Печной дымок струился ввысь.
Пора, пора, друзья-подружки,
Смотреть серьезнее на жизнь.

И украшать полезным делом
Свой ясный и короткий век.
И землю чувствовать всем телом,
Как этот к ней летящий снег..

г. Тольятти

К ЧЕМУ ВЕДЁТ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО

Никогда мне не приходило в голову, что в далеком 1944 году наступающая Красная армия должна была остановиться на границах СССР, потому что... Да потому и не приходило, что понимал — фашистскую заразу надо давить в зародыше, иначе она снова приползёт к нам домой.

Однако годы борьбы с неонацизмом, принявшем на Украине личину бандеровщины, убедили меня в том, что в современном мире даже самые лучшие люди, годами делом доказывавшие свой патриотизм, подвержены «тлетворному влиянию Запада». Точнее — становятся жертвами информационной войны. Которая (25 лет истории Украины это доказали) нередко эффективнее танков и пушек.

Позволю напомнить общеизвестное требование США, Евросоюза, НАТО и прочих «партнеров» Российской Федерации — «Не вмешиваться!» Не смей защищать Приднестровье, Южную Осетию и Абхазию, не смей лезть в Сирию и вмешиваться в украинскую трагедию. Проще говоря — Россия, занимайся внутренними проблемами, мы их тебе быстро организуем. Вот тебе и санкции, и черные списки

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

политиков, и отлучение от участия в международных организациях, и угроза судебного преследования, и заморозка активов, и бойкот товаров. И информационная война с участием пятой колонны внутри самой России. Плюс колоссальный пресс информационной борьбы в газетах и на телевидении, в фильмах и интернете, на радио и просто на митингах самых разнообразных протестов против действий Кремля.

Полный набор средств и методов информационной войны против России. Началось это не 10 и не 25 лет назад, не в 1917-м — история уходит к допетровским временам. Всеми доступными методами от России откусывали то Аляску, то Курилы с половиной Сахалина, то Польшу, Буковину, Финляндию, Прибалтику. Возвращенные при Сталине территории были с лихвой возвращены Горбачевым при деятельном участии главных коммунистов трех братских славянских республик. «Три ветви единого народа» наконец-то были распределены по трем государствам.

Но на этом информационная война не закончилась. Наоборот, усилилась. Из года в год всем напоминают, что это, мол, был «демократический выбор украинского народа». Даже Севастополь дал 57% голосов «за» отделение, а Донецкий регион и вовсе — 76%.

Напомню вопрос референдума: «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?». В тексте «Акта» нет ни слова о выходе из СССР. Мало того, в тексте «Акта» прямо сказано: «...осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины». Указанная же «Декларация» содержала требование: «Принципи Декларації про суверенітет України використовуються для укладання союзного договору». А нам всё рассказывают сказки про отказ граждан Украины от СССР..

После развала Союза выбора у жителей Украины уже не было. «Вы никогда не жили на территории, которая сегодня является территорией РФ, а потому не можете претендовать на российское гражданство. Что, воевали в Афганистане? Так не на территории же РФ. И вообще — вы воевали за СССР, а мы вас на ту войну не посылали». Это дословный ответ, который автор получал в дипломатических учреждениях в России в 1992 году.

России было не до Украины и не до русских людей, неожиданно для себя оказавшихся нерусскими — нерусью. И Украина стала в одночасье НЕ РУСЬЮ. Пыхал Кавказ, и те же самые люди (с паспортами России в кармане), которые сегодня требуют от руководства России не вмешиваться в

украинские дела, требовали оставить в покое Чечню. Автору много раз приходилось сталкиваться с такими личностями в Москве.

Казалось бы, вооруженный неонацистский переворот в Киеве кардинально изменил ситуацию. Полуостров был возвращен на «историческую Родину».

А до этого был Харьков. Единственный город на Украине, который поднялся против майдана сразу же. В то время, когда все те, кого называли «пророссийскими политиками», позорно бежали из Харькова в Россию, горожане в ночь на 23 февраля били бандеровцев. Большую часть из нескольких тысяч разогнали, меньшую городские власти приютили в здании облсовета и защитили батальоном милиции в полном снаряжении.

Всю следующую неделю бандеровцы хвастались, что захватили облсовет. И вплоть до 1 марта 2014 года поездами из Киева и Львова к ним ехало подкрепление. В шлемах и с ледорубами, с травматическими пистолетами и китайскими фейерверками.

А 1 марта безоружные харьковчане, возмущенные предательством губернатора Добкина и мэра Кернеса, призывавшего не изгнать бандеровцев, а сыграть с этими «немного фашистами» (дословно сказанное Кернесом 1 марта) в футбол, прорвали заслоны милиции и голыми руками выковыряли неонацистов из облсовета.

Пришедшие на мирный митинг люди хватали все, что в них летело из-за щитов милиции и таких же щитов нацистов, и с этим шли на штурм. Шли на струи из включенной пожарной системы, на факелы и ракеты фейерверков, на пули «травматов» и ледорубов, на саперные лопатки и бейсбольные биты.

И победили. В единственном тогда городе Украины. Потом был и штурм горсовета, бескровный и успешный, и второй штурм облсовета 6 апреля, занявший минут 10 от силы. Автор этих строк участвовал во всех этих схватках, даже организовывал и пытался координировать протест как соучредитель движения «Великая Русь» — так что описываю происходившее не с чужих слов.

Сегодня, спустя два года после тех событий, мой товарищ по борьбе, гражданин России из Екатеринбурга, прислал комментарий в блог «Великая Русь»:

«Виноваты все жители Украины в том, что сидя у своих телевизоров, попивая пивко и закусывая шматком сала, ничего не сделали:

1. Для разгона майдана в ноябре 2013 г. — феврале 2014 г.
2. Допустили государственный переворот 22 февраля 2014 г.

3. Подчинились пришедшим к власти бандеровцам.

4. Не пришли на призыв считанным единицам защитников прав русскоязычного населения, поднявшимся на защиту таких городов как Харьков, Николаев, Днепропетровск, Одесса, Херсон.

5. Отправляли своих сыновей и сами отправлялись на убийство жителей Донбасса.

Я постоянно пишу про преступное бездействие всех жителей Украины.

Не Россия должна, а само население Украины должно было еще три года назад не допустить нацистского беспредела в своем государстве».

Обычная реакция заядлого болельщика: «Да я же за вас болел, уроды! Такой матч проиграли. Всё, больше ни рубля на вас не поставлю — это же вообще договорняк какой-то. Теперь буду только за Донбасс болеть».

Добрыми намерениями выслана дорога в ад. У нас началась настоящая война, и нужны нам были весной 2014 года не деньги. А оружие и реальная помощь квалифицированными офицерами. Но восставшему Харькову не помогли. Да, Харьков до мая успешно отвлекал на себя силы Киева, перекрывал дорогу на Луганск, отправлял конвои в Славянск. Харьков даже в конце августа выходил на многотысячные демонстрации против хунты. Выходил поддерживать своих в Донбассе, когда убивали и за меньшее.

И потом выходить пытались. И на первые патрули из неонацистских батальонов нападали на улицах. Не было только одного — поддержки. Тысячи харьковчан оставили семьи и с благословения родных поехали воевать в Донбасс. Мне пришлось бывать во многих батальонах ополчения — и повсюду около половины личного состава и в сентябре 2014-го, и весной 2015-го было из других регионов Украины. И из России. И даже из других государств.

Сегодняшнюю территорию ЛНР и ДНР отстаивали и защищали все вместе — люди со всех уголков Украины. Точно так же, как помогали возвращению Крыма тоже люди отовсюду. Но надо сказать правду — без поддержки России, без «вежливых людей» в Крыму и «Северного ветра» в Донбассе мы бы не отстаивали эти территории.

Просто потому, что силы были неравны изначально. За спиной Киева стояли готовившиеся десятки лет боевики. Их готовили в лагерях на Западной Украине, прежде всего в Галиции, и при Кучме, и при Януковиче. Власти знали о боевиках УНА-УНСО, знали о лагерях, знали о том, что бандеровцы воевали в Чечне. И не просто закрывали глаза — помога-

ли. Сомневающиеся могут вспомнить побоище во Львове 9 мая 2010 года — при Януковиче.

А ведь украинские власти были всего лишь послушными марионетками. В неонацистский переворот и подготовку убийц были вложены миллиарды. О чём с гордостью говорили американские чиновники. Вся мощь западных спецслужб, инструкторы, специалисты по подавлению акций гражданского неповиновения, по изоляции и ликвидации активистов и организаторов, спецсредства и аппаратура... И тысячи тех самых офицеров-направленцев, которых так не хватало нам в Харькове.

Так что спасибо России за те 18—20 тыс. кв. км нашей земли, которую удалось отстоять. И за Крым, в котором без помощи России всё бы залили кровью. Большое и искреннее человеческое спасибо.

Что до внезапно изменившихся взглядов моего знакомого и многих подобных людей, то я прекрасно понимаю, как тяжело бороться годами. Невзирая ни на что. Делать все, что можешь, даже если можешь мало. Да, надеясь на лучшее, но готовясь к худшему.

Моему же слабохарактерному товарищу я могу сказать только одно — судить нас имеет право только тот, кто плечом к плечу шел на штурм. Те, кто с оружием в руках защищал Донбасс. Кто рисковал жизнью в Крыму, еще понятия не имея, получится или нет. Те, кто болел за нас в безопасности и теперь разочаровался — «болельщики», которые в своем разочаровании стали на те же позиции, что и киевские марионетки: «Россия, не вмешивайся!»

Дорогой мой русский товарищ. Россия не может не вмешиваться. Даже если ты и тебе подобные соберут миллион подписей под требованием не вмешиваться и не помогать антифашистскому движению, ограничиться только помощью ЛНР и ДНР, вас не послушают. Не послушают именно потому, что русские своих бросать не должны. Вы предпочли «забыть», что кроме бандеровцев и тех, кто смирился с их властью, очень многие не смирились. Не смирились те, кто сегодня сидит в тюрьмах (а таких в одном Харькове более тысячи). Не смирились родные и близкие тех, кто с оружием (или без) защищает Донбасс. Не смирились подпольщики, которые выжили только потому, что не получали денег из России, не писали о себе в соцсетях и не хвастаются об этом ныне. Этих людей очень много. Да, они не могут выйти с открытым протестом. А у многих просто нет сил — это пенсионеры, миллионы пенсионеров, которые строили и защищали нашу общую Родину. Это и 8 млн. малолетних детей, которые ни в чем не виноваты.

В своем разочаровании вы предпочли всех этих людей записать в предатели. Предпочли призывать руководство России не вмешиваться. Мол, пусть всё идет, как идет. И через несколько десятилетий на более чем полумиллионе кв. км бывшей русской земли будет воспитано 30 млн. ненавидящих Россию нацистов. Всех иных или пересажают, или убьют, или в лучшем случае вышлют — опыт Прибалтики покажется раем.

Будет воспитана та самая армия для войны с Россией, армия, которой Западу не жалко. Это же унтерменши, т.е. русские, воспитанные укронацистами. Их никому не будет жалко. И не примут Украину ни в ЕС, ни в НАТО. «Правильно воспитанных» русских укронацистов вооружат и обучат. И пошлют воевать с Россией, раз уж Россия не вмешивалась.

Сначала эта армия устроит бойню в Донбассе, потом в Крыму. И это будет одна сплошная нескончаемая бойня. Бойня, в которой западные кукловоды вовсе не ожидают победы своих марионеток. Зачем? Важно истощить Россию в бессмысленной войне. Порошенко именно для этого и поставлен.

Сегодня Россия могла бы еще ее избежать. Но внутри России слишком много тех, кто не желает вмешиваться. И потому политика невмешательства ведет прямой дорогой к будущей кровопролитной войне. Потому что Запад свое вмешательство никогда не остановит.

ПОГУБЛЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ РОССИИ

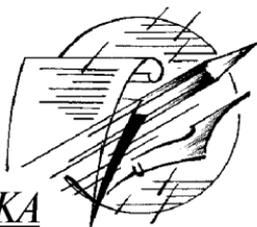
На фоне страшной авиакатастрофы в Ростове-на-Дону, где потерпел крушение лайнер американского производства «Боинг-737-800», становится всё более очевидным тот факт, что необходимо возродить отечественный авиапром, так как трагические последствия его упадка уже проявляются в полной мере.

Советская авиапромышленность в своё время выпускала отличные самолёты, которые пользовались (и пользуются) популярностью у российских пассажиров. Однако гражданский авиапром России переживает жестокий кризис: крупных заказов на новые лайнеры нет до сих пор.

В данной статье ставится цель показать некоторые образцы гражданской авиатехники, которые могли бы после глубокой модернизации успешно эксплуатироваться ещё долгие годы.

Ту-154

Пожалуй, ни один пассажирский самолёт не имеет такой популярности, как Ту-154. Он является своего рода долгожителем среди авиалайнеров: легендарный «Туполев» начал эксплуатироваться

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

с февраля 1972 года. Именно Ту-154 принёс советской авиапромышленности заслуженную славу: его до сих пор эксплуатируют некоторые страны Средней Азии, Иран, Словакия, Китай, КНДР. Сказать, что Ту-154 надёжный самолёт, значит ничего не сказать. И поэтому было бы уместно упомянуть, что самолёту-легенде ещё летать и летать.

В 1984 году была создана новая удачная модификация — Ту-154М с новыми, более экономичными двигателями Д-30КУ-154, улучшенной механизацией крыла и увеличенным ресурсом планёра. Так как Россия является страной с суровым климатом, то Ту-154М был необходим гражданской авиации. Но западные конкуренты увидели в нём опасного соперника.

Ту-154М — один из самых надёжных самолётов: имея три двигателя, лайнер в случае отказа одного из них может продолжать полёт до пункта назначения без каких-либо последствий. Кроме того, технические возможности самолёта позволяют выполнять посадку всего лишь на одном работающем двигателе.

Также Ту-154 имеет ещё одно конструктивное преимущество — высокорасположенные двигатели (эта аэродинамическая схема отлично зарекомендовала себя на Ту-134, Ил-62, Як-42), что существенно минимизирует риск попадания в воздухозаборники посторонних предметов.

Ныне Ту-154М далеко ушёл в своём развитии от исходной модели. Конечно, «Туполев» проигрывает западным машинам по экономичности двигателей. Однако по прочности конструкции, надёжности, скоростным характеристикам самолёт-легенда превосходит иностранные лайнеры.

А чего стоила новая модификация Ту-154М-100! Самолёт получил новые интерьеры, в наличии имелись индивидуальные аудио- и видеосистемы, был увеличен шаг кресел; пилотская кабина была оснащена западной авионикой «Litton», в том числе обновлённой системой спутниковой навигации, новым метеорадаром «Контур-10» вместо обычной «Грозы». Проведённая модернизация позволила снизить массу пустого самолёта на 500 кг. Ещё в 1998 году в авиакомпанию «Словацкие Авиалинии» было поставлено три Ту-154М-100, в 2003 году они были реимпортированы авиакомпанией «Пулково» и летали до ноября 2009 года в ГТК «Россия». Однако в августе 2013 года Ту-154М-100 постигла печальная судьба: они были порезаны на металлолом.

Разумеется, если бы не последствия экономического коллапса 1990-х годов, Ту-154М, возможно, подошёл бы к пла-

новому списанию. Но простой авиапарк привёл к тому, что самолёты данного типа выработали лишь половину ресурса.

О надёжности и прочности лайнера красноречиво показывают несколько инцидентов. Так, 7 сентября 2010 года экипаж Ту-154М авиакомпании «Алроса» смог совершить посадку на непригодную для самолётов этого типа взлётно-посадочную полосу в Ижме без светосигнального оборудования и приводных радиостанций. После посадки Ту-154М выкатился за пределы давно выведенной из эксплуатации полосы. Никто из девяти членов экипажа и 72 пассажиров не пострадал. Как признали эксперты, ни один западный лайнер не сумел бы совершить подобную посадку. После ремонта самолёт-легенда и сегодня эксплуатируется на авиалиниях.

Ещё одно происшествие с участием Ту-154М до сих пор упорно замалчивается мировыми СМИ. Так, 26 сентября 2006 года в аэропорту «Манас» (Киргизия) столкнулись взлетавший Ту-154М и загоревшийся ему взлётную полосу американский заправщик KC-135. При столкновении «американец» тут же загорелся и после пожара восстановлению не подлежал. А легендарный «Туполев» лишился части плоскости крыла и сумел благополучно сесть на аэродром.

В настоящее время Ту-154М эксплуатируется лишь в двух российских авиакомпаниях — «Алроса» (два лайнера) и «Газпром авиа» (три самолёта). Однако, учитывая сильные позиции прозападного лобби, скорее всего и эти машины будут скоро отправлены на металлолом...

Ту-154 — истинно российский самолёт-труженик с широкой сферой применения. Это уникальная машина, представляющая собой целые страницы истории нашей авиации — причём лучшего её периода, несмотря на все тяготы и издержки.

Ил-96

Дальнемагистральный лайнер Ил-96 является дальнейшим развитием Ил-86 и создавался как замена самолёту Ил-62. Уже в сентябре 1988 года начались испытания Ил-96-300, которые показали его отличные лётно-технические характеристики. Однако распад Советского Союза не дал возможности начать его полноценную эксплуатацию. Мелкосерийное производство Ил-96 началось лишь в 1993 году. Надёжность нового «Ила» поистине уникальна — за всё время его эксплуатации не было потеряно ни одного самолёта!

Однако и на этом актуальная тема развития программы Ил-96 далеко не исчерпывается. Благодаря энтузиазму кол-

лектива ОКБ им. С.В. Ильюшина, в 2000 году была создана новая модификация лайнера — Ил-96-400 с двигателями ПС-90А-1 тягой 17400 кгс и обновлённым бортовым оборудованием. Фюзеляж был «позаимствован» у Ил-96М. Максимальная взлётная масса составляет 270 тонн, полезная нагрузка — 58 тонн. Максимальная пассажиропместимость Ил-96-400 составила 435 человек (Ил-96-300 берёт на борт 300 пассажиров). Максимальная дальность полёта увеличена до 13 тыс. км. (Ил-96-300 преодолевает расстояние в 9800 км.).

Однако, несмотря на превосходные лётные данные Ил-96, ещё в 2009 году тогдашний министр промышленности и торговли Виктор Христенко принял губительное решение о снятии с производства отечественных самолётов, чтобы дать «зелёный свет» импорту американских лайнеров «Боинг-777». Более того, 1 апреля 2014 года с подачи гендиректора авиакомпании «Аэрофлот» Виталия Савельева Ил-96-300 были выведены из эксплуатации (на сегодняшний день Ил-96 различных модификаций числятся в кубинской компании «Кубана Авиасьон» и в Специальном Лётном Отряде «Россия», перевозящем высокопоставленных чиновников).

Як-42

Як-42 создавался как замена самолётам Ту-134 и Ил-18. Уникальность проекта состояла в том, что ОКБ А.С. Яковлева впервые разработало новый среднемагистральный пассажирский самолёт (конструкторское бюро специализировалось, в основном, на производстве учебных и спортивных машин, а также истребителей).

После доработок Як-42 пошёл в серию с новым крылом со стреловидностью 23° в конце 1980 года. Производство Як-42 стало очередным шагом вперёд в советском авиастроении: было уделено особое внимание сочетанию таких противоречивых характеристик, как возможность эксплуатации со слабоподготовленных аэродромов, высокая топливная эффективность и высокая крейсерская скорость.

В 1988 году началось производство более совершенной модификации — Як-42Д с увеличенной дальностью и увеличенным максимальным взлётным весом. Этому непривлекательному, экономичному лайнеру ещё бы долго летать, однако в 2003 году серийное производство Як-42Д было прекращено. И здесь необходимо перечислить сильные стороны самолёта, которые до сих пор не оценены:

— Высокая степень двухконтурности двигателей Д-36;

— Двигатели отличаются надёжностью, большим ресурсом и высокой экономичностью — 0,65 кг/ч на взлётном режиме и 0,35 кг/ч — на крейсерском;

— Низкого уровня шума двигателей Д-36 удалось достигнуть благодаря внутренним особым шумопоглощающим устройствам на мотогондолах — многослойных перфорированных вставках, сделанных из металла и стеклопластика. По уровню шума Д-36 и сейчас отвечает самым жёстким требованиям международных стандартов;

— Кроме того, двигатели Д-36 почти бездымны;

— Бортовой трап, применённый на самолёте, сделал ненужными наземные трапы, которые на аэродромах 3-го класса не предусмотрены по штату; при этом значительно увеличивается автономность лайнера;

— Як-42Д — уникальный по надёжности лайнер, который по своей простоте конструкции и надёжности превосходит «Боинги» и «Аэробусы». Известен случай, произошедший в одном из казахских аэропортов. При заходе на посадку в условиях сильной болтанки и бокового ветра, экипаж с опозданием начал манёвр ухода на второй круг. Так как ветровые условия не изменились, командир принял решение об уходе на запасной аэродром. Каково же было изумление техников, да и самих пилотов, когда после посадки в аэропорту Беслана они увидели деформированную законцовку плоскости крыла: при развороте с сильным креном Як-42Д зацепил крылом землю...

В 1990 году была разработана модернизированная версия самолёта — Як-42М с тремя двигателями Д-436М тягой по 7500 кгс, новым цифровым пилотажно-навигационным комплексом, унифицированным с аналогичными комплексами оборудования лайнеров Ил-114 и Ту-204. Пассажировместимость увеличена до 156 человек, перегоночная дальность Як-42М составила 5 тыс. км.

Серийное производство обновлённого лайнера планировалось развернуть на Саратовском авиазаводе, однако из-за отсутствия финансирования эти планы так и не осуществились. Правда, Як-42Д повезло больше: в России пока эксплуатируются чуть больше 30 машин этого типа («Саратовские авиалинии» имеют в своём составе семь самолётов, «Ижавиа» — семь лайнеров, «Грозный Авиа» — девять машин, «КрасАвиа» — восемь самолётов; также эксплуатируют Як-42Д и более мелкие авиакомпании).

В заключение статьи необходимо отметить ещё несколько лайнеров, попавших в трясину экономического коллапса. Так, Ан-148 до сих пор ограниченно используется на регио-

нальных и ближнемагистральных авиатрассах (эксплуатируется в авиакомпании «Ангара»), хотя по лётно-техническим характеристикам Ан-148 превосходит бразильские и канадские аналоги. О желании приобрести новый самолёт заявляли не только российские авиакомпании, но и Сирия, Индия, Мьянма, Бангладеш и ряд других стран. Однако эту нишу занял самолет «Суперджет-100», 85% систем и узлов которого изготавливается за рубежом.

Кроме того, несмотря на отличные лётные данные, до сих пор не может пробить себе путь в небо Ту-204СМ. Эта уникальная машина, совершившая свой первый полёт ещё в декабре 2010 года, могла бы не только заменить более старые лайнеры, но и составить успешную конкуренцию западным самолётам.

В СССР авиационная промышленность функционировала очень хорошо, и этим объясняется то, что наши самолёты имеют огромный запас прочности. Однако «Туполевы» и «Ильюшины», «Яковлевы» и «Антоновы» подвергаются беспощадному уничтожению.

Воспользовавшись экономическим коллапсом в России, западные дельцы сделали всё, чтобы убить наш авиапром. И, как ни прискорбно, им это почти удалось.

Совершенно очевидно, что гражданская авиация — это стратегическая отрасль России. Это не просто вопрос безопасности миллионов людей, в современном мире это условие промышленного и технологического развития, и даже в некотором смысле территориальной целостности нашей страны.

Чтобы возродить отечественный авиапром, нужны срочные меры. Вот некоторые из них:

— Воссоздать Министерство авиационной промышленности и Министерство гражданской авиации;

— Провести национализацию авиапредприятий; ввести государственное планирование экономикой;

— Предоставить авиазаводам программы Госзаказа на крупную серию самолётов Ил-96-400, Ту-214/Ту-204СМ, Ту-334, Ан-148/Ан-158, Ил-114, Ан-140; грамотно составить график производства по годам;

— Сначала снизить, а затем и отказаться от эксплуатации в России самолётов и вертолётов иностранного производства;

— Начать строительство новых аэродромов и модернизировать старые.

Но, к сожалению, в наше время главным для авиационных менеджеров является получение прибыли любой ценой в ущерб безопасности полётов. А жизнь человеческая для них стоит недорого...

ПРЕДЗАКАТНЫЙ СВЕТ

РАССКАЗ

Ноябрь стоял теплый, казалось, в Сочи вернулась весна. Среди травы проклюнулись крокусы, садовники рассажили на клумбы рассаду анютиных глазок, петунии, а на склоне горы, на которой стояли корпуса военного санатория, среди зарослей субтропической зелени с раннего утра слышалось пение птиц. И только эвкалипты, прозванные в народе «бесстыдницами», шелестели пожухлыми листьями, среди которых проступали обнаженные, напоминающие женское тело, стволы.

Полковника в отставке Азарова разместили в одноместном номере с просторной лоджией, откуда было видно море. Он отказался от всех процедур, предпочитая прогулки по санаторному дендропарку, после обеда до сумерек сидел в плетеном кресле на лоджии. Море у горизонта становилось то густо-синим, то серебристым, возникали и исчезали подсвеченные солнцем яхты и прогулочные катера, тудяга-буксир тянул за собой баржу — в порту углубляли фарватер. В эти часы Павел Васильевич особенно остро чувствовал одиночество.

ПРОЗА

Санаторий был построен в тридцатые годы минувшего столетия и предназначался для отдыха командиров Красной Армии и их семей. Дороги и дорожки, проложенные среди деревьев, многочисленные лестницы, ярусами уходящие к санаторным корпусам, превосходно вписывались в ландшафт, не нарушая гармонии природы.

Он побывал в этом санатории лет сорок назад. После окончания Артиллерийской академии Азаров получил назначение на космодром в Плесецк. Перед отправкой к новому месту службы ему предстояло отгулять отпуск, и тут подвернулась семейная путевка в военный санаторий. Ни Маша, ни сын Иван никогда не видели моря. После таежного гарнизона и сумрачного Ленинграда курорт на Черном море показался им сказочной страной. Стоял август. С утра набегали тучки, сеял мелкий дождь, но уже часам к десяти небо становилось чистым и неестественно голубым. Никогда прежде Азаров не был так счастлив.

Нынче «сердюковщина» коснулась и этого санатория. Ступеньки лестниц обветшали, по ним было опасно ходить, особенно вечером, парк был плохо освещен, повсюду канавы, рытвины. Фуникулер, ведущий на пляж, не работал, плавательный бассейн обещали открыть, но так и не открыли, на пляж возили автобусами, но и там царило запустение, ни лежаков, ни шезлонгов, редкие купальщики, старики-ветераны, устраивались на обломках досок, выброшенных морем, либо грелись на солнце, лежа на остывшей за ночь гальке.

Азаров, прогуливаясь по санаторному парку, пытался воссоздать картину сорокалетней давности и не мог — там, где он выбежал из нового корпуса по утрам на зарядку, устремляясь вниз, к пляжу, в скалах пробили дорогу, над которой парил ажурный мостик. На вершине пологой горы, за территорией санатория, возник новый район Бытха с многоэтажными домами, магазинами, рынком и церковью с превосходными витражами.

Вся жизнь Павла Васильевича была связана с армией. Его отец, кадровый командир, полковник, во время битвы под Москвой командовал дивизией, был тяжело ранен, его оставили служить в Оперативном управлении Генерального штаба. Жили в казенной квартире на Петровке, в пятьдесят четвертом году отец умер, вслед за ним — и мать. Друзья отца устроили Пашу в Суворовское училище. Затем — артиллерийское командное училище в Ленинграде и служба в Дальневосточном округе.

Воинская часть, куда направили лейтенанта Азарова, располагалась неподалеку от Князе-Волконского села, названного так в честь князя Волконского, участника Амурской экспедиции в середине девятнадцатого столетия. Места дивные, река Сита, тайга, сопки. По весне, когда зацветал багульник, сопки становились сиреневыми, а в конце лета слышно было, как в лесной глуши трубили олени. Лейтенант Азаров, взяв кредит в офицерской кассе взаимопомощи, купил мотоцикл «Урал» с коляской и в свободное время ездил в Князе-Волконское село, где была хорошая библиотека. Была еще одна причина столь частых поездок в село — молодая учительница Маша Урусова. Ах, как хороша она была в ту пору! Стройная, крепкая, волосы русые заплетены в тугую косу, а глаза карие, с восточным разрезом. Мать ее происходила из народа ульчи, издревле населяющего Приамурье, отец — русский, охотник-промысловик. После окончания Хабаровского пединститута Маша вернулась в родное село.

Дом, срубленный из лиственницы, стоял на краю села, за домом огород. Навсегда в памяти Павла Васильевича сохранился терпкий запах сушеных трав, пучки которой висели в кладовой и на кухне. Тещу Азарова в селе считали знахаркой, колдуньей. Науку о травах она передала дочери. Все отпуска Азаровы проводили в приамурских лесах, охота, рыбалка, а когда родился сын Иван, с трех лет стали брать в тайгу и его. Дымное пламя костра, желтый треугольник палатки, россыпи звезд в черном небе. В Маше было нечто от лесной женщины далекого прошлого, она чутьем, без компаса угадывала направление в буреломе, прекрасно стреляла из карабина, знала каждую травинку и могла за несколько минут разжечь костер в проливной дождь. Она быстро привыкла к суровым условиям жизни в Плесецком. Отпуска они по-прежнему проводили в Князе-Волконском селе, пока было к кому приезжать.

Как-то после очередного успешного запуска ракеты Азарова вызвал к себе главком. Грузный, бровастый, он, хмуро глянув на Павла Васильевича, спросил:

- Сколько коньяку можешь выпить?
- Граммов двести.
- Слабак.

Азаров с трудом сдержал улыбку. На одном из совещаний руководящего состава главком с досадой сказал: «Много пьем, товарищи генералы и офицеры. Выпил семьсот граммов коньяку и остановись!»

— Садись, Павел Васильевич. Я тут полистал твое личное дело. Несколько лет ты прослужил в лесном гарнизоне Дальневосточного округа, Плесецк — тоже среди лесов. Не надоело?

— Нет.

— Короче, я тебя забираю в штаб. Квартиру получишь в Одинцово, чтобы всегда был под рукой. Сладкой жизни не жди.

Теперь Азаров мотался по стране, полгода в командировках, не заметил, как вырос сын, окончил университет, стал программистом, женился. Маша, тоскуя по земле, купила в деревне Вырубово, что на исходе Баковки, дом с пятью сотками. А тут грянула перестройка, и всё вокруг встало дыбом, посыпалось.

Рушилась и армия, служить стало в тягость, Азаров подал рапорт на увольнение, новое начальство его не задерживало. В этой суতোлке были и житейские радости — внук Николка, да и с невесткой Наташей повезло — тихая, работающая женщина и вся какая-то светлая.

Кончилось благополучие разом: в автомобиль, в котором ехали сын, Маша и невестка с внуком на Минском шоссе врезался ополоумевший внедорожник, все погибли на месте. Азаров окаменел в горе, неделями не выходил из квартиры, никому не звонил, отстранился от ветеранских дел — тяжело стало смотреть на одряхлевших и всем недовольных бывших сослуживцев. Загородный дом продал, к чему он ему одному? Раз в неделю продукты привозили молодые люди из городского отдела социальной защиты, стирала и убирала в квартире соседка по подъезду — одинокая пожилая женщина, вот и всё общение. Дни тянулись медленно и походили один на другой, как галька в приборной полосе. В последнее время Павел Васильевич стал отмечать за собой странности. Случалось это обычно ближе к вечеру, когда в окна кабинета затекал предзакатный свет, и в зыбком его сиянии возникало одно и то же видение: Маша, Иван, внук и невестка усаживались на старый кожаный диван, улыбались ему, приветливо махали руками. Видение было объемным, не вызывало беспокойства, наоборот, Азаров испытывал теплоту, умиротворение, чего давно не знал, и отступало, пряталось по углам одиночество. Азаров понимал, видение — следствие возрастных изменений, неплохо бы проконсультироваться у психоневролога, но от одной мысли, что видения исчезнут и одиночество вновь подступит, ему делалось нехорошо. Тогда-то и возникла мысль поехать в санаторий, сменить обстановку...

Одним из вечеров, когда в темноте шуршал дождь, Павел Васильевич решил сходить в кино, в клубе санатория шел фильм с занятным названием: «Географ глобус пропил». Фильм ему не понравился, он вообще плохо воспринимал современные фильмы. Зрители как-то быстро схлынули, дождь перестал, но было так темно, что даже под фонарем ступеньки лестницы трудно разглядеть, хорошо Азаров захватил фонарь. Впереди, держась за перила, медленно двигалась женщина, внизу, на мосточке, переброшенном над дорогой, вяло переругивались старички. Женщина повернулась к Азарову и сказала:

— Простите, не могли бы вы осветить, я плохо ориентируюсь в темноте.

— Вам в какой корпус?

— В третий. Кажется, я пошла не в ту сторону. Господи, какая темень.

Павел Васильевич взял женщину под руку, проводил к корпусу, где ее разместили, и забыл о ней, а утром выяснилось, что они сидят за одним столом.

Женщину звали Лидия Николаевна, приехала тремя днями раньше, посадили ее в столовой у входа в кухню, а сегодня по ее просьбе перевели за столик у окна.

— Вы мой спаситель, — сказала Лидия Николаевна. — Правда, я бы ни за что не нашла свой корпус.

— Не преувеличивайте, — сдержанно улыбнулся Азаров.

Соседке по столу было лет шестьдесят, но она еще была хороша собой. Густые, с медовым отливом волосы, чуть тронутые сединой, свежее, без косметики лицо, серые внимательные глаза. Одета она была неброско, но с той изысканной простотой, какую редко встретишь у женщин в военных санаториях.

День стоял теплый, сумрачный, с деревьев капало, море напоминало фольгу, в которую заворачивают шоколад. Остро пахло зеленью и влажной землей.

Часа полтора они гуляли по санаторному дендропарку, потом отправились в Бытху. Лидия Николаевна коротко рассказала о себе: вдова, муж, полковник, военный юрист, умер, единственный сын уехал во Францию, отношения прервались, по профессии она косметолог, свой салон красоты в Москве на Ленинградском проспекте, достаток и пустая, невостребованная жизнь.

— А внуки есть? — спросил Павел Васильевич.

— Нет. А я ведь была в этом санатории в восемьдесят седьмом. Отдыхали с мужем. Он вернулся из Афгана, мы были молоды, и всё было другим. Не следует приезжать в места, где ты был счастлив.

— Пожалуй, — вздохнул Азаров. — Я хочу показать вам церковь, служба идет в нижнем приделе, верхний еще отделяется. Витражи там красивые. Осилите дорогу?

— Конечно.

А на другой день выкатилось солнце и как-то сразу стало жарко. Лидия Николаевна в джинсах, кроссовках и облегающей белой майке была по-девичьи стройна. Автобус с громыханием скатился вниз, к пляжу, галька блестела на солнце, а море было прозрачным и синим. В сумке Лидии Николаевны оказалась бутылка сухого вина, штопор, два тонкостенных бокала и соленые фисташки. Она как-то свободно, по-домашнему разделась, оставшись в красном купальнике. И тело у нее было молодое, без признаков старения.

— Открывайте бутылку, Павел Васильевич.

— А удобно здесь, на пляже?

— Всё удобно, если очень хочется. И давайте выпьем за молодость, которую уже не вернуть. Черт знает, поселили меня во вдовьем приюте, соседка храпит... Ничего, скоро освободится люкс, переберусь туда. Дежурная по корпусу сказала, что рядом с санаторием открылась хинкальная. Сходим?

— Сходим.

Впервые за много лет Азарову было не так одиноко. Море, вино, солнце. А рядом тенью возникала и гасла тревога. Оставшиеся дни пролетели быстро.

Азарову казалось, что это был один яркий, нескончаемый день. Набережная с многочисленными сувенирными лавками, рынок экзотический, южный, уносящиеся в небо башни домов, пестрые толпы туристов. Павел Васильевич как бы утратил волю, подчинившись энергии властной женщины, жил легко, бездумно, так же легко они и простились.

В Подмосковье лежал снег, серый, ноздреватый, в бурых проплешинах, голые березы, черные кляксы ворон и тяжелое дымное небо. Азаров добрался домой на такси уже в сутеми, дом показался ему чужим, а квартира нежилой, мертвой. Он не стал разбирать вещи, ополоснулся под душем и, выпив две рюмки коньяку, долго стоял у окна — там, за окном, теплилась жизнь, загорались и гасли огни, где-то звучала музыка. Всё вроде как обычно, и всё же что-то произошло. С этим смутным чувством он прожил следующий день, медленный, серый, и когда предзакатный свет стал затекать в кабинет, Павел Васильевич с надеждой взглянул на диван, но он так и остался пуст, родные лица не возникли из сумрака, не появились. Он долго сидел в каком-то оцепении, пока пространство кабинета не заполнила тьма.

Видения больше не посещали его. Прошло еще два дня, пустых, безрадостных, наполненных нарастающей тревогой. Несколько раз порывался позвонить Лидии Николаевне — она должна была уже вернуться из Сочи, но наталкивался на холодный, трезвый вопрос: зачем? Он привык к одиночеству. Достаточно памяти о родных людях. Пока жив он, живы и они. И, расхаживая по кабинету, всё косился на кожаный диван. Зазвонил телефон, Павел Васильевич взял трубку:

— Что это вы пропали? — спросила Лидия Николаевна.

— Да, пропал. Простите меня, ради Бога, всё это лишнее...

— Мне больше не звонить? — голос у Лидии Николаевны дрогнул.

— Пожалуй... Еще раз простите. — Азаров вздохнул и положил трубку.

На том месте, где еще недавно висело зимнее солнце, осталась красная полоса, свет от нее на мгновение заполнил кабинет и тотчас погас.

ШОПЛИФТЕР

РАССКАЗ

Для этого дела лучше всего подходит вторая половина дня, время после восемнадцати часов. Когда дневной персонал магазина уходит домой: приёмщицы товара, заведующие отделами, продавцы из штучного отдела, а главное — грузчики с крепкими ручищами и твёрдыми кулаками. Меньше глаз остаётся, наблюдающих за торговым залом. Да и охранник уже устал, нагляделся за день в монитор системы видеонаблюдения. Что толку с того, что камеры по всем углам развешаны. Глаз-то у него всего два, да и те, вон, сидит, трёт: красные, усталые — смотрит, а не видит.

Это всё Пурген знал по личному опыту. Пурген — это, конечно, кличка. А звали его Мишка Порогин. Но «деловому пацану» положено по этикету иметь кличку — для быстроты и так, для конспирации. А конспирация в его «делах» — дело не лишнее. Мишка был шоплифтером профи. Шоплифтинг — это такой способ восстановления справедливости в жизни, по мнению Мишки и его друзей. Приходишь в супермаркет, набиваешь за пазуху и в рукава куртки всякой вкусня-

ПРОЗА

тины и идёшь себе мимо кассы — морда тяпкой, глаза навывкате. Не заплатив, конечно. Теперь такая мода пошла поголовно: ходить в магазин и продукты выносить, не заплатив. Мелюзга, которая в школе учится, даже в стаи сбивается для набегов, чтобы легче было отвлечь там продавщицу, охранника, да и в случае опасности — убежать сподручнее. Но у них, у мелюзги, тут скорее спортивный интерес, кто больше вынесет.

Мишка не из таких. Он — профи. Мишка работает под заказ, берёт не что под руку попадает. Поскольку потом сдаёт краденое в ларёк на рынке. Там Ашот принимает за полценны, деньги сразу, и тут же выставляет на витрину с наценкой. Быстро, удобно и никакой бумажной волокиты. Уважающие себя люди никогда в магазине нужный товар за дорого не возьмут. Лучше пройдутся до рынка к ларьку. А совсем авторитетные даже и заказ делают заранее.

Так что Мишка «крутился» в «системе», в «деловых» кругах, а значит, был в авторитете. И потому ходил на дело каждый день, как на работу. Благо охранники работали сутки — через двое, так что шибко не примелькаешься.

Сегодня, как обычно, дождавшись вечера, надев тёмную невзрачную куртку и блёклую тёмно-серую шапочку, какие надевают все профи, чтобы не бросаться в глаза, Мишка, не спеша, а спешка в этом деле только во вред, потопал к супермаркету.

Войдя в магазин с опущенной головой, опять же из осторожности, чтобы лицо не «светить», Мишка, скосив глаза, оценил обстановку. Тут его ждал не очень приятный сюрприз — охранник за пультом наблюдения сидел новый. Мишка уже изучил повадки всех охранников в этом магазине: у кого какие слабые места в наблюдении, а с кем, в случае чего, и договориться можно. И обычно действовал быстро, ловко и нагло. Теперь же надо было быть осторожнее. Неизвестно ещё, какой этот новый. Может, и разиня, а может — наоборот. Быстро оценив внешний вид наблюдающего, Мишка немного успокоился: «На вид вроде лох». Охранник и впрямь вид имел неслужебный: немолодой, полноватый, с бородой и брюшком. Напоминал скорее Деда Мороза, чем стража порядка.

Но Мишка решил проверить. Лучше пусть засечёт с мелочёвкой, если вдруг зоркий окажется, чем по-крупному сразу на «беседу» в отделение милиции.

Мишка ускорил шаг, чтобы проشمыгнуть мимо камер. На ходу схватил банку пива. Оказавшись в «мёртвой зоне», ко-

тору не захватывали объективы, он, на мгновение притормозив, сунул банку в рукав и опять быстро пошёл к кассе.

Охранник со скучающим видом прогуливался перед выходом. «Кажись, не видел, — мелькнуло у Мишки в голове, — лох». И он с ходу попытался прошмыгнуть мимо небольшой очереди у кассы. Охранник, проявив неожиданную прыть, бросился в его сторону. Мишка отреагировал мгновенно. Он дал задний ход, и, крутанувшись, ловко сбросил банку из рукава в лоток с конфетами. Всё произошло быстро, очень быстро, так, что никто не только не заметил, но даже не отреагировал на Мишкин маневр. И он со спокойным видом повернулся к выходу, но тут же встретился взглядом с охранником. Тот стоял, чуть усмехаясь, протыкая Мишку колющим недобрый взглядом. Мишка покраснел, но, быстро овладев собой, снова полез к выходу. Охранник перегородил ему путь. Мишка поднял на него круглые от наглости глаза.

— Чё за дела?

Охранник бесцеремонно, так чтобы видели присутствующие, похлопал его по рукам и бокам.

— Руки! — возмутился Мишка. — Не имеешь права!

— Твои права пока, птенец, — рот не раскрывать, — сурово ответил охранник, ухватив отворот Мишкиной куртки. — Что, сбросил баночку?

— Какую баночку? — начал было Мишка.

— Помолчи, — перебил его охранник, — и послушай. Я твой портрет запомнил. Придёшь ещё раз, опять обыщу. Каждый раз обыскивать буду.

— Права не имеете, — Мишка попытался вырваться.

— Права твои я тебе уже объяснил. А недоволен, сходи, пожалуйся в милицию, — и он выпустил из крепких пальцев Мишкину куртку.

Ещё раз нагло улыбнувшись в лицо охраннику, он с независимым видом вышел из магазина. «Подумаешь, — хорохорился Мишка, — да плевал я на тебя...» На самом деле Мишка был уязвлён. Во-первых — «спалился, как чайник», во-вторых — теперь в этом маркете надо ориентироваться на график работы охраны, раз в три дня «лифтить» в другом магазине либо работать в паре с кем-нибудь, а это конец независимости, да ещё делиться надо... «Плевать, — решил Мишка, — и к этому подход найдётся». Но через два дня пошёл «лифтить» в другой магазин.

Так продолжалось недели две. Один из дней у Мишки выдался совсем удачным: он скинул Ашоту четыре палки дорогой сырокопчёной колбасы, а тот, рассчитавшись с ним, дал

ему ещё денег и две «закладки» с телефонами клиентов. Это был дополнительный заработок, причём неплохой. Мишка брал у Ашота пакетики с курительными смесями, делал в удобном месте закладки и сообщал заказчикам по телефону место с подробным описанием. За это Ашот платил отдельно.

Под вечер, ощущая приятный хруст купюр в кармане, Мишка не спеша тащился к месту тусовки шоплифтеров послушать про подвиги других, рассказать про свои. Место это было между супермаркетом и ночным клубом. Здесь росли два дерева: одно как обычно — вверх, а второе, в силу неизвестных причин, от самого корня стелилось по земле, а потом только устремлялось вслед первому, образуя естественную скамью, которую использовали любители отдохнуть на природе. Народ уже был в сборе. «Пацаны» пили пиво и над чем-то ржали.

— О, Пурген, здорово! — раздались возгласы, когда Мишка подошёл к тусовке.

— А ты чего пустой? Без пива. Попалился, что ли? — народ нестройно заржал.

— Я по делам бегал, — смутился Мишка. — Пива? Сейчас будет. — И он рванулся к двери супермаркета, даже не сообщив, какой теперь день.

За пультом охраны было пусто. «Неплохо для начала», решил Мишка. Он прошмыгнул в отдел напитков, там тоже никого не наблюдалось. Мишка не спеша выбрал пиво и, протянув руку, схватил банку. В ту же минуту он почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернув голову, увидел того самого охранника с бородой. Мишка повертел банку в руках, делая вид, что смотрит дату изготовления, и вернул товар на полку.

— Что, расхотелось? — усмехнулся охранник.

— А тебе какое дело?

— Не тебе, а вам, — поправил охранник. — И воровать не дам.

— Ты докажи! — вспылил Мишка. — Не пойман — не вор!

— Вор! — уверенно подтвердил охранник. Он придвинулся ближе и, глядя в Мишкины глаза, добавил. — У тебя «вор» на лбу написано. Пока не очень заметно, но со временем будет видно за километр. Даже со спины будет видно, что ты, паренёк, вор.

— А ты сам что? — не выдержал Мишка. — Ты кто такой? Шавка хозяйская. Чужое добро охраняешь? А на кого ты работаешь? На того, кто тебя же обобрал. Ты же раб, холуй!

Охранник не обиделся, усмехнулся только.

— А ты, стало быть, восстанавливаешь справедливость? Сэр Робин Гуд местный? Оправдываешь своё воровство?

— Да вы бараны! — зашипел злобно Мишка. — Вас стригут, жарят, а вы ещё прислуживаете им, как собаки, бабки ихние стережёте! За что? За подачку?

Другой бы на его слова обиделся, а то и по челюсти съездил. Но охранник снова насмешливо улыбнулся.

— Да ты, парнишка, философ. Прямо Карл Маркс: «Экспроприируешь экспроприаторов». Если, по-твоему, всеми богатствами владеют жулики и воры, и ты у них что-нибудь слямзишь, то прав будешь? А чем же ты от них отличаешься?

— Да я своё беру, понимаешь, моё, то, что они себе захапали!

— А ты кем же работаешь? — неожиданно спросил охранник.

Мишка почему-то смутился, но потом бросил с вызовом.

— Да уж не рабом, а сам на себя. Есть работа.

— Понятно, — опять усмехнулся охранник. — Значит, не у станка стоишь. Материальных благ не производишь. Так откуда же они твои? Что ты такое созидаеть, чтобы иметь право на кусок хлеба?

— Свободу!

— Свободу?

— Да. Я сам себе хозяин. А не как вы — в стаде!

— Значит, ты человеческое сосуществование, сотрудничество, сообщество стадом считаешь?

— Стадом!

— А свою позицию свободой?

— Да, свободой!

— Хорошо, — охранник погладил бороду. — В таком случае — ты абсолютно свободен, в том числе и от производимого обществом продукта. Предлагаю тебе насладиться истинной свободой. Но только за стенами стадной кормушки, — и он указал рукой на выход.

Изображая гордую независимость, Мишка вышел из торгового зала. Но, подойдя к стеклянной двери, увидел сквозь неё дружков-шоплифтеров. Как выйти из магазина с пустыми руками? Того, что у него полные карманы денег и пива он может купить хоть целый ящик, Мишка почему-то не сообразил. В двадцати шагах от магазина была дверь ночного клуба. Видя, что пацаны заняты разговорами и пивом, Мишка незаметно проскочил вдоль стены и скрылся за дверью клуба.

Очереди не было. Народ уже тусовался вовсю. Заплатив за вход, Мишка вошёл в зал. На танцполе несколько групп извивались под какой-то замурдённый сбивающийся ритм.

Некоторые, натанцевавшись, сидели у стойки бара, пили пиво и сосали энергетики. Пахло табаком и коноплей вперемешку с ещё какой-то дурью. «Спайсы, — мелькнуло в голове у Мишки. — Может, и мои». В туалете возле одной из раковин, в луже блевотины, полусидел паренёк, с раскрашенными голубыми волосами, в узких джинсах со свисающей мотнёй, в лёгком, ярком, облёванном свитерочке. Парень, не шевелясь, тупо смотрел перед собой широко раскрытыми глазами. Неестественной формы узкие вертикальные зрачки выдавали его состояние. «Обкурился», криво усмехнулся Мишка, безглаголиво обходя любителя кайфа.

Повода для веселья Мишка не находил. Вернувшись в зал, он пробрался в самый дальний, тёмный угол. Здесь, на диванчике, в одиночестве сидела девушка. Мишка, даже не успев понять почему, решил, что девушка совсем необычная. Это потом он рассмотрел, что на ней действительно необычное для такого случая платье — длинное, в каких-то воланчиках-рюшечках, или как там всё это называется. В таких в ночные клубы не ходили, да и вообще сюда в платьях не ходили девчонки. Разве что в совсем коротких и узких, но в сравнении с этим их и платьем не назовёшь. Мишка даже попытался вспомнить, а видел ли он на девчонках, вообще, такие платья? И волосы у неё были непривычно длинные, собраны на затылке в большой узел. Девушка смотрела на происходящее огромными глазами, через очки, отчего глаза её казались ещё больше, и Мишка подумал почему-то, что они голубые. Обычно в таких ситуациях Мишка бесцеремонно плюхался рядом, узнавал, пришла ли герла одна или с парнем. Если одна — можно было сразу положить ей руку на талию или обнять за плечи, предложить выпить. Если девушка оказывалась покладистой, то вечер мог быть весьма продолжительным и разнообразным. Если же начинала брыкаться и набивать цену, Мишка вскакивал и шёл искать поговорчивее.

Теперь же он вдруг почувствовал, что не может вот так взять и усесться рядом без всякой причины. Не зная, что в таких случаях делать, он неожиданно для самого себя спросил:

— Тут не занято?

— Нет, — ответила девушка, глядя на Мишку, как ему показалось, испуганно.

Мишка присел, осторожно косясь на соседку и тайно рассматривая её. Была она какая-то несовременная, не как все. Но Мишке нравилась её внешность. Он привык, что девчонки — это, в общем, друзья, как и пацаны, только со своими особенностями, которые вместе с пивом и сигаретами могут

тоже доставлять удовольствие. Тут же он ощутил нечто другое, трудно выражаемое словами. Чувство это было не такое, как всегда, а исходящее изнутри — намного выше пояса. И оно и не ударило в голову, как коктейль из рома с ликёром, а оставалось где-то на уровне груди.

— А вы почему не танцуете? — странно-сиплым голосом спросил Мишка.

— Не знаю, — пожала плечами девушка, — я как-то так не умею. Да и не хочется.

— А зачем же пришли?

— А меня сестра затащила, чтобы я между экзаменами развеялась.

Она говорила совсем просто, естественно, без гримас и ужимок, с какими обычно общаются девушки, знакомые Мишки. Виногато взглянула на него.

— Я бы лучше сейчас прогулялась немного.

— Могу проводить, — обрадовался Мишка.

— Ой! — улыбнулась девушка. — А я тут не так далеко живу, минут пятнадцать ходу. Я сейчас, только сестру предупрежу.

Она достала айфон, шлёпнула несколько раз пальчиком по экрану и что-то быстро кому-то сообщила.

— Как тебя зовут, — спросила девушка, когда они вышли на воздух. Мишка сказал. — А меня Олеся.

— Олеся? Странное имя.

— Ничего не странное. Белорусское. В честь бабушки. У меня бабушка из Белоруссии, приехала сюда давно, во время войны.

Ночь была совсем светлая, и Мишка увидел, что глаза у Олеси действительно голубые. То ли после ночного клуба, то ли ещё по какой-то причине, но ему казалось теперь, что воздух особенно свежий, чистый и лёгкий. А от Олеси, казалось Мишке, исходит чудесный свежий запах: цветов или трав. А может, этот аромат испускала за день нагретая солнцем растительность? Он шёл и слушал, и только коротко отвечал, и ему было хорошо. Не только от того, что он не мастер был рассказывать, да и тем таких у него не было на этот случай, а просто — шёл и слушал, и было очень хорошо. И голос у его собеседницы не такой, как у его знакомых девчонок — с хрипотцой от курения и пива, а лёгкий, звонкий, прозрачный. И интонации совсем другие — мелодичные, улыбчивые.

— Ну вот и наш подъезд, — сказала Олеся. — Мне, к сожалению, пора уже. Завтра сажусь за конспекты. — Она сде-

лала паузу, немного подумала. — А знаешь, заходи к нам завтра в шесть часов? Гулять меня мама, конечно, не отпустит, у нас с ней договор, что пока третий курс не окончу — домой не позднее шести часов. Сегодня едва отпустила, только потому, что с сестрой.

— И долго тебе ещё режим соблюдать?

— Два года. Но ты заходи, поболтаем, чаю попьём? — Мишка утвердительно кивнул. — Дай твой айфон, я запишу свой номер. — И она своими пальчиками занесла номер в память.

В жизни Мишки Порогина произошло нечто необычное. Встреча с Олесей выбила его из обычного ритма и вывела из привычного состояния.

Мишка жил вдвоём с матерью. Куда девался отец и был ли он когда-то? С точки зрения биологической науки — без отца дело не обошлось, а вот кто он и куда исчез — для Мишки оставалось загадкой, которую он с возрастом хотел разгадать всё меньше. Мать днём работала на заводе. Утром уходила, когда Мишка ещё спал, вечером приходила и ложилась спать, чаще всего, не дождавшись сына. Так неделями порой и не видели друг друга толком, общались через записки да короткие фразы на бегу.

Повзрослев, особых забот матери Мишка не доставлял: денег не просил, питался самостоятельно — дома, в основном, только завтракал да и то не всегда, иногда приносил продукты. Одевался сам. Разве что вот одежонку его постирнуть требовалось, так и тут они машинкой обзавелись.

И Мишка считал свою жизнь вполне удавшейся, потому что свобода и независимость составляли главнейшую для него ценность. Возможность быть самому себе хозяином — ты никому ничего не должен и тебе на всех плевать. С кем хочю, с тем общаюсь, а надоело — развернулся и пошёл. Жизнь, короче говоря, удалась. И когда кто-то спяну или из сентиментальности что-то там бубнил про счастье, а хрен ли вам надо, думал Мишка. Вот я живу в удовольствии. Ну, можно денег подкопить, купить тачку, ну, шмотки подороже, модные... С другой стороны, тачка — это заботы: страховки, техосмотры, запчасти. Не, гуляй пока молодой!

Жизнь свою Мишка считал правильной и умной. Но часто ночью, возвращаясь с тусовок, покачиваясь от выпитого спиртного или просыпаясь утром в незнакомой постели с очередной герлой, Мишку вдруг охватывала непонятная тоска, доходящая порой до злости на всё человечество. «Неужто

это «счастье» на всю жизнь? — думал Мишка, с горечью глядя в потолок или тащась по улицам неизвестно куда. — Ну, нет, лучше уж к тридцати годам повеситься. И как только другие живут? Им-то ведь куда хреннее: заботы, обязанности, чуть свет — на работу. Мрак». Больше всего Мишку злило, что люди вокруг как-то спокойненько всё переносят, да ещё и радуются. Женятся — веселятся. Детей рожают — смеются. «Наражают, на горб себе посадят, а потом тянут их всю жизнь, копейки считают. Целый год на отпуск копят, всю жизнь — на квартиру. И морды довольные — бараны! Работают как заведённые, делают — всё что положено, будто по программе. Тоска, скука, стадная жизнь».

На следующий день Мишка с самого утра готовился к походу в гости. Он перевернул весь свой гардероб и пришёл к неутешительному выводу, что имеющаяся у него одежда для такого случая не подходит. Все его пожитки выглядели профессионально тускло и невыразительно, что было вполне резонно для подобного образа жизни. Он даже на тусовки и в ночной клуб таскался в блёклом виде, поскольку его профессиональные навыки могли быть востребованы в любое время суток, да и его образ жизни подразумевал скорее незаметность, чем яркую, легко запоминающуюся внешность.

Пришлось доставать заначку и тащиться по магазинам в поисках подходящего облачения. Не найдя подходящих джинсов, в которых бы он больше походил на приличного юношу, Мишка впервые приобрёл брюки. К брюкам пришлось покупать лёгкую куртку. Он только не додумал, что к такому наряду хороши были бы туфли, которых у него не водилось. Он понял это, только облачась дома в обновки, и с разочарованием в собственной сообразительности, со вздохом напялил кроссовки.

Измучившая в последние дни банной духотой и серостью, погода неожиданно одарила солнцем. И этот солнечный свет, разорвавший хмурые удушливые будни, воспринимался как символ новой яркой жизни, начало которой было уже положено.

Возле двери дома, где жила Олеся, Мишка оказался ровно в шесть. Он с волнением услышал её голос из динамика домофона, и потом она сама открыла ему дверь и впустила в прихожую. Следом показалась её мама. Взглянув на неё, Мишка почему-то вспомнил строгую классную руководительницу.

— Елена Павловна, — представилась мама. — Олеся, займи гостя, а я пока накрою на стол.

Мишка надел предложенные ему тапочки и прошёл за Олесей в её комнату. Здесь, вдоль всех стен стояли шкафы с книгами, и только у окна был небольшой письменный стол.

— Вот, — улыбнулась Олеся, — я живу в библиотеке. А ты любишь читать?

— Детективы, — соврал Мишка.

— А... А я вот классику читаю.

— Ну и как?

— Сейчас заканчиваю «Братьев Карамазовых».

— Интересно?

— Мыслей много. Ты знаешь, мне кажется, я поняла. Поняла, кто такие революционеры!

— Как это?

— Ну, понимаешь, это люди которые не хотят жить по общим законам, не принимают принцип жизни, а хотят переделать всё под себя, как им удобно, или как им кажется справедливо.

— А разве жизнь справедливая?

— А кому решать?

— Тем, кто живёт.

— А ты что предлагаешь?

— А всем по справедливости.

— Это как?

— Ну, — Мишка задумался, — всем поровну!

— А кто делить станет? Да и потом, — рассудила Олеся, — как всем поровну, если люди все разные? И по возрасту и по полу, по способностям, да и по потребностям все разные. Вот начнут всё делить поровну и дадут мне автомобиль. А за что? Да мне и не нужен автомобиль!

— Да ну? — удивился Мишка.

— Предположим, — настаивала Олеся. — Впрочем, мне действительно не хочется автомобиль, я пешком люблю ходить.

— И мне не нужен, — почему-то обрадовался Мишка.

— Вот! — воскликнула Олеся. — Сам подумай: человечество существует тысячелетиями и никогда не было, чтобы всем всё по справедливости. Всегда будут недовольные, всегда кто-то считает себя достойным большего. А кому-то вообще ничего не надо. Я вот даже в Евангелии читала...

— Ты? — удивился Мишка.

— Ну да, у Достоевского очень много о христианстве в его романах — без Евангелия не разобраться. Так вот, Христос пришёл спасать человечество, но совершенно не собирался устраивать всё «по справедливости», в смысле — всем поровну.

— А как?

— А вот приходит к нему юноша и говорит: «Как мне обрести вечную жизнь?» — это значит — спасти свою душу. И, ты знаешь, что Христос ему ответил?

— Не...

— «А раздай, — говорит, — всё, что у тебя есть, и следуй за мной!»

— И раздал?

— Нет. Он же очень богатый был.

— Ясное дело, — усмехнулся Мишка. — А жить на что? А есть захочется?

Олеся сделалась очень серьёзной.

— Я так понимаю: «следуй за Мной» — это значит следуй за истиной. А в истине и справедливость. А пока люди между собой будут что-то делить, ни справедливости, ни счастья не будет. Ведь каждый считает себя не хуже другого, а то и лучше всех!

— Олеся! — раздался голос Елены Павловны, — зови гостя к чаю!

Снова проходя через прихожую, Мишка боковым зрением увидел на полочке у зеркала что-то блестящее. Он автоматически схватил это рукой и сунул в карман брюк. И уже в следующее мгновение, входя в гостиную, холодея от ужаса, понял, что совершил страшную ошибку. Он что-то украл. То, что раньше делало его почти героем в собственных глазах, теперь превратило просто в воришку, в нечестного человека перед теми, кто пригласил его к себе в гости, нечестного перед Олесей. И Мишка твёрдо решил вернуть украденное.

Это выводило его из равновесия. Он всё время чувствовал сворованную вещь в кармане, и думал, как бы положить назад незаметно. Мишка был неоправданно сосредоточен, отвечал невпопад, говорил первое, что придёт в голову. Елена Павловна не могла не заметить этого и через некоторое время стала многозначительно посматривать на дочь. Олеся тоже заметила странные перемены в госте, с которым ещё несколько минут назад общалась совсем по-другому.

От всех этих странностей вечер закончился быстрее, чем рассчитывали. Мишка пошёл в прихожую, надеясь незаметно вынуть вещь из кармана и вернуть на полочку. Но Олеся прошла за ним. Мишка замешкался.

— Ты что-то забыл? — спросила Олеся?

— Туалет справа, — подсказала находчивая мама.

Мишка шмыгнул в спасительный туалет, надеясь оставить украденное там. Закрыв дверь на шпингалет, он сунул

руку в карман и достал то, что не давало ему покоя весь вечер. Это оказался кулончик на цепочке. Гранатовые камушки, оправленные в серебро на серебряной цепочке. Вещица явно недорогая — один-два удачных лифтинга в магазине, но приметная и наверняка памятная. Мишка чуть не заплакал с досады, видя, из-за какой ерунды он страдал весь вечер и теперь, вдобавок, может всё закончиться нехорошо. Он поискал глазами, куда сунуть кулончик. Но тут же представил, как после него Олеся или её мама войдут сюда, увидят и сразу всё поймут. И он снова сунул украшение в карман брюк.

В этот вечер Мишка больше никуда не пошёл. Он не стал ужинать, а ночью не мог уснуть, ворочался с боку набок. С утра сидел дома. Два раза звонил Ашот. Мишка не брал трубку. Третий звонок был от Олеси.

— Миша, — сказала она тихо, — нам надо встретиться. Сейчас.

Мишка быстро собрался и, прихватив кулон с цепочкой, прибыл на место, назначенное Олесей. Она уже ждала его.

— Миша, — сказала Олеся, не глядя в лицо Мишки, — у моей мамы вчера кулон пропал с цепочкой. Он немного стоит, но очень ей дорог, это память о папе. Я ей сказала, что это я взяла и оставила у подруги. Если его вернуть, то мама только немного поругает меня и всё...

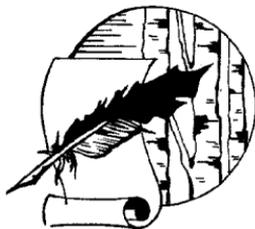
Мишка понял, что врать теперь совершенно бессмысленно. Он вынул кулончик и протянул Олесе. Она, испугавшись, отшатнулась, но быстро пришла в себя и взяла украшение. Олеся собралась было уйти, отошла в сторону, но вернулась.

— Дай свой айфон.

Мишка послушался. Пробежавшись пальчиками по дисплею, она вернула телефон Мишке.

Когда Олеся ушла, Мишка активировал телефонный справочник. Номера телефона Олеси в нём больше не было.

Санкт-Петербург

Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА

ДАЙ СИЛЫ НАМ, БОЖЕ...

* * *

В глазах раскосых — тьма степей...
И небо — под ногами.
Зачем, не знаю, хоть убей!
Я говорю стихами.
В степной глуши, средь ив, осин
Живу почти убого.
Зато всё близко — звёзды, синь,
Рукой подать до Бога.
Когда темно в краю ракич,
Стихами тихо плачу.
О, если б знать, с какой строки
Свернуть на лист удачи!

* * *

Проходит мимо счастье и любовь,
Окликнешь — отзовётся только эхо.
Нет, не сержусь — лечусь от боли смехом
И принимаю с честью день любой.
Зачем грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты.
Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь
И дальше бездны некуда мне падать.

* * *

Я горькою судьбой обожжена,
Мне так нужны большие перемены...
На все взыванья к Богу — тишина,
И ангелы мои глухи и немые.
А час придёт — не все заплачут вслед,
Бываю я, как сад, всё время разной:
Кому-то заслоняю белый свет,
Кого-то в будни радую, как праздник.
И так живу, без злости и обид,
Люблю людей на свадьбе и на тризне.
А то, что Бог со мной не говорит...
Поговорит, быть может, после жизни.

* * *

Почат январь, собрали конфетти,
В пустом доме одна не заскучаю:
К обеду Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.
Под вечер дом теплеет, как душа,
И трель сверчок на нитку ночи нижеет.
Перед рассветом, крыльями шурша,
Стихи с небес слетаются на крышу.
И хорошо, что город далеко.
Живи себе, да печь топи на благо.
Есть тишь и свет, есть мёд и молоко,
И два пути — до неба и продмага.

* * *

Божий свет над деревней потух,
Скот не кормлен, и нивы не сжаты.
И от голода даже петух,
Не поёт, а ругается матом.
Перечёркнуты окна в домах,
В небеса — перекошены двери.
Пустотою полны закрома,
А сердца беспросветным безверьем.
Лёд не тает, летает снежок...
Но запахло весною погожей.
Надо б только от края шажок,
Дальше — легче. Дай силы нам, Боже...

* * *

Снеговая тьма легла —
Не видать ни зги.
Смотрят тени из угла,
Давит боль виски.
В гулкой дали бесов слёт,
Неба горек вкус.
Оттого ль на чёрный лёд
Я ступить боюсь?..
Оттого ль была вчера
С ветром заодно,
А сегодня вновь с утра
Дышит тишью дно.
Пусть просвета в жизни нет,
Но поёт сверчок.
Нарисую в окнах свет,
Заварю чаёк.

* * *

Жить, поглубже спрятав крылья, и мечту замазав глиной.
Для любимых стряпать кнели и вареники с малиной.
Не за пазухой у бога, пусть убого, но не шатко,
Где луна шербатым рогом чешет круп степной лошадке.
За окном — дома вразвалку, распоясались заборы.
С мелкотой в руках с рыбалки ребетня бежит задорно...
За водой соседка Клава семенит — трезва, любезна,
А обратно — шумно, браво без воды идёт, но с песней.
Клавин друг — поклонник Аббы, Веньямин по кличке
Веник,
После... так гоняет бабу, что не лезет в рот вареник...
... Вот и стынь, завяли окна, и принёс унынье ветер...
За стеной соседи смолкли — за водою ходит Веня.
На потухшем злате иней серебром, снежок на ветках.
Пара звёзд на стоге свили до утра гнездовье света.

* * *

За пядью пядь, все сорок пять годков
Я уступила без борьбы былому.
Пришёл октябрь и смёл в стога солому
Любви, страстей, поджог и был таков...
Качнулась влево чаша бытия,
Токсична осень — скука душу точит.

То в междуречье, то вдруг в междустрочье
Мелькнёт порою неба колея.
А по весне... в душе растает лёд,
И жизнь вокруг затеет перемены.
Апрельский ветер рекам вскроет вены,
И к водопою ивы поведёт.

* * *

Бреду в бреду по выбритому лесу,
Листву в подножье остеклил ледок.
Когда-нибудь и я, как лист, исчезну.
Не торопи, Всевышний, мой итог..
Бездонно небо... Боже, мы... песчинки!..
Бела округа в светлой новизне.
Сидят на ветках стайками снежинки
И что-то там «снежечут» обо мне.

* * *

Когда в степи звенит курай
И небу в сердце биться тесно,
Во мне растут стихи и песни,
И свет выходит через край.
Когда живём глаза в глаза,
Душа к душе, как высь с землёю,
Я становлюсь тебе — зарёю,
И не смотрю с тоской назад.
Когда в словах твоих мороз,
И нет в глазах тепла и света,
Лечу я камнем под откос,
И вслед за мной моя планета.

* * *

В каждом колечке — круг от Земли,
В каждом веселье — дух от стола,
В каждой росинке — свет от зари,
В каждой дороге — след от крыла,
В каждом цветочке — нежность невест,
В каждой снежинке — пульс тишины,
В каждой речушке — вены небес,
В каждом молчанье — голос стены,

В каждом квадрате — тень кирпича,
В каждом движенье — память крови,
В каждом поступке — божья печать,
В каждом ребёнке — капля любви.

* * *

Лови меня, а хочешь — не лови...
Неуловима я, как дождь капризный.
Вся соль степей живёт в моей крови,
И на губах моих вся горечь жизни...
Ещё лечу шальным ветрам вослед
И ощущаю листьев тихий лепет,
И слышу, как на чёрный белый свет
С немых небес слетает снега пепел...
И пусть порой в лицо сечёт ветла,
Стихи в тиши теряют звук и голос,
Меня уже не выбить из седла —
От стыни крепну, словно волчий волос.

* * *

Я забываю, что стихи горчат,
Что вновь по жизни лента невезенья.
Ведь он летит на свет без опасенья,
Пока в душе моей горит свеча.
Плохой, хороший — это мне не важно,
Держусь за ним, готова всё отдать.
Не потому, что с ним легко летать,
А потому, что падать с ним не страшно.

* * *

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет...
Тень в смиренной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись тёплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками. Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками ловят божьи рыбаки.
И по лунам, как по рунам, выйти в космос напрямик...
По дороге самой трудной, где полёт — последний миг...
Только в доме спит ребёнок. Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, сорву полынь,
И травую горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полёта, уходи-ка! Полечу потом, потом...

* * *

Я помню: с мамой моем окна,
От чистоты визжит стекло.
И ваты хрусткие волокна
Меж рам кладём — беречь тепло.
И руки мамыны, как птицы,
Летают с тряпкой по окну..
Ах, мне туда бы возвратиться
Сейчас, вот только дверь толкну..
От осознания невозврата
В пространство детской скорлупы..
Я цепенею, словно вата
На подоконнике судьбы.

* * *

В соломе света день сияет ныне,
Теплее молока вода в реке.
Пастух, хмельной от зноя и полыни,
Как тучу, гонит стадо вдалеке.
Под вечер жар вдоль берега спадает,
Духмяно пахнут травы на лугах.
Как зёв печи, закат огнём пылает,
Несут коровы небо на рогах...

* * *

Напыюсь я всласть осенней сини,
Уйду в заречье через мост,
Где серебрит луна полыни,
Под многоточьем ясных звёзд.
И по песку, как по наитью,
Придёт покой и благодать,
Чтоб я могла ковыльной нитью
На сердце рану залатать.

* * *

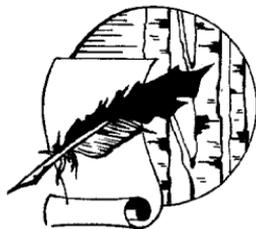
У бабы Мани всё, как встарь:
На кухне — книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.

А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт...

* * *

Как в чёрной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.
Не оглянувшись, ты назад,
Уйдёшь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

Самарская обл.

Андрей ПОПОВ

МОНАСТЫРСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

МОЛЧАНИЕ РЕКИ

Течет река, не зная языка —
Ни русского, ни коми, ни иного.
По ней плывут цветы и облака.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

Река и речь. Язык наш не забыл —
Одна у них природная основа.
Но речь на дно осела, словно ил.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

У Стикса невысокая волна —
Кто не прочел молчания речного,
На время лишь поднимет ил со дна...

И вновь река
Не говорит ни слова.

* * *

Еще одна деревня умерла,
Уехали и старики и дети.
Ушел народ искать свои дела,
Без дела-то нельзя на белом свете.

Кто в Сыктывкар подался, кто в Квебек.
В район соседний. Или за три моря.

Не проживает больше человек
В деревне древней на реке Печоре.

У человека планы и расчёт,
И он упрям, и многое умеет.
Он целый мир однажды обретёт,
Но на деревню став душой беднее.

ОСЕННИЙ КРЕСТ

Неприхотливы здешние места —
И ты привык к дождям и глухомани.
И упадешь под тяжестью креста —
Не жизнь, а осень! Только снова встанешь.

Чего бы ни смотреть на мелкий дождь?
Смотреть себе без лишних восклицаний.
Надолго осень. Разве с ней умрешь?
С ней умирать невесело. И встанешь.

И не захочешь уезжать из мест,
Где столько о других краях проплакал,
Где железнодорожный переезд
Опаснее осеннего маньяка.

Обычный крест — передохни и встань.
К тому же всё равно тебе не спится.
И тепловоз въезжает в глухомань —
Дает гудок. Наверно, из столицы.

НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Слову сбыться не просто —
Время чувствует дрожь...
На Васильевский остров
Умирать не придёшь.

На неделе Емели
От стоустой молвы
Не дожить до апреля,
Не доплыть до Невы.

Может, ради контраста —
Сны несбывшихся строк...

Отпевать будет пастор,
А не русский снежок.

Впрочем, это не ново,
И привыкла Нева,
Что трагичное слово —
Только чьи-то слова,

На латинских погостах
Выбирать им покой,
Где Васильевский остров
Не прижмётся щекой.

ЗИМНЯЯ ДРАКА

Зимы у нас на Вычегде долгие. И темны.
Можно привыкнуть к снегу. Видеть десятые сны.

Можно ловить налимов. Хоть я не ловлю — мороз.
Можно листать брошюру «Шейный остеохондроз».

Можно вернуться в прошлое — в мыслях. Пить в тишине.
С Бродским вчера подрался зачем-то в десятом сне.

Сдлся мне этот Иосиф! Классик средней руки.
Разве за это дерутся и разбивают очки?

Вижу Нью-Йорк, и воздух нервно глотаю ртом,
И у меня нет визы, только Пушкина том.

Вижу, совсем не Вычегда — устье реки Гудзон.
Бродский шагает навстречу.. Очень тяжелый сон...

В КУЧУГУРЫ

На развилке автобус дал по тормозам,
Остановка — сказали колёса,
А водитель сказал: «Дальше как-нибудь сам».
Кто-нибудь на попутке подбросит.

И на этом спасибо! Да здравствует юг!
Лето треплет, как друг, шевелюру.
У автобуса дальше маршрут на Темрюк,
А меня ждут друзья в Кучугурах.

Воздух быстро темнеет — и влажен, и прян.
И шагаю, просторам внимая,
Волоку за собою тугой чемодан
По шоссе Краснодарского края.

Голосую — но зря... Видно, думают, вор,
А у вора дурные привычки —
Нож достану в дороге, а то и топор,
Отберу сигареты и спички.

Удивительно вечер июльский хорош!
А машины несутся сердито.
Посмотрите внимательней — я не похож,
Я совсем не похож на бандита!

Я «Хованщину» слушал. И «Бесы» — роман —
Я читал, всё почти понимая...
Подвезите меня и тугой чемодан
По шоссе Краснодарского края!

* * *

Неприбранный город. И не знаменит.
Ни храмовых комплексов. Ни пирамид.
Дома типовые. Хозяина нет.
Но жил здесь недавно и умер поэт.
Обычный потерянный русский поэт,
Ему сорок шесть не исполнилось лет.
Не вышло подольше — обиды и быт.
Ни храмовых комплексов. Ни пирамид.
О нём справедливая власть промолчит.
Поэтому как-то еще не забыт.
А город неприбранный тем и стоит,
Что жил здесь и умер российский пиит.

МОНАСТЫРСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

У деревьев нет таких минут,
Что никак не пересилить тьму,
Никого они не предают,
Не желают сдохнуть никому.
Никому не скажут: — прах земли!
Ты не человек, а муравей...
Молятся, чтобы укрыть смогли
Путников от зноя и дождей.
Если на ветру и пошумят,
То уймётся ветренная дрожь...

Почему, сердечный мой собрат, —
Под ветвистым деревом вздохнёшь,
Пожалеешь ближних бедолаг,
Поглядишь на утренний пейзаж —
И пойдёшь на рынок и в кабак,
И пойдёшь кого-нибудь предашь?

СРОЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Я читаю их часто во всех городах страны,
Срочные объявления не сходят с полос газет:
Требуются каменщики, каменщики нужны.
Менеджеров сколько угодно! А каменщиков нет.

Где они?! Солнце на месте. И пока не война.
Ищут какой-то воли? А их как найти?! Невдомёк.
Может, подались в масоны — в тайные ордена,
Может, теперь в розенкрейцерах вертят свой мастерок?

Пишут министры отчеты — думают головой,
Месят бетономешалки для кладки домов раствор.
Где же твои строители, Родина?! Вновь простой.
Каменщиков не хватает. С масонами — перебор.

* * *

Положат холодное тело
В холодный подзол тайги.
Одни скажут: «Жил без дела,
Всю жизнь сочинял стихи...»
Но буду иным милее
В холодном моём краю,
И верю, что пожалеет
Кто-нибудь душу мою.
Придёт ко мне на могилу
Блаженный холодных дней,
Попросит: «Боже, помилуй!
Стылую душу согрей.
Жил долго и неумело,
Прости Ты его грехи.
Не предал — странное дело —
Всю жизнь сочинял стихи».

г. Сыктывкар

ПОНИМАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ФЕНОМЕНА РУССКОГО МИРА

Термин «Русский мир» давно вошёл в культурный и политический обиход нашей страны, но только в последние годы стал заметен его потенциал. Изначально имевший хождение в довольно узких кругах специалистов и описывающий ареал распространения русского языка и русской культуры, он неожиданно проявился как субъект международных отношений и зазвучал в речах духовных и светских лидеров России. Очевидна востребованность Русского мира при попытке сформулировать современную идеологию и национальную идею, однако различные подходы к толкованию природы этого явления затрудняют процесс и множат противоречия. Выявлению убедительной и практически реализуемой концепции Русского мира было посвящено заседание Изборского клуба 1 марта 2016 года.

Актуализация явления в наше время связана со сломом советского каркаса, благодаря чему обнажилась русская самоидентичность, как отметил исполнительный секретарь Изборского клуба Виталий Владимирович Аверьянов. Русскую цивилизацию

РУССКИЙ МИР

нельзя ограничивать этническими или религиозными рамками, поскольку она объединяет русских и всех, кто ассоциирует себя с Россией. Русский мир выражается через объединительную идею общего дела служения русской правде и справедливости, привлекая, таким образом, людей по разные стороны границ. Как продемонстрировали события последних лет, часть украинского народа больше не видит общего дела и одной правды с Русским миром, но Русская весна опиралась на ту часть, в которой сохранялась хрупкая надежда, что такое общее дело ещё есть. Из двух конкурирующих определений Русского мира одно базируется на этнокультурной основе, а другое — на языковой. Именно этот принцип представлен одноимённым фондом, имеющим широкую поддержку. Виталий Владимирович убеждён в ущербности такого подхода, поскольку утраченное в разных сферах русской цивилизации невозможно компенсировать на одном лишь лингвистическом поле.

Лидер Международного Евразийского движения Александр Дугин подошёл к теме с позиции учения о семантической истории, или «историале», французского исследователя Анри Корбена, ибо история — это не линейное изложение событий, а интерпретация фактов из особой точки во времени и пространстве, которая у каждого народа — своя. Философ сравнил историю с музыкой, где отдельно взятая нота имеет значение, если известны предыдущая и следующая ноты.

Директор Института русской цивилизации, главный редактор газеты «Русский Вестник» Олег Платонов исходит из того, что Русский мир — упрощённое понимание русской цивилизации, которую он определяет как форму человеческой организации пространства и времени, наделённую качественными началами, лежащими в особенностях духовной природы Русского народа. Это духовное понятие, поэтому Русский мир имеет свой космос и свою метафизику бытия, главным объектом которой является Бог. Ключ к пониманию Русского мира составляют такие фундаментальные ценности, как добро, правда и справедливость. Они формируют идеал и парадигму развития Русского народа — Святую Русь, что предписала ему борьбу с мировым злом. Эта миссия отразилась в бесчисленных войнах с государствами, покушавшимися на жизнь и свободу других народов — от Хазарского каганата и Золотой орды до Османской империи, бонапартистской Франции и гитлеровской Германии, и в ключевой роли в деле уничтожения этих стран-агрессоров. Олег Анатольевич описал черты Русского мира. Это духовная целост-

ность — неразрывность веры и жизни; добротолубие — тяга к правде и справедливости; соборность — объединение в служении общественным идеалам; нестяжательство; самодержавие и единодержавие, а также патриотизм. Антиподом духовных устремлений Русского мира являются господствующие ныне рационализм, стяжательство, космополитизм и другие ценности либерального Запада. Как учили славянофилы, так и О.А. Платонов уверен, что русский человек через православие может реформировать все духовные и физические конструкции, поэтому задача Русского мира в том, чтобы освободить мир от ложного одностороннего развития и вывести человечество из тупика, в который зашла Западная цивилизация.

Главный редактор сайта «Русский Обозреватель» Егор Холмогоров рассматривает языковую концепцию Русского мира как антикризисный проект, обусловленный распадом начала 90-х годов, когда русские были расколоты, подверглись этноциду и перекодировке. Тогда возникла необходимость в оправдании общего пространства, но не на столпах православия, самодержавия, народности, а через примирение. Однако в последние годы наблюдается переосмысление Русского мира со сменой вектора примирения на экспансию, следовательно, его можно описать как проекцию пространства, в отношении которого есть воля вернуть его в сферу национальных интересов.

Пытаясь описать Русскую цивилизацию, Е.С. Холмогоров предложил к рассмотрению десять пунктов, отражающих и духовные, и утилитарно-бытовые сферы жизни. В основе этнического фундамента Русской цивилизации — экологическая адаптация Русского народа к пространству рек, речных бассейнов и озёр, посредством которых происходило расширение области проживания и культурного влияния. Русский народ — это движущийся народ с самосознанием оседлого народа, в нём отмечается устремлённость к распространению в пространстве. Русская цивилизация заточена под освоение экстремального севера с целью господства в этих широтах. Это — аграрная культура, и особое историческое значение для неё имеет рожь. В нашем сознании укоренилось пространственное представление о рае как о посюстороннем идеале, проявляющемся ещё в образах Китежа и Беловодья, в то время как западный человек, напротив, пытался «спустить» рай на землю. Святая Русь — это ещё и сонм русских святых, которые создают Русь Небесную. Самодержавие — это уникальная русская форма правления, отличающаяся от византийской автократии; это абсолютная власть,

мыслящая себя согласно воле народа, которая постигается нравственным путём, а не через парламентскую систему. Особые притязания русской культуры делают русских нацией и цивилизацией одновременно. Это заключается в многогранности достижений русских в совершенно разных сферах деятельности, хотя ни одна даже успешная западноевропейская нация не достигла абсолютного величия во всём сразу, ибо нет великих немецких живописцев, как нет великих английских композиторов и т.д. И, наконец, образ центрального культурного мифа, связанный с воспеванием супружеской верности. Не следует идеализировать русских, учитывая реальное положение дел, однако интересно, что если на Западе укоренился миф о супружеской измене как факторе развития индивида на его пути к самостоятельности и самопознанию, то в русской культуре традиционно противоположное устремление — от Петра и Февронии к выбору Татьяны в «Онегине».

Руководитель культурно-просветительского сообщества «Переправа» Александр Нотин ставит в основу всего идею «Москва — Третий Рим», определяющую такие черты, как византизм, эсхатологизм, неприятие геноцизма и нигилизма. Отсюда же вытекает идеал государства, выстроенного на христианских ценностях, где нет частной собственности, а есть только личная и государственная. Отечественная история, по его замечанию, в вечной турбулентности — между миром и войной, сытостью и бедностью. Могучая Российская империя рухнула, по его убеждению, именно из-за падения православия, которому требовались лечение и перерождение, и сегодня происходит врачевание национальной души. На фоне апокалиптических настроений и духовной смерти Запада А.И. Нотин видит Россию последним оплотом христианства, удерживающим против сил зла, так определяя предназначение Русского мира.

Заслуженный деятель науки РФ, специалист по статистическому моделированию Василий Симчера критично отозвался об излишнем оптимизме идеологов, воспевающих народные качества, но не замечающих деградации русской жизни, отсталости и коррупции в стране. Он призвал меньше превозносить духовность Русского мира, но на деле продемонстрировать достойный пример, достигая конкурентоспособности с США. Василий Михайлович считает, что нужен конкретный образ, а не сравнение критериев, дабы люди могли определиться, какой идеал они защищают: страну, где все ресурсы принадлежат третьим лицам, процветают воровство и подмена, или что-то другое. По словам учёного, без

того, чтобы обнажить существующие язвы, строить что-то бесполезно.

Эксперт в области политической социологии, аналитик Сергей Баранов считает, что проект «Русский мир» без опоры на понятие нации останется лишь коммуникационным пространством для русскоязычных диаспор в Израиле и США, и поэтому предлагает рассматривать его в формате большой нации, куда входят не только славянские народы. При этом в евразийство он не верит, ибо тюркская цивилизация сильна и самостоятельна, малые народы Севера различны и порой противоположны, и разве что угро-финские культуры были максимально интегрированы и ассимилированы. Также Сергей Дмитриевич рекомендовал не размывать собственно русскую этническую идентичность, поскольку сегодня наука способна дать её точные характеристики. Русские — это индоевропейский народ, но его ядро составляет нордическая раса. Поэтому все теории о массовом смешении русских — либо глупость, либо происки врагов. В российской законодательной базе, по мнению С.Д. Баранова, давно пора ввести в употребление концепции Русского мира и русской нации, что вывело бы решение актуальных проблем на новый уровень.

Главный редактор Русской народной линии Анатолий Степанов не согласен с этнической коннотацией термина. Он напомнил, что понятие «русский» порой тоже трактуется по-разному, обозначая то великоросса, то триединый народ великороссов, малороссов и белорусов, то всех проживающих на территории исторической России вне зависимости от происхождения. Он поддерживает последний вариант как самый гибкий, подходящий для имперского применения, ибо Русский мир — геополитическая формация. Анатолий Дмитриевич отметил, что в основе Русского мира — учение о призвании России, служении России, но только не экспансия. Он также признал неразрывность этого понятия с русской цивилизацией и духовным наследием славянофилов.

Общественный деятель Алексей Вайц описал Русский мир как историческое творческое пространство Русского народа, на котором он готов послужить во благо других народов, ибо он всегда следует христианской идее «Я — для мира».

Эксперт в области этноконфессиональных отношений Айказ Микаелян видит в Русском мире цивилизационную площадку, где сошлись и обмениваются лучшим, что имеют, более двухсот народностей, объединённых, воспитанных и защищённых русской культурой. Он выделяет такие заимствования от союзников и противников, как византийская

модель государственности, православная метафизика и пассионарность ордынской конницы. Известно, что монголы легко ассимилируются, а Византию расшатывали слабости рыночного подхода. И Россия сталкивается с теми же проблемами. Айказ Микаелян обратил внимание, что сегодня на мировой арене мы чаще всего позиционируем себя как самую большую и богатую ресурсами многонациональную страну мира, но многонациональность и размер не должны быть визитной карточкой, должно быть целеполагание, выражение национальной идеи.

Постоянные члены и гости Изборского клуба при всех разногласиях предлагают обильный материал для осмысления образа Русского мира, который располагает мощным потенциалом в идеологическом и политическом смысле.

Александр РУДЕНКО

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Национальная идея определяет смысл существования того или иного народа, этноса или нации, а смысл — это одновременно и внутреннее содержание, и цель. Можно еще сказать, что смысл — это предназначение и целеполагание. Возникновение и развитие нации, народа — это процесс многих сотен и тысяч лет. Все это не в уме и не в силах одного человека, поэтому философ Владимир Соловьёв так определил национальную идею: *«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»*. Чтобы определить национальную идею народа, надо дать ответ на вопрос — что значит русский, т.е. почему он так само-назвался или был назван?

Недавно в споре с одним человеком (русским националистом) о судьбах России, который завершился обращением им моего внимания на мою фамилию, он дал понять, что не моё дело размышлять о судьбах государства великоросов. Объяснять ему, что у меня два дедушки по паспорту были украинцы, а две бабушки по паспорту русские, я не стал. О том, что Россия создавалась и утверждалась многими народами, тоже было бессмысленно указывать, потому что в ответ всегда один аргумент — Россия для русских. И так как такие споры и такой аргумент до сих пор остаются в повестке правых сил в России, очень важно выяснить ключевой их аспект, то есть определить — что значит «русские».

И вот что удивительно, помог в этом разбор этимологии собственной фамилии. Фамилия ведёт свое начало от прозвища «Рудень». Рудень образовано от древнерусского слова «руда», имевшее значение «кровь». Рудень — были выходцами с острова «Руген» в Балтийском море. Древние римляне называли их «Флавиями-руденами» за боевую татуировку красного цвета и щиты. Были они очень воинственными и при этом благородными. В дальнейшем корень «руд» и приобрёл значение — кровавый, красный и т.д.

Этот остров Руген населяли Руяне (Раны, Русы) — западнославянское колено. Исконные жители Ругена были известны в позднеантичную и средневековую эпохи как «руяне», «руги» и «раны», а также — «рутены» («rutheni»), т.е. русские («rusci»)… Примечательно, что немецкий топоним «Рюген» соединил в себе два имени острова: «Руга» и «Руян».

Идём далее. Северогерманский хронист Адам Бременский в труде «Деяния священников Гамбургской церкви» писал: «Руяне первенствуют среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитое святилище». Также об это писал датский историк Мавро Орбини в труде «Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства»: «Они (Руяне, Русы) жили на берегах Венедского моря и посреди его вод. Они имели собственного царя и весьма знаменитый храм, в связи с чем претендовали на первенство среди всех славянских народов».

То есть Руяне, Раны, Русы с острова Руген (Рюген) были славянами, у которых был свой царь (король, князь), и в отличие от других славян, возможно, поэтому прозвище Рудень, Руда, означающее «кровь», и указывало на то, что они были поставщиками князей другим славянским племенам. В 1066 году руянский князь Крутой был избран князем бодричей (полабские славяне). В этом же числе и история с нашим Рюриком, который был из Руян, Ранов или Русов с ос-

трова Руген, то есть был западным славянином, руяном, ругом, русским, что значило просто — славянин княжеской (царской) касты (колена).

Получается, что восточные славяне, которые перешли под власть руянского (ранского, русского) князя (царя) Рюрика, стали называться — русскими людьми (людьми Руянов, Ранов или Русов, или в конкретном случае Рюрика). Таким образом, русские — это люди, которые через переход под власть князей Ранов-Руянов-Русов, приобретали новое свойство как народа, который принимал, разделял и был готов служить тому, что означало красную кровь, княжескую (царскую) кровь, принадлежность к особой касте (колену) западных славян Руян (Русов).

Почему Руяне (Русы) считали себя особой кастой и почему другие славяне признавали это? Скорее всего на это указывало их особое жреческое (священническое) служение и особые знания с древних времен. Гельмольд из Босау сообщает, что «племенем руян управлял князь, чья власть ограничивалась авторитетом жрецов (священников).

Главное божество, которому они поклонялись, называлось «Святовит». Они имели на острове Руген мощное святилище в городе Аркона. Сама Аркона по описанию очень похожа на древний и современный Московский Кремль: высокие стены-насыпи, центральные прекрасные строения с архитектурой деревянного зодчества, красный цвет кровли. Центром их служения был идол Святовит — бог войны, победы и противостоящий Чернобогу. Он представлял собой статую с четырьмя головами (смотрящие на него могли видеть одновременно только три его лица), который имел лук, меч и, главное, белого коня. Он был символом побед, что сразу нас наводит на размышления о древнем и новом гербе Рюриковичей, Руси и России — всаднике на белом коне.

Так вот, жрецы Руянов или Русов специальным культом через красное вино (символ крови опять же), очень похожим на служение из ветхозаветных Писаний о Святой Святой, предсказывали будущее, объясняли смыслы и события, особенно в сражениях, знали, понимали и держали сакральное знание о сущем, о народе, о его предназначении, то есть были посредниками и выразителями воли Бога для народа, вот это и значит, по Соловьеву, — «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», а Русы как раз выступали в роли тех, кто эту «думу» транслировал; по крайней мере, другие славяне и другие народы, кто вставали под власть Руссов, верили в это.

Вероятно, вот этот их священнический (княжеский) статус и был основой, за которую их почитали князьями (царями), то есть старшими, священниками. Кстати, в некоторых славянских языках у корня слова «князь» есть следующие значения: в болгарском языке «кнез» — старейшина, в чешском, словацком и польском knez, ksiądz — священник.

Получается, что Русы для остальных славян были — как старшие, они же князья, они же светлые, они же белые, они же служители Святовита. Слово «свят» — это с еще более древних времен значило: свет, белый, мир, земля, вселенная, люди, народ, то есть это всё и все в одном и от одного - от Бога.

Тут можно сделать ещё один вывод, «русскими» славяне и другие народы становились при переходе под власть Русов, и это значило становиться не только царскими и княжескими людьми (красными), но и священническими (белыми, золотыми), а по сути, божескими (небесными), входящими в народ Божий. При этом они оставались и черными как сословие (чёрные люди, чёрная сотня — служащие, тягловые люди). Чёрный цвет сословия берёт свое происхождение опять же из древнего культа Русов (Руян), где упоминаемый «бог» Святovit имел, как было сказано выше, особого коня белой масти. На этом коне, по мнению Русов, Святovit воевал против врагов своей святыни. Главным доводом этого считалось, что, находясь ночью в стойле, он к утру оказывался покрытым грязью (черной землёю), словно за ночь в скачке преодолел пространство долгих путей.

Так соединялись и становились одним: красный, белый, синий, золотой и чёрный цвета всех сословий новой нации — т.е. русские, которые всегда отражались в государственных символах Святой Руси и России, правда, временами политически разъединяясь и гипертрофируя, то в белое, то в красное, то в чёрное, то в золотое.

Всё это трансформировалось уже на новой земле восточных славян под властью Русов в безусловное признание и служение сначала Рюрикам, а потом и их родственной ветви — Романовым.

Здесь надо отметить, что крещение Руси, как стала называться земля русских, произошло через тысячу лет после пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Что наводит, в свою очередь, на следующие слова: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2-е Петра) и «Об Израиле же говорит: целый день Я простираю руки Мои к народу непослушному и упорному» (Рим. 10:21). Получает-

ся, что русские после Израиля и есть тот самый Божий народ, вышедший из славянских племен еще с ветхозаветного времени.

И потому становятся еще более понятными и еще более значимыми слова инока Фелофея: «Москва — Третий Рим», а также деяния патриарха Никона при строительстве Ново-иерусалимского монастыря и «Святая Святых» в Московском Кремле — проект, задуманный Борисом Годуновым, но который не был осуществлён. Все они знали и видели непрерывную связь священства, царства и народа Божьего с ветхозаветных времен до их дней и далее. Знали они и о том, что священство, царство и народ не один раз уклонялись с верного пути. Да так уклонялись, что теряли даже историческую память и о себе, и о понимании своей национальной идеи, целью которой всегда было служение истинному Богу и борьба с Его врагами.

Последний раз в такое «беспамятство» мы впали в Феврале 1917 года и позже, когда советской властью в рамках новой национальной политики коренизации проводилась политика мобилизации этничности меньшинств для нейтрализации политического ресурса великороссов. В связи с этим понятие «великоросс» оказалось вне закона, утратило легитимность и в широком употреблении повсеместно было заменено понятием русский, но уже в ином смысле, фактически низведя вышеприведенный сакральный смысл *русскости* до обычного этнического уровня.

Наши предки, которые назвались русскими, всегда и были русскими, то есть царскими, божескими или народом Божьим, и крещение (возращение к Богу) получили не просто так, а Промыслом Божьим. То же самое справедливо и к появлению и утверждению далее Русского государства как в прошлом, так в настоящем и будущем.

Из всего сказанного можно утверждать, что русские — это субстантивированное прилагательное для определения основной характеристики (смысла) нашего народа (народов), в основе которого был и есть не этнический, не географический, а духовный (идейный) предмет, смысл. Таким образом, национальная идея русских (всех народов России) как нации в вечности — быть добром, вместе с Богом бороться со злом в мире. Что мы всегда, сознавая или не сознавая того, делали — 964 год, 1812 год, 1945 год и другие вехи. Россия — это Катехон, имеющий миссию препятствовать окончательному торжеству зла в истории.

Всегда помнить, понимать, принимать и следовать этому великому смыслу — наша первая и наиважнейшая задача

как народа. Сегодня зло в мире предстает как всемирная власть глобалистов, которые путем разрушения суверенных государств, разрушения традиций, семьи, духовных и нравственных основ, разрушения самого божеского образа человека, пытается установить свою всемирную власть. Противостоять этому — задача достойная современных русских.

Всё вышесказанное очень убедительно подтверждается в трудах профессора, доктора исторических наук Аполлона Григорьевича Кузьмина. Он в своём труде «Начало Руси: тайны рождения русского народа» писал следующее: «...на острове Рюген и на побережье, в той или иной степени удаленном от моря, вплоть до Немана, упоминается несколько изолированных друг от друга, но восходящих к единому корню Русий «красных». Именно эти «Русии» традиционно, на протяжении столетий, воспринимались как части Руси Киевской и позднее Московской...», «...Речь, следовательно, должна идти не о путанице, а о представлении, согласно которому и Русь Киевская (граничившая с Польшей на Востоке) и Русь Балтийская воспринимались как части одного этнического (и даже этно-политического) образования».

Какие ещё нам нужны доказательства для воссоединения в едином государстве русских?

ТЕРРОРИЗМ КАК ПРОЦЕСС

Всего лишь три дня понадобилось террористам, чтобы организованно ответить серией взрывов в Брюсселе на арест главного подозреваемого в организации терактов в Париже Салаха Абдеслама. Трансформация ИГ из сети вооруженных группировок в квазигосударство с единым центром принятия решений ознаменовала переход международного терроризма на качественно новый уровень.

Терроризм из явления превращается в процесс. На смену прежнему сетевому принципу организации групп террористов приходит стратегическое планирование террористической деятельности. Она становится перманентным процессом, способным влиять на самочувствие целых обществ.

Если считать, что у квазигосударства ИГ есть «внешняя политика», то первым её актом стало внесение хаоса в Европу как наиболее слабое звено мира вне ислама. Во втором акте расшатывание Евросоюза и ослабление управляемости отдельных государств должны создать условия для великого переселения в Старый

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Свет мусульман из Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии.

До появления ИГ ставка делалась на «мирное» завоевание Европы. В Лондоне находится штаб-квартира созданного в 1997 году European Council for Fatwa and Research (ECFR) — центрального учреждения Федерации исламских организаций Европы (ФИОЕ). Европа, утверждают идеологи ECFR, — это гнездо «экстремистских сил фундаментализма, представляющих собой альянс крестоносцев и сионистов».

Под эгидой ECFR действует разветвленная сеть мечетей, школ, центров подготовки имамов и других заведений. Их деятельность финансирует правительство Катара через благотворительные учреждения.

О масштабах деятельности ECFR говорит уже тот факт, что эта экстремистская структура добралась даже до периферийной Украины. Здесь работает Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Аль-Раид», зонтичная структура ассоциации «Братьев-мусульман». В 2008 году на базе этой организации было создано Духовное управление мусульман Украины «Умма».

Спонсорами «Аль-Раида» и «Уммы» являются Федерация исламских организаций Европы (ФИОЕ), Организация гражданских реформ (Кувейт), Исламская помощь (Великобритания), Всемирная ассамблея мусульманской молодежи (Саудовская Аравия). Все они входят в сеть «Братьев-мусульман».

Глава ECFR шейх Юсуф аль-Карадави говорит: «Завоевание не обязательно осуществляется силой оружия. Мы захватим эти страны (европейские) без всякого войска. Нам нужна лишь армия богословов и проповедников, которые будут говорить об исламе на всех языках и диалектах».

Однако кризис с наплывом мигрантов-мусульман, подтолкнувший страны Европы к принятию ограничительных мер в отношении «мирных завоевателей», не мог не привнести коррективы в планы тех, кто стоит за Юсуфом аль-Карадави. Общеευропейские масштабы террора и его перманентный характер вполне могут позволить исламским интервентам говорить с отдельными европейскими столицами языком ультиматумов. А договориться о единстве действий у Европы не получается.

В период «мирного завоевания» пришлые мусульмане выпрашивали у властей европейских стран «социальный пакет». Как правило, получали. С переходом к перманентному террору они скажут (уже начинают говорить): «Отдай или умри!» Для европейцев дело может кончиться тем, что сначала отда-

дут требуемое, затем молитвенный коврик станет в Европе самым ходовым товаром, а под конец юре и протестантские проповедники пойдут на курсы переквалификации — мусульмане всегда ценили ренегатов.

Традиция кочевников всех времен и народов — не ударяться в тонкости производственных отношений тех стран, куда они приходят, а извлекать прибавочную стоимость внеэкономическим путем. Нашествия Чингисхана и его последователей, завоевания арабов времен первых халифов — тому подтверждение. Поэтому появление новых пришельцев с Востока, в авангарде которых идут «тумены» мигрантов и «сотни» джихадистов, не стоит рассматривать как некое уникальное явление. Вопрос заключается в том, сумеют ли те, кому грозит это нашествие (Хантингтон называл его «столкновением цивилизаций»), объединить свои силы до наступления критического момента?

Существует еще один вопрос: почему отработка методов террора «новой волны» началась с Франции и Бельгии? Может быть, потому, что именно здесь дальше всего зашли процессы общеевропейской деградации и именно эти страны оказались самой слабой частью самого слабого звена?

Законы об однополых «браках»; союзы извращенцев всех мастей; призывы доносить в полицию на сограждан, использующих выражения «нормальная семья», «нормальная половая ориентация», — все это приметы общественной жизни и Франции, и Бельгии. Причем для «преступников» такого рода во Франции предусмотрено тюремное заключение, а министры французского правительства рекламируют образовательные программы, дрессирующие граждан с целью заставить их согласиться с относительностью понятий «мужчина» и «женщина». Россия же, принявшая закон о запрете пропаганды половых извращений в школах, порой изображается в СМИ этих стран как «нацистский ад на Земле».

Смертельная для народа патология объявлена формой общественного здоровья, а призыв к человеческой норме — преступлением. Зато власть снисходительна к правонарушителям, которые завтра могут стать террористами: избиратели, однако!

Европа нездорова, это известно давно. Хорошо известно также, что ослабленный болезнью организм восприимчив к любой инфекции. Вопрос в том, как скоро европейцы смогут (и смогут ли?) найти лекарство против подтачивающего их цивилизацию вируса. Если не смогут, Европы, какой её знали во всём мире, больше не будет.

Андрей АНТОНОВ,
юрист, Санкт-Петербург

УКРОФАШИСТЫ НА РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛАХ

На протяжении двух лет на центральных российских телеканалах постоянно проходят теледебаты с участием «украинских политологов». В ходе телеэфира на всю страну эти «укрополитологи» оправдывают действия руководителей киевской хунты.

О том, что власть на Украине захвачена фашистским режимом, утверждали руководители России, многие авторитетные политики, юристы, историки. Главари фашистского киевского режима организуют геноцид, убийства мирных граждан на Украине, и прежде всего на Донбассе, чинят расправы с инакомыслящими. Превозносят гитлеровских холопов — карателей, которые сжигали села и деревни вместе с жителями на оккупированной территории. Чего стоит подписанный Порошенко закон, по которому фашистские прихвостни из ОУН и УПА признаются «борцами за независимость Украины». Запрещается критика в их адрес. А ведь это организации, которые причастны к уничтожению сотен тысяч мирных жителей.

Участвующая же в дебатах укрупублика оправдывает главарей фашистской хунты. Разве это не оправдание фашизма 30-х и 40-х годов прошлого века и фашизма настоящего? И это происходит на российских телеканалах, вещающих на многомиллионную аудиторию. Возникает резонный вопрос, почему наши отечественные телеканалы помогают фальсификаторам оправдывать фашизм?

В российском законодательстве есть нормы, обязывающие пресекать оправдание экстремистской деятельности — «Закон о противодействии экстремистской деятель-

ности», ст. 205-2 УК РФ. Убийства инакомыслящих на сегодняшней Украине с целью запугивания населения — это террористические акты, т.е., по закону, экстремистская деятельность. И ответственность за совершение актов терроризма лежит на нынешних правителях Украины. Российские же телеканалы предоставляют возможность этих самых кровавых правителей обеливать и оправдывать. Кстати, существует и уголовная ответственность за реабилитацию нацизма — ст. 354.1 УК РФ.

Участие «укрополитологов» в теледебатах преподносится как яркое свидетельство свободы слова в России и плюрализма мнений. На самом деле, думаю, это грубое нарушение законодательства страны, за которое предусматривается весьма конкретное уголовное наказание. Это ещё и, на мой взгляд, глумление над памятью наших дедов и отцов, погибших в борьбе с фашизмом. Ведь прихвостни этого самого побеждённого в 1945 году фашизма сегодня могут свободно и безнаказанно излагать свои античеловеческие взгляды на российском телевидении. Да и не только на телевидении, на радио, в газетах.

Интересно, кому под предлогом «свободы слова» принадлежит идея приглашать подобных «собеседников» в телестудии. Думаю, без советничков из пресловутой «пятой колонны» здесь не обошлось.

Ведущие телепередач порой называют подобных «укрополитологов» коллегами. Коллегами принято называть сослуживцев по совместной работе, соратников по профессиональному цеху. Если они некоторым российским журналистам коллеги, то к какому журналистскому пулу эти российские работники масс-медиа принадлежат? Или телеведущие говорят так в силу собственной толерантности? Но с такой толерантностью, всеобщей терпимостью можно зайти очень далеко... Кстати, по-французски «дом терпимости» звучит и пишется как «*maison de tolerance*». Может, кто-то и хотел бы в нём побывать, но вряд ли этого желает большинство жителей нашей страны.

Но представители «нэзалэжной» на российском телевидении не только оправдывают фашизм, они ещё и клеветают на Россию, которая якобы ведёт агрессивную войну против южной соседки. И опять же никто из них не привлекается к ответственности за это. Хотя у нас существует уголовная и гражданская ответственность за клевету и оскорбления. Ведь в этом году в отношении курского депутата Ольги Ли возбуждали уголовное дело «за критику президента и необоснованные обвинения работников прокуратуры и суда». Однако «укропублика» почему-то у нас неподсудна.

Существует старая русская пословица «Врага слушать, самому себе могилу копать». Эти «штатные рупоры» киевской хунты, именно хунты, а не украинского народа, — явные недруги. А нам постоянно предлагают их слушать. Надо прекращать эту вакханалию и пропаганду украицизма в российских СМИ. А виновных в нарушении закона — привлекать к ответственности.

Виктор АЛКСНИС

МИГРАЦИЯ В РОССИИ ПРИБРЕЛА НЕОБРАТИМЫЙ ХАРАКТЕР

В Кремле наконец, похоже, проснулись. Однако мне кажется, что паровоз ушел. За последние 25 лет процесс миграции, по сути, приобрел необратимый характер на территории России. Поскольку тот бардак, извините за выражение, который происходил с миграционными процессами в России, привел к тому, что сегодня, при всем моем уважении к исламу и мусульманам, когда я вижу на фотографии мусульманский праздник в центре Москвы у центральной мечети, где молятся сотни тысяч мусульман, занимая огромное пространство, мне становится слегка не по себе. Это неправильно, это нехорошо, но изменить что-либо сегодня уже будет очень и очень сложно. Потому что пойти на массовую депортацию выходцев из Средней Азии и Закавказья мы не сможем. А они уже пустили здесь корни, у них уже появились здесь свои общины, и эти общины не интегрируются в российскую действительность. Они остаются замкнутыми, и там происходят очень сложные процессы, в том числе и пропаганда экстремизма. По сути дела, этот котел, в котором они варятся, будет генерировать в том

числе и радикалов, экстремистов и террористов. И как это поправить, честно признаюсь, не знаю.

В прежние годы, когда эти процессы начали протекать, у властной элиты существовали иллюзии, что всё нормально, что все люди равны, все имеют право, поэтому нам надо создавать условия, наиболее благоприятные для этих людей. Но что интересно — эти условия создавались для мигрантов-инородцев, но в то же время шел и процесс миграции русского населения, которое бежало из бывших союзных республик, по сути дела, от геноцида, который там творился. Но в отношении русских политика благоприятствования в России не осуществлялась. Почему-то в привилегированном положении находились те самые мигранты, и в те годы им позволялось захватывать торговлю. Надо признать, что сегодня мелкорозничная торговля, рынки находятся в руках представителей мигрантских сообществ.

Казалось бы, государство занималось контролем над крупными активами. А в сфере ниже, в среде малого и среднего бизнеса, пользуясь коррумпированностью государственной власти на всех уровнях — от муниципалитета до министерств и ведомств, шла скупка. В результате сегодня командные высоты в области мелкого и среднего бизнеса захвачены мигрантами, в основном из стран Закавказья и Средней Азии. И как теперь их победить? Как теперь вернуть нам эту сферу?

Конечно, можно спросить: «А где же были русские?» Как известно, менталитет выходцев из Средней Азии таков, у них действительно торговля всегда была почетным занятием, в отличие от менталитета русских, для большинства которых торговля — занятие второго сорта. В результате этого сегодня руководство в сфере данного бизнеса сплошь захвачено мигрантами. Это огромные деньги, которые сравнимы с доходами от владений крупными активами, включая нефть, газ и т.д. Или возьмем центр золотодобычи. Золотодобыча сегодня в России контролируется выходцами из Ингушетии. Как государство такое допустило, почему это произошло? Когда в основе экономической деятельности лежат национальные особенности, всегда происходят злоупотребления и преступления.

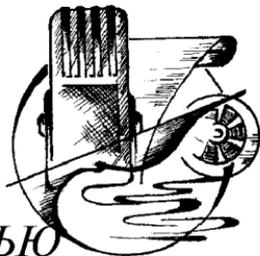
С самого начала было ясно, к чему это приведет, и что в конце концов мы окажемся в этом тупике. Да, власть наконец как будто бы прозрела, но давайте признаем честно, кто же этому способствовал? Да та же самая власть. И только теперь, когда жареный петух клюнул ее в самое темечко, власть наша озадачилась проблемой — как из этого выбраться? Но вопрос этот теперь — архисложный.

БОГОДАННЫЙ ВОЖДЬ

Беседа с последним министром обороны СССР

Корр.: Недавно кинорежиссёр Никита Михалков предложил признать преступной деятельность Горбачёва и Ельцина. Неплохо было бы присоединить к ним «дорогого Никиту Сергеевича». Есть и подходящий повод: исполнилось 60 лет тому самому «историческому» докладу, который Николай Стариков назвал «сборником небылиц, лжи и клеветы», а американский историк Гровер Ферр — «антисталинской подлостью».

Д.Т.Язов: Заметьте, приступив к анализу хрущёвского доклада, дотошный американец, столкнувшись с первыми нестыковками, делает осторожный вывод: «преступное мошенничество?» Пока со знаком вопроса. К концу работы у него уже не оставалось сомнений: «Из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина или Берию, не оказалось ни одного правдивого». У нас на эту тему появилось много честных, серьёзных исследований. Я имею в виду книги Арсена Мартиросяна, Юрия Жукова, Елены Прудниковой, того же Николая Старикова. Надо только захотеть услышать правду.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Корр.: Но беда-то в том, что нашим оппонентам правда не нужна. Хотя спесь с них понемногу сбивают. Я знаю, что в 1956 году Вы учились на последнем курсе Военной академии имени Фрунзе. Как в Вашем коллективе восприняли «откровения» Хрущёва?

Д.Т.Язов: Для нас, недавних фронтовиков, имя Сталина было, можно сказать, святым. В те дни маршал Рокоссовский так и сказал: товарищ Сталин для меня святой. Военный авторитет Верховного Главнокомандующего был непререкаемым. Да я Вам больше скажу: всё, что было хорошего в нашей жизни, мы связывали с его именем. В дни войны наши чувства хорошо выразил Константин Симонов в известном стихотворении «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?» Там есть такие строки: «Не мать, не сына — в этот грозный час тебя мы самым первым вспоминаем».

Вот и посудите, как мы могли воспринимать обрушившийся на нас поток самых фантастических обвинений? Наверное, самое первое ощущение — шок. Чувство какой-то чудовищной несправедливости. Преподаватель, знакомивший нас с докладом, плакал. Начальником академии в тот момент был Павел Алексеевич Курочкин — генерал армии, Герой Советского Союза, крупный военачальник. Он сказал тогда — за точность слов не ручаюсь, но смысл передаю точно — товарищ Сталин был великим вождём и гениальным Верховным Главнокомандующим. Таким он и останется для нас на всю жизнь.

Это, понятное дело, говорит человек военный. Его мнение — честное и смелое — объяснимо. Но вот ещё одно мнение: человека, который в тридцатые годы был репрессирован и, как говорится, хватил лиха сполна. Побывал в трёх ссылках. Одну отбывал, как и Сталин, в Туруханском крае. Я говорю о Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком. Святителе Луке. Бывшем архиепископе Симферопольском и Крымском, известном хирурге. Во время войны он совмещал служение Богу с работой в эвакогоспитале. Написал несколько серьёзных статей, в том числе по гнойной хирургии, за что был удостоен Сталинской премии. Специалисты говорят, что его работы не утратили своей актуальности по сей день.

Не знаю, был ли он знаком с пресловутым докладом, но его мнение прямо противоположно хрущёвскому: «Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину. Сталин — богоданный вождь». Заметьте, эта оценка звучит от человека, причисленного к лику святых.

А вот мнение другого религиозного деятеля, митрополита Иоанна Санкт-Петербургского: «Сталин нам дан Богом, он создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить... Так что, если с высшей точки смотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек. Богом данный, Богом хранимый».

Корр.: Может, атеист Хрущёв потому так и ополчился на вождя? А заодно и на всю православную церковь. Говорят, по его указанию было снесено храмов больше, чем в самые боготорческие времена.

Д.Т.Язов: Вот это как раз нетрудно проверить. Хрущёвский «крестовый» поход против церкви происходил на глазах многих ныне живущих людей...

Корр.: Что не помешало нашим либералам и этот грех «повесить» на Иосифа Виссарионовича.

Д.Т.Язов: Ну это либо невежество, либо злой умысел. Известно, например, письмо Сталина Менжинскому от 1933 года. Приведу из него короткую выдержку: «ЦК считает невозможным проектирование застроек за счёт разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнерусского зодчества». В то же, примерно, время из репертуара одного из московских театров была снята комическая опера «Богатыри», что не обошлось, конечно же, без вмешательства Сталина. В обосновании говорилось, что опера «даёт антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являющегося в действительности положительным этапом в истории русского народа».

Ещё факт. Сталин подписывает решение Политбюро ЦК от 1939 года, в котором говорится: «Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей Русской православной церкви, преследования верующих».

За время войны в Советском Союзе было открыто 22 тысячи церквей. О помощи Сталина церкви и верующим есть множество документально подтверждённых свидетельств.

Корр.: Я читала, что сталинская Конституция 1936 года вернула священнослужителям избирательные права, верующие же получили право венчаться, крестить детей, праздновать Пасху... А чем лично Вы обязаны Иосифу Виссарионовичу?

Д.Т.Язов: Если на время абстрагироваться от военной составляющей, могу сказать, что не только я, но и большинство моих сверстников тем, кем мы стали, обязаны, в первую очередь, Сталину. Социализм, который он построил в «отдельно взятой стране», дал миллионам таких, как я: образо-

вание, профессию, возможность совершенствоваться в своём деле. При какой другой власти мальчишка из глухого сибирского села мог стать маршалом? А ведь нас в семье было 10 детей. И поднимала мать такую ораву почти в одиночку. Отец рано умер, а позже и отчим погиб в Великой Отечественной. Всех вырастила, поставила на ноги.

Корр.: Похожая ситуация была в крестьянской семье бывшего диссидента, известного философа Александра Зиновьева. Детей было одиннадцать. Все вышли в люди. Один стал профессором, другой — директором завода, третий — полковником и так далее. В эту эпоху, пишет Зиновьев, «происходил беспрецедентный в истории человечества подъём многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, учёные, писатели, директора».

При Сталине, приходит он к выводу, «было подлинное народовластие... а сам Сталин был подлинным народным вождём». Вот потому-то мать Зиновьева, простая крестьянка всю жизнь хранила в Евангелии портрет Сталина.

Д.Т.Язов: Сейчас ёрничают, говоря о Сталине: «отец народов». А он действительно был для народа кем-то вроде отца. Эту глубинную связь со своим вождём люди чувствуют до сих пор. Потому и голосуют за него, рисуют иконы и ставят памятники вопреки колоссальным препятствиям.

Люди тоскуют по былому величию страны, по одержанным при Сталине победам; по уверенности, с которой народ смотрел в своё будущее; по справедливости, которая царила тогда в обществе. Кто-то назвал это народное состояние «поисками отца во времена безотцовщины». Точнее не скажешь!

Корр.: Сейчас в связи с «юбилеем» хрущёвского доклада опять подняли тему репрессий. Опять у наших антисталинистов капитаны командуют дивизиями, поскольку все, кто выше, были поголовно истреблены. Я решила поискать. Якобы в Ленинградском военном округе накануне войны во главе дивизий были сплошь капитаны. Простудировала мемуары Кирилла Афанасьевича Мерецкова. И, представьте, нашла одного замечательного капитана.

История эта связана с трагическими событиями 1942 года, когда в окружение попала 2-я ударная армия. На поиски Военного совета и штаба армии Мерецков отправил танковую роту с десантом и своего адъютанта капитана Михаила Григорьевича Бороду. А дальше рассказ продолжит сам командующий фронтом: «Выбор пал на капитана Бороду не случайно. Я был уверен, что этот человек прорвётся сквозь все преграды. Когда началась Великая Отечественная война,

краснознамёнец Михаил Григорьевич Борода, отличившийся ещё во время войны с Финляндией, являлся начальником 5-й погранзащиты возле Суоярви на финляндской границе. Финнам удалось... взять заставу в кольцо... 22 дня герои выдерживали осаду. А когда боеприпасы оказались на исходе, пограничники штыковой атакой прорвали кольцо окружения с неожиданной стороны — в направлении к Финляндии — и ушли от преследования в полном вооружении и неся с собой раненых».

И дальше Мерецков продолжает: «Михаил Григорьевич не раз отличался в бою. Так, весной 1942 года под Мясным Бором он получил от меня задание: помочь дивизии полковника Угорича отбить атаку противника, рвавшегося к Ленинградскому шоссе. Когда комдив был смертельно ранен, Борода временно принял на себя его функции и не дал дивизии отступить».

Д.Т.Язов: Да, такого капитана стоило поискать. А чтобы покончить с этой темой, скажу, что и во время войны и после мне не случалось встречать во главе дивизий капитанов. Командовали исключительно полковники и генералы. Кстати, я воевал по соседству с капитаном Бородой — на Волховском фронте.

Корр.: Почти все наши крупные военачальники — из крестьянских, часто многодетных семей: и Жуков, и Конев, и Черняховский, и Чуйков, и многие другие. У родителей Чуйкова, например, было 12 детей. Геббельс, рассматривая в 1945 году фотографии советских военачальников, признал: «По лицам их видно, что вырезаны они из хорошего природного дерева... Приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса, получше, чем наша собственная».

Как же это удалось — крестьянским детям превзойти немецких «сверхчеловеков»?

Д.Т.Язов: Вынужден повториться: и это во многом тоже благодаря заботам Иосифа Виссарионовича. Он большое внимание уделял подготовке военных кадров. В стране действовали десятки военных училищ, несколько академий, включая Академию Генерального штаба. На должность её начальника был назначен крупнейший военный специалист — Борис Михайлович Шапошников. Сталин его очень ценил и уважал. Однажды поинтересовавшись, чему учат будущих военачальников, вождь обнаружил, что третья часть учебного процесса отведена... политобразованию. Такова была традиция. Сталин собственноручно вычеркнул этот раздел и дал указание возникший пробел заполнить военными дисципли-

линами. Для Иосифа Виссарионовича такой подход к делу был вполне типичным. «Армия, — говорил он, — может быть сильной только тогда, когда пользуется исключительной заботой и любовью народа и правительства... Армию надо любить и лелеять». При Сталине к армии так и относились. Внимателен и заботлив был Верховный Главнокомандующий и к своим подчинённым. Как нельзя лучше это доказывает история с генералом Вольским.

Корр.: У некоторых авторов, пишущих о войне, я встречала мнение, что такого случая вообще не могло быть...

Д.Т.Язов: Случай, действительно, неординарный. Но какие могут тут быть сомнения. Об этой истории довольно подробно рассказал Александр Михайлович Василевский. Он был тогда начальником Генштаба и представителем Ставки на Сталинградском фронте. Готовилось наше контрнаступление. Была определена дата: 19 ноября. И вдруг 17-го вечером Сталин вызывает Василевского в Москву и знакомит с письмом командира 4-го механизированного корпуса генерала Вольского. А надо сказать, что именно этот корпус должен был стать главной ударной силой фронта. Письмо примерно такого содержания: «Дорогой товарищ Сталин! Считаю своим долгом сообщить Вам, что я не верю в успех предстоящего наступления. У нас недостаточно сил и средств для этого. Я убеждён, что мы не сумеем прорвать немецкую оборону и выполнить поставленную перед нами задачу. Что вся эта операция может закончиться катастрофой и вызовет неисчислимые последствия, принесёт нам потери, вредно отразится на всём положении страны...

Корр.: Не могу удержаться от реплики: это какой же верой в своего Главнокомандующего надо было обладать, чтобы в столь неподходящий момент поделиться с ним своими сомнениями. Ведь реакция могла быть самой суровой.

Д.Т.Язов: На самом деле произошло вот что. Сталин поинтересовался, что за человек, написавший ему это тревожное письмо. Получив отличную характеристику, попросил соединить его с Вольским. Со слов Василевского, он сказал ему: «Я думаю, что Вы неправильно оцениваете наши и свои возможности. Я уверен, что Вы справитесь с возложенными на Вас задачами и сделаете всё, чтобы ваш корпус выполнил намеченное и добился успеха... Готовы ли Вы сделать все от вас зависящее, чтобы выполнить поставленную перед Вами задачу?»

Услышав положительный ответ, Сталин спокойно закончил: «Я верю в то, что вы выполните вашу задачу, товарищ Вольский. Желаю вам успеха».

Василевский вернулся в Сталинград. Операция развивалась успешно. Вольский действовал смело и решительно. По ставленную задачу выполнил. Вот как зафиксировал этот факт Василий Иванович Чуйков в своей книге «От Сталинграда до Берлина»:

«23 ноября в 16 часов части 4-го танкового корпуса под командованием генерал-майора А.Г.Кравченко и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта под командованием генерал-майора В.Т. Вольского соединились в районе хутора Советский. Кольцо окружения сомкнулось». Когда Василевский в очередной раз докладывал Сталину об обстановке, тот спросил, как действовал Вольский и его корпус. Услышав, что действовали они отлично, сказал: «Вот что, товарищ Василевский, раз так, я прошу Вас найти там, на фронте, хоть что-нибудь пока, чтобы немедленно от моего имени наградить Вольского. Передайте ему мою благодарность и дайте понять, что другие награды... впереди».

У Василевского был трофейный немецкий «вальтер». На нём сделали соответствующую надпись, и Александр Михайлович передал командиру корпуса слова Сталина и подарок. «Мы стояли с Вольским, — вспоминал позже Василевский, — смотрели друг на друга, и с ним было такое потрясение, что этот человек в моём присутствии зарыдал, как ребёнок».

Вот что значит вовремя поддержать человека, помочь ему обрести уверенность и сказать напоследок доброе слово. Таким он был, наш Верховный Главнокомандующий.

Корр.: Но на этом ведь история не закончилась...

Д.Т.Язов: Да. Было у неё героическое продолжение. Это случилось уже после того, как армия Паулюса была окружена. Но на выручку ей спешила специально созданная группа «Дон» под командованием Манштейна. Танкам немцев удалось прорвать нашу оборону. Сложилась опаснейшая ситуация. Могло пройти суток двое, и уже поздно было бы что-то предпринимать. Трёхсоттысячная армия Паулюса могла уйти из Сталинграда. Ставка решила выдвинуть навстречу Манштейну 2-ю гвардейскую армию Малиновского. Но её нужно было перебросить с другого фронта. К нужному сроку она не успевала. Положение спасли корпус Вольского и находившиеся поблизости части. Они задержали немцев до подхода гвардейцев Малиновского. Вот что писал по этому поводу командующий фронтом Ерёмко: «Величайшая заслуга наших частей и соединений, вступивших в неравный бой с группой войск Гота — Манштейна, состоит в том, что они ценой неимоверных усилий и жертв выиграли восемь

дней драгоценнейшего времени, необходимого для подхода резервов».

В те дни газета «Красная звезда» писала об одном из полков корпуса Вольского: «Подвиг, совершённый этим полком, перекрывает все представления о человеческой выносливости, выдержке и воинском мастерстве».

Корпус вскоре стал гвардейским. А что касается письма, с которого всё началось, то тут, видимо, сказались и страшное перенапряжение тех дней, и чувство огромной ответственности, и опасение, что может не получиться. Такое на войне бывало, особенно с теми, кто не прошёл боевого крещения, не успел побывать в серьёзных боях.

Корр.: А как сложилась дальнейшая судьба Вольского?

Д.Т.Язов: Я потерял его из виду. Знаю, что после корпуса он командовал гвардейской танковой армией. В 1944-м ему было присвоено звание генерал-полковника. Наши пути не пересекались. Слышал, что он рано ушёл из жизни.

Наберётся немало случаев, когда Сталин выручал человека в трудную минуту, входил в его положение, поддерживал, оказывал доверие. Об одном из таких примеров рассказывает комиссар Генштаба Ф.Е. Боков. В январе 1943 года он знакомил Верховного Главнокомандующего с документами. Среди них оказалось предписание командующего Южным фронтом Ерёменко и члена Военного совета Хрущёва. Они требовали снять с должности командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Танасчишина. Он обвинялся в превышении власти. Приведу с небольшими сокращениями состоявшийся диалог.

— Это какой Танасчишин? — спросил И.В.Сталин. — В прошлом кавалерист?

— Да. Зовут его Трофим Иванович.

— Я его хорошо знаю. Боевой рубака... А как его корпус воюет?

— Очень хорошо. При Танасчишине стал гвардейским.

Уточнив, в чём конкретно обвиняют генерала, Сталин подытожил: «Личных мотивов у него не было. Болел за выполнение боевого задания, но переусердствовал...» И вынес решение: «Снимать не будем. Передайте Ерёменко и Хрущёву, что Сталин взял Танасчишина на поруки».

Ерёменко с Хрущёвым оставалось только повторить: на поруки, так на поруки.

Корр.: Дмитрий Тимофеевич, а я ведь встречала похожий случай в мемуарах Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Там фигурирует лётчик-истребитель, прибывший в Москву за боевой наградой — Звездой

Героя Советского Союза. Получил, отметил с друзьями и поздно ночью возвращался домой. Услышав женский крик, бросился на помощь. К незнакомой девушке приставал солидный мужчина. В случившейся разборке лётчик застрелил обидчика. Пострадавшим оказался ответственный работник какого-то наркомата. Доложили Сталину. Разобравшись в происшедшем, он спросил, что можно сделать по закону? Ему ответили: до суда героя можно взять на поруки. Сталин написал заявление в Президиум Верховного Совета с просьбой отдать боевого лётчика ему на поруки. Просьбу удовлетворили. Лётчик вернулся на фронт, героически воевал и погиб в одном из воздушных боёв.

Рассказав об этой истории, Голованов, близко знавший Сталина, отмечает: «Строгий спрос по работе и одновременно забота о человеке были у него неразрывны. Они сочетались в нём так естественно, как две части одного целого и очень ценились всеми близко соприкасавшимися с ним людьми. После таких разговоров как-то забывались тяготы и невзгоды. Вы чувствовали, что с вами говорит не только вершитель судеб, но и просто человек».

Д. Т. Язов: Вы спрашивали, как нашим полководцам удалось превзойти немецких. Их воспитывала, поднимала на служебные высоты сама атмосфера, созданная в армии при Сталине. Главный маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев отмечал: «Сталин обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но когда по обсуждаемому вопросу принималось решение, оно было окончательным». В своей книге «Об артиллерии и немного о себе» Николай Дмитриевич описывает совместную работу с Верховным Главнокомандующим. «Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры — вполголоса...

Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нескольких военных задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. И тут как раз входит Поскрёбышев и докладывает, что такой-то генерал прибыл.

Пусть войдёт, сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошёл не совсем твёрдо державшийся на ногах генерал! Он подошёл к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно

бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошёл к генералу и мягко спросил:

— Вы как будто сейчас нездоровы?

— Да, — еле выдавил тот пересохшими губами.

— Ну, тогда мы встретимся с вами завтра, — сказал Сталин, — и отпустил генерала.

Когда тот закрыл за собой дверь, И.В.Сталин заметил, ни к кому не обращаясь:

— Товарищ сегодня получил орден за успешно проведённую операцию. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет.

Рассказав эту поучительную историю, Яковлев добавляет, что во многом благодаря Сталину в руководстве страной с первого дня войны и до последнего было нерушимое единство. Слово Верховного Главнокомандующего было законом.

Корр.: Дмитрий Тимофеевич, Вы заметили, что наши либералы запустили по новому кругу свою заезженную пластинку: войну мы выиграли вопреки Сталину? Жириновский просто в истерике заходится, пытаюсь доказать недоказуемое.

Д.Т.Язов: Всё объяснимо. Приближаются выборы. В Думу хочется. А предъявить народу нечего. Вот и пускают в ход давно опровергнутые небылицы. Я недавно прочитал книгу Феликса Чуева о нашем выдающемся авиаконструкторе Сергее Владимировиче Ильюшине, которому принадлежат вот эти слова: «У Сталина была хорошая черта: он не любил всякую сволочь и очень любил Россию. Он был для честных. И воспитывал надёжных. Потому и побеждали».

Корр.: Слово русского гения Ильюшина против домыслов «сына юриста» Жириновского. Неплохо выглядит.

Мой отец во время войны летал на знаменитом ильюшинском штурмовике «Ил-2». О войне он рассказывать не любил, но в семье были книги про авиацию. В одной из них я нашла слова английского генерала: «Россия выпотрошила немецкую армию. Ил-2 был одним из её наиболее важных хирургических инструментов».

Д.Т.Язов: А Вы знаете, что в судьбе этого прославленного самолёта, можно сказать, решающую роль сыграл Иосиф Виссарионович? Не знаю, что было причиной — может быть, недомыслие, косность, не исключена и зависть, — но против самолёта ополчились все, от кого зависел его выпуск. Особенно упорствовали военные. Ильюшин не сдавался. Но на всякий случай приготовил чемоданчик с сухарями. До серъ-

ёзной опалы дело не дошло. Вмешался Сталин. Отправил за конструктором машину. Привёз к себе, сказав:

— Если не возражаете, товарищ Ильюшин, поживёте пока у меня. Здесь, надеюсь, Вам никто не будет мешать работать.

Конструктор прожил у вождя неделю. Позже он делился своими впечатлениями с сотрудниками: «У Сталина никакой роскоши, но огромное количество книг. Все стены в книгах. Он читал по ночам по триста-пятьсот страниц... Мы вместе питались — щи, гречневая каша, никаких разносолов... Конечно, за эту неделю я измучился до предела. Выдержать темп работы Сталина непросто».

Но самое интересное было впереди. В один из дней вождь привозит Ильюшина на заседание Политбюро. Кроме соратников Сталина, присутствуют авиационные специалисты. Выслушав разные мнения, Иосиф Виссарионович сказал: «А теперь послушайте, что думаем по этому поводу мы с товарищем Ильюшиным...» В итоге ильюшинское КБ осталось в Москве, а Сергей Владимирович и его сотрудники получили возможность спокойно заниматься своим делом.

Казалось бы, всё улажено. Но Сталин не выпускает историю с самолётом из своего поля зрения. И вот через какое-то время директорам авиационных заводов Шенкману и Третьякову летит грозная сталинская телеграмма: «Вы подвели нашу страну и Красную Армию. Вы не изволили до сих пор выпускать самолёты Ил-2. Самолёты Ил-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб. Шенкман даёт по одному Ил-2 в день, а Третьяков даёт Миг-3 по одной, по две штуки. Это насмешка над страной, над Красной Армией. Нам нужны не МиГи, а Ил-2. Если 18-й завод думает отбрехнуться от страны, давая по одному Ил-2 в день, то жестоко ошибается и понесёт за это кару. Прошу Вас не выводить правительство из терпения и требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю последний раз».

Корр.: И кто-то ещё смеет утверждать, что войну мы выиграли вопреки Сталину.

Д.Т.Язов: Послушайте, что было дальше. «Отбрехнуться» не удалось. После сталинских указаний всё нашлось для производства необходимого количества самолётов. И на фронт ежедневно пошло по сорок Илов.

А машина была, действительно, замечательной. О ней говорили: это русское чудо, звёздный час Ильюшина. В мире не было равного этому самолёту.

А вот немецкая оценка: «Самолёт Ил-2 — свидетельство исключительного прогресса. Он является главным, основным противником для немецкой армии».

Для Сталина всегда на первом месте было дело. И, конечно, человек, от которого зависела судьба этого дела. Известен, например, такой случай. Верховный Главнокомандующий был недоволен работой начальника Главного штаба Военно-морского флота. Встал вопрос о замене. Рекомендовали адмирала Исакова, но были сомнения: утверждают ли его кандидатуру. У адмирала была ампутирована нога. Все сомнения развеял Сталин. Он сказал: «Лучше работать с человеком без ноги, чем с человеком без головы».

Корр.: Вы наверняка видели телевизионный «Поединок», где скрестили шпаги лидер ЛДПР Жириновский, производивший, мягко говоря, впечатление человека не совсем вменяемого, и спокойный, вооружённый множеством фактов Николай Стариков. Основной удар, естественно, наносился по Сталину, но досталось и Старикову, его защищавшему. Против него ополчились не только команда Жириновского, но и так называемый эксперт с какой-то учёной степенью и даже Соловьёв, ввернувший по ходу разговора про злоешие энкавэдэшные «воронки», забиравшие по ночам добропорядочных граждан. И что в итоге? Старикова поддержало на 50 тысяч телезрителей больше, чем его коллективных оппонентов. Народ чует ложь за версту.

Д.Т.Язов: Если вернуться к Александру Зиновьеву, то он называл Сталина не только «величайшей личностью нынешнего столетия», «величайшим гением», но и «самым подлинным и верным марксистом».

Корр.: Что же тогда молчат наши коммунисты? Может быть, пора устроить ещё один партийный съезд, на этот раз по реабилитации Иосифа Виссарионовича? Чтобы покончить, наконец, с нагромождениями антисталинской лжи. Чего бояться?

Д.Т.Язов: По-моему, во времена Ельцина внук Сталина Евгений Яковлевич Джугашвили, полковник, преподаватель военной академии пытался привлечь противников вождя за клевету. Каких только палок в колёса ему ни вставляло тогдашнее «демократическое» правосудие. Вплоть до того, что потребовало доказательств, является ли он вообще родственником вождя. Пришлось ехать в Грузию, поднимать церковные архивы, чтобы доказать, что у Иосифа Джугашвили в 1907 году действительно родился сын Яков, а у того потом — сын Евгений, внук Сталина. Но дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Может быть, сейчас получится?

Но я бы хотел вернуться к разговору о сталинских военачальниках. Посмотрите, какую блестящую плеяду командующих вырастил Иосиф Виссарионович во время войны. Вот

перед вами типичная судьба крестьянского парня, ставшего маршалом бронетанковых войск, дважды Героем Советского Союза. Всё, что связано со Сталиным, Михаил Ефимович Катуков отображает в своей автобиографии.

Корр.: Почему в биографии? Он не отделяет свою личную жизнь от вождя? Разве не проще было написать мемуары?

Д.Т.Язов: Он их и напишет. Позже. Но самое сокровенное — в автобиографии:

«В сентябре месяце я впервые увиделся с товарищем Сталиным. Много я думал, как доложу ему... Но вышло совсем не так. В прихожую вышел сам товарищ Сталин, протянул мне руку и сказал: «Здравствуй, товарищ Катуков, заходи ко мне...» В тот день был у меня двойной праздник. Я в первый раз увидел товарища Сталина, говорил с ним, и в день 17 сентября мне исполнилось 42 года».

Корр.: Сегодняшним скептикам трудно представить волнение, которое испытывал боевой генерал при встрече с вождём.

Д.Т.Язов: А Михаил Ефимович продолжает: «Товарищ Сталин долго говорил со мной о войне, о методах боя, о людях, о технике, выказывая такую глубину знания вопросов техники и природы боя, которые могли принадлежать только чрезвычайно высокой квалификации специалисту...»

Выясняется, что Верховный Главнокомандующий пригласил Катукова не для праздного разговора. Тогда в армии начали создаваться крупные механизированные корпуса. Катукову, хорошо проявившему себя в битве под Москвой, предлагалось возглавить один из них.

Идём дальше. В автобиографии значится уже 1943-й год. Новая встреча. «Товарищ Сталин встретил меня ласково, как старого знакомого, и спросил: «Справишься, товарищ Катуков, командовать армией?» Я сказал: «Справлюсь, товарищ Сталин».

«Я брал на себя, — продолжает Катуков, — серьёзную ответственность в тяжёлые годы войны и честно выполнил свой долг, закончив войну в Берлине. И самой высшей для меня наградой было сознание, что и присягу, и данное слово товарищу Сталину я выполнил».

Под автобиографией дата: 1960-й год.

Корр.: Это было время, когда Хрущёв, грубо говоря, спустил на вождя всех собак и под их истощным напором дрогнули многие известные сослуживцы Михаила Ефимовича. А он остался верен своему Верховному Главнокомандующему. Так же, как и его жена, Екатерина Сергеевна Катукова, дошедшая с мужем от Подмосковья до Берлина. Я брала у неё интервью в 2012 году. Ей шёл 99-й год. Она сохранила уди-

вительную для своего возраста ясность ума, хорошую память, объективный взгляд на события. Рассказала, как первый раз побывала в кабинете Иосифа Виссарионовича. Ей, лучшей стенографистке аппарата ЦК ВКП(б), поручили стенографировать текст выступления Сталина. Говорит, что очень волновалась. Постучав в дверь, услышала: «Заходите, товарищ». Вождь вышел навстречу, проводил к столу, пододвинул стул. После диктовки, поблагодарив, проводил до дверей. Вот и весь рассказ. Вы можете себе представить, чтобы теперешний чиновник даже средней руки так обходился со своими подчинёнными?

Позже в своей книге «Памятное» Екатерина Сергеевна так описала свои ощущения тех лет: «Товарищ Сталин был для нас таким высоким идеалом коммуниста-большевика, что все мы, в том числе и я, отдали бы за него свои жизни, не задумываясь».

Д.Т.Язов: Побывавший в 1937 году в Москве известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер, размышляя о Сталине, заметил: «Скоро начинаешь понимать, почему массы его не только уважают, но и любят. Он часть их самих...»

Сталин, как он предстаёт в беседе, не только великий государственный деятель, социалист, организатор, — он, прежде всего, — настоящий человек».

Корр.: А вот в человечности-то ему как раз и отказывают. Изображают патологическим злодеем, монстром и так далее — в соответствии с фантазией злопыхателей.

Д.Т.Язов: Я уже рассказывал, каким внимательным, терпеливым, заботливым он был руководителем. Приведу ещё один пример. Иван Степанович Конев рассказывает Константину Симонову о том, как он с группой других военачальников был на совещании у Сталина. Дело происходило уже после войны, и встал вопрос об отпуске. Вождь спрашивает:

— Как здоровье?

— Здоровье так себе, товарищ Сталин.

— В отпуск идёте?

— Да, иду.

— Насколько?

— На полтора месяца... Больше не положено, товарищ Сталин.

— Как так не положено?

И, обращаясь к Булганину, который был первым заместителем наркома, говорит:

— Дайте ему три месяца. И ему три месяца, и ему три месяца. Надо понимать, что люди вынесли на

своих плечах. Какая была тяжесть, как устали... Надо три месяца, чтобы почувствовали, привели себя в порядок, отдохнули, полечились».

Вот и судите, каким он был человеком. Таким, как у Фейхтвангера и Конева, или таким, как у Сванидзе и Жириновского?

Корр.: Дмитрий Тимофеевич, не прошу себе, если не спрошу Вас о Рокоссовском. Он был из тех, кто, как и Катуков, сохранил верность своему Главнокомандующему до конца. Хотя мог затаить обиду за то, что Сталин перебросил его с 1-го Белорусского, нацеленного на Берлин, на 2-й Белорусский фронт. Многие считают, что это было несправедливо, что русскому шовинисту Сталину нужен был в Берлине человек с русской фамилией.

Д.Т.Язов: Начну с того, что Сталин любил Рокоссовского за его деликатность, интеллигентность и, конечно, за огромный военный талант. А замена его Жуковым на 1-м Белорусском никакого отношения к национальности Константина Константиновича не имеет. Жуков был первым заместителем Верховного Главнокомандующего. Он знал людей, с которыми ему предстояло иметь дело. Как заместитель Сталина он правомочен был вести переговоры и в конце концов подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии. Так что тут дело в простой субординации, если можно так сказать.

Кстати, манера общения с людьми и Сталина, и Рокоссовского схожи. Те же доброжелательность, уравновешенность, спокойствие. Этим Рокоссовский отличался от многих своих коллег военной поры. Вот как сам Константин Константинович определяет свой стиль общения с подчинёнными:

«У каждого руководителя своя манера, свой стиль работы с ближайшими сотрудниками. Стандарт в этом тонком деле не изобретёшь. Мы старались создать благоприятную рабочую атмосферу, исключая отношения, построенные по правилу «как прикажете», исключая ощущение скованности, когда люди опасаются высказать суждение, отличное от суждения старшего».

Корр.: Наверное, нелегко ему пришлось с этим своим сводом правил, попав в подчинение к Жукову на Западном фронте?

Д.Т.Язов: Не забывайте, что это было под Москвой, в самые критические дни, когда всё висело на волоске. Может быть, в тот момент там и нужен был такой человек, как Жуков. Жёсткий, бескомпромиссный, не щадящий никого ради победы. Так было и в том случае, о котором я хочу рассказать. Рокоссовский тогда командовал 16-й армией. Оценив

обстановку, он попросил разрешения отвести свои ослабленные в непрерывных боях дивизии за Истринское водохранилище, там подготовиться и дать врагу отпор. Иначе, считал он, противник опрокинет с трудом обороняющиеся войска и, как говорится, на их плечах форсирует водохранилище. Последовал незамедлительный ответ: «Приказываю стоять насмерть, не отходя ни на шаг». Стараясь избежать катастрофы, командующий армией обратился напрямую к начальнику Генштаба. Тот, приняв во внимание сложившуюся ситуацию, разрешил отвод. Но всё решила грозная телеграмма Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать!»

Видимо, узнав о стычке, Сталин позвонил Рокоссовскому. Тот приготовился получить ещё одну выволочку. Как и предполагал командарм, его войска вынуждены были отступить. Но вопреки ожиданиям в телефонной трубке услышал спокойный, доброжелательный голос Иосифа Виссарионовича: «Прошу Вас продержаться ещё некоторое время, мы вам поможем». На следующее утро в 16-ю армию поступили: полк «катюш», два полка противотанковой артиллерии, четыре роты солдат с противотанковыми ружьями, три батальона танков и две тысячи москвичей, чтобы пополнить поредевшие дивизии.

Я привёл этот случай, чтобы ещё раз показать, каким заботливым, внимательным и человечным был Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин. Так что Лион Фейхтвангер не ошибся в оценке нашего вождя.

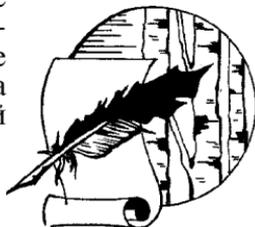
В заключение хотел бы привести слова старейшего сталинского соратника Вячеслава Михайловича Молотова, разжалованного Иосифом Виссарионовичем, что не помешало ему сохранить верность вождю и объективность его оценки: «Чем больше на него нападают, тем выше он поднимается... Более последовательного, более талантливого, более великого человека, чем Сталин, не было и нет».

Беседу вела Галина Кускова

ЗАМОЛЧАННЫЙ МАРКС

(Статья известного русского историка, писателя, литературного критика, публициста Николая Ивановича Ульянова (1904—1985), впервые опубликованная в 1968 г. в Париже)

В личности и в учении апостола коммунизма есть глава, про которую нельзя сказать, что ее скрывают. Относящиеся к ней материалы опубликованы, но широкий читатель их не знает. Если «Капитал», «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» Энгельса и прочие «богослужебные» книги выпускаются огромными тиражами и прямо-таки навязываются публике, то для ознакомления со статьями из «Новой Рейнской газеты» надо обращаться к малораспространенным и редко встречающимся изданиям, вроде штутгартского «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassal». Так же трудно доступны письма, касающиеся темы, о которой собираемся говорить здесь. Нужен особый исследовательский интерес, чтобы из нескольких томов «Briefwechsel», изданных трудами Ф. Меринга, Бебеля, Каутского, Бернштейна, извлечь необходимые тексты. Такой труд, конечно, не для массового читателя. Последователи же Маркса и марксоведы отнюдь не ставят задачей облегчение знакомства с ними. Если им и приходится порой

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

касаться пикантного материала, они почти всегда сглаживают его одиозность, дают ему толкование, благоприятное для Маркса. Даже Эдуард Бернштейн, «ревизионист», первый посягнувший на культ непогрешимости учителя, старается оправдывать самые дикие его высказывания.

Только политические противники Маркса, вроде Джемса Гийома, давно отметили их «дикость», но их одинокие голоса заглушены дружным хором марксистов. Из русских «полумарксистов» едва ли не единственным, обратившим внимание на ересь вождей, был В.М. Чернов — лидер партии эсеров. В парижской газете «Жизнь» он напечатал в 1915 году серию статей, под псевдонимом Гарденина, которая появилась через год в Петрограде на страницах «Русского Богатства», озаглавленная «Марксизм и славянство», а летом 1917 года под тем же заглавием вышла в Петрограде отдельной брошюрой. В буре тех дней она вряд ли привлекла к себе внимание; с приходом же к власти большевиков поднятая в ней тема попала в разряд запретных и пребывает таковой до сего дня.

Между тем, никогда за все 150 лет, протекших со дня рождения создателя «научного социализма», не было более удачного момента, чем сейчас, чтобы припомнить такие его высказывания, о которых ортодоксальные марксисты стараются не говорить, как о секретной болезни. Именно сейчас, когда мировая революция делает ставку на национальные противоречия, когда ни «пролетариат», ни «революционное крестьянство», ни даже «трудящиеся» не фигурируют в революционном словаре, уступив место «народам», «сегрегациям», «расовым дискриминациям», полезно открыть запечатанную книгу и посмотреть, что писал о «расах» тот, кто призывал пролетариев всех стран соединиться и кто считается создателем современного учения о политическом расширении национальной проблемы. Говорю «считается», потому что на самом деле это учение создано не им, а его эпигонами в эпоху II-го Интернационала. Когда покойный Р.А. Абрамович, лет 20 тому назад поместил в «Социалистическом Вестнике» три большие статьи с изложением социал-демократической точки зрения на национальный вопрос, там совсем не оказалось ссылок на основоположников марксизма. Перечислялись труды Карла Реннера, Бруно Бауэра, Каутского, Медема, всех представителей так называемой австро-марксистской школы, но ни Маркса и Энгельса, ни лиц из ближайшего их окружения не упоминалось. И это не случайно. Между теоретиками II-го Интернационала и Марксом — глубокая пропасть в воззрениях на национальный вопрос.

Чтобы не перечислять всех противоречий, коснемся знаменитого права наций на самоопределение, сделавшегося важнейшим лозунгом II Интернационала. Его нет у Маркса. Самое слово «самоопределение» берется часто в иронические кавычки. Если он и требовал иногда свободы и независимого государственного существования для какого-нибудь народа (ирландцев, поляков, итальянцев), то не в силу права и справедливости, а по сугубо утилитарным соображениям. Независимости Ирландии хотел не для самой Ирландии, а для ускорения государственного переворота в Англии. Потребовал на международном конгрессе в Женеве (1866 г.) самоопределения национальностей Российской Империи, но слышать не хотел о таком же самоопределении австрийских и турецких славян. Скорейшая гибель и уничтожение — вот что желал он этим наиболее угнетенным народам Европы. Внимание же его к российским народам он откровенно объяснил намерением разрушить Империю.

Он никогда не понимал «самоценности» права на самоопределение.

В революционном 1848 году поднялись венгры и чехи. Оба восстания имели одну и ту же цель — вырвать свою страну и народ из-под австрийской власти. Но все симпатии Маркса-Энгельса принадлежали только одному из них — венгерскому; другое, чешское, упоминается не иначе как с величайшей злобой, оно объявлено «реакционным» и чехам грозят за него мстью.

Современному читателю трудно примирить такие высказывания с укоренившимся представлением о Марксе — глашатае интернационализма и руководителе 1-го Интернационала. Исторические факты не дают ни малейшего права делать различия в природе венгерского и чешского восстаний. Но Маркс не исходил из фактов. Он руководствовался отвлеченной исторической доктриной. В молодости оба они с Энгельсом были гегельянцами, и многое из гегелевского учения довлело над ними всю жизнь, особенно популярное в те времена деление народов на исторические и неисторические.

У Гегеля оно основывалось на идее саморазвития мирового духа, Маркс и Энгельс подвели под него свой собственный базис в виде учения об экономическом прогрессе. Историческими народами были для них те, которые преуспевали в смысле материального процветания и на его основе создали крепкую государственность и культуру. Они — носители прогресса, хозяева истории. Им позволено устранять со своего пути народы отсталые, забирать их земли, богатства и самих уничтожать. «Народы, никогда не имевшие собствен-

ной истории, подпавшие с момента достижения ими первой грубой ступени цивилизации под чужое господство, такие народы не имеют никакой жизнеспособности и никогда не достигнут никакой самостоятельности». Американцам не ставят в вину захват Техаса и Калифорнии, вырванных «из рук ленивых мексиканцев». Мексиканцы не знали, что с этими землями делать, а вот янки, за короткий срок, развили там кипучую деятельность, насадили промышленность, построили города, принесли цивилизацию на берега Тихого океана. «Быть может, — пишет Маркс, — «независимость» некоторого числа испанских калифорнийцев и техасцев потерпела от этого; быть может, «справедливость» и другие моральные принципы были нарушены там и сям при этом случае, но что значат эти нарушения против таких всемирно-исторических фактов?» Надо ли говорить, что оправданием захвата Техаса и Калифорнии оправдывался и захват Египта, Конго, южной и северной Африки и все колониальные захваты времен Дизраэли, Жюль Ферри, Бисмарка, Бюлова, Леопольда II... Что сказал бы Маркс своим теперешним последователям, выбросившим лозунг «антиколониализма»?

В одной из корреспонденций в «Нью-Йорк дэйли трибюн» он описывал хозяйничанье англичан в Индии. Ему прекрасно были известны их хищнические приемы, беспощадный грабеж, следствием чего были систематические голодовки и неслыханное по размерам вымирание индусов. Но всё прощается англичанам за их роль разрушителей патриархального хозяйственного уклада и быта туземцев, за внедрение в индусскую экономику капиталистических начал. Он уподобляет это социальной революции. «Совершая эту социальную революцию в Индостане, Англия, конечно, руководилась исключительно низменными интересами и действовала грубо, желая добиться своего. Но дело не в этом. Весь вопрос в следующем: может ли человечество выполнить свое назначение без коренной социальной революции в Азии? Если оно этого не может, то Англия, каковы бы ни были ее преступления, при совершении этой революции была лишь невольным орудием истории».

Как примирить всё это с социалистическим учением?

Автор «Капитала» вышел из положения гениально. Он объявил неисторические народы реакционными — врагами прогресса и революции. «Нет такой страны в Европе, которая не обладала бы в том или другом уголке обломками одной или нескольких народностей, представляющих остатки прежнего населения, затесненного и угнетенного тою народностью, которая стала потом носительницей исторического

развития. Эти остатки племен, безжалостно растоптанных ходом истории, как выражался где-то Гегель, становятся и остаются вплоть до их полного угасания или денационализации фанатическими приверженцами и слугами контрреволюции, так как уже всё их существование представляет вообще протест против великой исторической революции». Напротив, история экономически и государственно сильных национальностей священна, как история избранных народов.

В Австрии существуют, по мнению Маркса, только три таких носителя прогресса, принимавших деятельное участие в истории и сохранивших свою жизнеспособность, это — немцы, венгры и поляки. И потому они революционны. «Миссия всех других крупных и мелких племен заключается, прежде всего, в том, чтобы погибнуть в революционной мировой буре. И потому-то они теперь контрреволюционны». «Все эти маленькие тупо-упрямые (stierkoeprfigen) национальности будут сброшены, устранены революцией с исторической дороги».

Нет нужды распространяться о том, как звучат подобные речи для современного уха, воспитанного на идее национальной терпимости и на осуждении расовой ненависти. Но нельзя не удивляться, что это изуверство вот уже сто лет не встречает слова осуждения со стороны последователей коммунистического пророка и не наложило на ореол его святости ни малейшего пятна. И это в то время, когда его именем разрушаются колониальные империи и создаются государства среди людоедских племен.

Сколько раз, и в статьях, и в переписке Маркса-Энгельса мы встречаемся с утверждением, будто реакционность славян объясняется не одним их участием как солдат в подавлении немецких и венгерских восстаний; она им присуща «от природы». Славяне и тысячу лет тому назад были контрреволюционны, подобно тому как немцы и мадьяры были революционерами еще при Карлах Великих, при Фридрихах Барбароссах. Энгельс так и говорит: «В Австрии, за исключением Польши и Италии, немцы и мадьяры в 1848 году, как и вообще в продолжение последнего тысячелетия, взяли историческую инициативу в свои руки. Они — представители революции. Южные славяне, уже тысячу лет тому назад взятые на буксир немцами и мадьярами, только для того поднялись в 1848 году на борьбу за восстановление своей национальной независимости, чтобы тем самым одновременно подавить немецко-венгерскую революцию. Они — представители контрреволюции». Их с одинаковым возмущением упрекали в двух взаимно исключающих друг друга грехах: в

том, что они стоят не за революцию, а за Габсбургов, и в том, что устраивают восстания против Австрийской империи. Читателям так и не объясняют, каким образом можно соединить верность Габсбургам со стремлением выйти из-под их власти. Не объясняют и другое: почему венгры, захотевшие отделиться от Австрии, сохранили репутацию революционеров, а славяне за такое же точно намерение предаются анафеме. С ними обещают свести счеты после революции. «Кровавой мезью отплатят славянским варварам, — грозит Энгельс, имея в виду победу революционной стихии, — всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций».

Когда Чернов-Гарденин в 1915 году с возмущением говорил об идее деления народов на революционные и контрреволюционные, Ленин горячо вступился за своего учителя. «Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас, сначала хотя бы дипломатически, своих Бисмарков, мы будем за наступательную революционную войну с ними».

Правда, по Ленину, Китай и Япония контрреволюционны лишь в том случае, если двинут своих Бисмарков; по Марксу же, они будут контрреволюционны и в том случае, если не двинут их.

Англичане беспощадно подавляли все ирландские восстания, пруссаки подавили дрезденское восстание, австрийцы задушили освободительные восстания чехов, итальянцев, венгров, тем не менее, ни англичане, ни обожаемые немцы не отнесены к нациям реакционным. Маркс-Энгельс могли поругивать Виндишгреца, Радецкого, но состоявших под их командой немцев ни в одном контрреволюционном грехе не заподозрили. Чехи же, хотя и подняли восстание и героически сражались на баррикадах, — реакционны. Реакционны как раз потому, что восстали, ибо восстали против немцев — избранного революционного народа. В те самые дни, когда на улицах Праги лилась кровь, оба друга писали в «Новой Рейнской газете», что хотя им по-человечески и жаль чехов, но победят они или потерпят поражение, их национальная гибель, во всяком случае, неизбежна». По их словам, в той великой борьбе между реакционным Востоком и революционным Западом Европы, что должна разразиться всего, может быть, через несколько недель, восстание чехов против немцев ставит их на сторону русских — на сторону деспотиз-

ма против революции. «Но революция победит, — угрожали они, — и чехи окажутся первыми жертвами угнетения с ее стороны». Чехам, таким образом, нет спасения: если их не добьет и не достреляет князь Виндишгрец, то добьет и достреляет Карл Маркс на другой день после победы революции. Они обязаны исчезнуть как национальность, потому что имели несчастье попасть в разряд народов «неисторических».

Марксу не принято приписывать националистических страстей. Даже Чернов, квалифицировавший образ его мыслей как шовинизм, дал этому шовинизму эпитет «революционный», что в достаточной степени бессмысленно, так как шовинизм категория национальная и в другой план непереносима. Но как объяснить несомненную и ярко выраженную неприязнь к целому ряду народов? Допустим, что авторы «Коммунистического Манифеста», в самом деле, ничем кроме социализма не горели, это не спасает их от упрека. Горение на манер вышеописанного не делает чести ни им, ни социализму. Неужели надо предположить не «революционный», а самый настоящий шовинизм? В таком случае, чьим шовинистом мог быть Маркс? Еврейским, поскольку он еврей? Но он и о евреях писал столь неласково, что существуют печатные работы, обвиняющие его в антисемитизме. Значит, немецким? Как ни странно звучит сейчас такой вопрос, отбросить его не так просто. То, что почти не встречается в наши дни, было сравнительно частым явлением во дни Маркса. Стоит вспомнить Дизраэли — вдохновителя английского джингоизма. В той же Германии до самого прихода Гитлера было немало евреев, называвших себя немцами иудейского вероисповедания. А Маркс, несмотря на большое количество предков-раввинов, не принадлежал к иудейству. Уже отец его был протестант; сам же он, хоть и сделался в юношеском возрасте атеистом, воспитан с детства в протестантизме, а мать и старшая сестра Софи являли типы настоящих протестантских фанатичек. Всё это — не в пользу его еврейства. Если прибавить женитьбу на Женни фон Вестфален и постоянное вращение в немецких кругах и семьях, то не трудно понять его германизацию. К тому же, как это рисует в своей книге Б. Николаевский, нигде, может быть, не существовало более удачных условий для ассимиляции евреев, чем в Германии. Особенно ухаживали за интеллигенцией. На Маркса, как на в высшей степени одаренного человека, не могла не оказать влияния и культура страны, особенно великая немецкая философия. Едва ли не Гегель, чьим поклонником он был в молодости, привел его к германизму. Ведь конечным пунктом всемирного развития и наивысшим воплощением

мирового духа, по Гегелю, было прусское государство Фридриха-Вильгельма III. Раз сам мировой дух был пруссаком, то почему бы не идти по его стопам Карлу Марксу? От еврейства он мог усвоить темперамент, психический склад, но по умонастроению был совершенным немцем. После войны 1870 года, когда в «Интернационале» его пангерманизм стал вызывать толки, он с гордостью отвечал — да, я немец и хороший немец (von Haus aus ein Deutscher).

Что марксизм вылупился из немецкого гегельянства, это знают все, но что «революционная нетерпимость» Маркса родилась из немецкой национальной нетерпимости и высокомерия, этого знать не хочет ни один марксист. Гегель был, по-видимому, главным виновником того, что немецкий народ, для Маркса, имел все права на первенство. Достаточно беглого просмотра его сочинений и переписки, чтобы заметить особый тон всякий раз, когда речь заходит о немцах. Это ничего, что он и Энгельс частенько поругивают Бисмарка, Фридриха-Вильгельма, Вильгельма I, прусских юнкеров. Однажды они похвастались тем, что неоднократно выступали против всяких проявлений национальной ограниченности немцев, но тут же оговорились: «В отличие от некоторых других лиц, мы не ругали всё немецкое зря и с чужих слов». Критика была семейная. Но во всех высказываниях, касавшихся общего взгляда на германский мир, у них неизменно звучали фанфары. Они ведь родились и выросли в эпоху шумного превознесения германского гения и сознания превосходства всего германского. Порой они давали образцы настоящего юнкерского патриотизма, как это было во время франко-прусской войны 1870 года. Победы пруссаков они называли в своей интимной переписке «нашими блестящими победами». Тут они недалеко ушли от Лассалья, мечтавшего «дожить до времени, когда турецкое наследство достанется Германии и когда немецкие полки солдат или работников будут стоять на Босфоре».

Но патриотизм Маркса сказался в специальной области. Его национальная гордость состояла в том, чтобы не где-нибудь, а именно в Германии восторжествовало то дело, которому он посвятил жизнь. Честь открытия новой эры в истории должна принадлежать умнейшей и образованнейшей стране, породившей его — Маркса. В первое же десятилетие своей политической деятельности он до такой степени выявил эту тенденцию, что один из наблюдательных испанских парламентариев, Донозо Кортес, в 1850 году заметил: «У социализма существуют три великие арены: во Франции находятся ученики и только ученики, в Италии — исполнители

чужих преступных замыслов и только исполнители; в Германии же — жрецы и учителя». Статьи Маркса — Энгельса в «Новой Рейнской газете» свидетельствуют, что для этих людей всё совершившееся в 1848 году в Европе вершится вокруг одного стержня, одного имени, и это имя — Германия. Ожидая решающих для Европы событий, они и в мыслях не держат, будто разыграются они где-то во Франции, Англии, в любой другой развитой промышленной стране. Где бы они ни начались, главной ареной будет Германия, и триумфальный парад победных революционных армий состоится не в Париже и Лондоне, а в Берлине. Позднее, когда образовался Интернационал и Маркс добился в нем руководящей роли, всякие сомнения в великом провиденциальном назначении Германии отпали.

Ради этих национальных страстей он уже в 1848 году пошел на компромисс со своей теоретической совестью. Объявив немцев, в противоположность славянам, народом революционным, он погрешил против собственной теории прогресса, согласно которой никакая страна не может мечтать о революции, не имея к тому предпосылок в виде развитой промышленности и особого «радикального класса, связанного радикальными целями» — пролетариата. Его еще не было тогда в Германии, Энгельс в письме Вейдемейеру от 12 апреля 1853 года с грустью писал, что «в такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия, втянутая в передовую революцию, вместе с такой передовой страной, как Франция», — эта партия оказывается в трагическом положении. В случае серьезного конфликта она не имеет шансов очутиться у власти, как это полагалось бы; стремление к власти для нее было бы преждевременным по причине общей отсталости страны и немногочисленности пролетариата. Маркс настойчиво вменял в обязанность Германии — создание собственного пролетариата. В 1865 году он жаловался Энгельсу на невозможность «далеко уехать» по пути революции на немногочисленном немецком рабочем классе.

Значит, по сравнению с англичанами и французами, немцы имели столько же прав на звание передового революционного народа, сколько и презираемые Марксом «неисторические» славянские народы. Но славян он заклинает согнуть с лица земли, а немцев всячески выводит в люди. Придумывает для них любопытный прием: «В Германии всё дело будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны». На простом языке это значит: если пролетариат в Германии слаб и ничтожен, так это ничего — сделаем пролетарс-

кую революцию крестьянскими руками; если наша передовая партия висит в воздухе, не имея социального базиса, не важно! — лишь бы добраться до власти. Подхватывая тему захвата власти, Энгельс предлагает уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет».

Не звучит ли в этих рассуждениях что-то до ужаса нам знакомое? Не ленинская ли это постановка вопроса о пролетарской революции в России, где не обязательны ни развитая индустрия, ни многочисленный пролетариат, но обязательна и необходима «передовая партия» для совершения переворота любыми средствами? В 1848 году в Германии и в 1917 году в России революция готовилась не по марксистской теории, а вопреки ей.

Германия до самой смерти Маркса оставалась наименее индустриальной из всех великих стран Запада, но, невзирая на это, Маркс считал ее очагом прогресса и гегемоном пролетарского международного движения. Вся деятельность его направлена была на перенесение центра этого движения в Германию.

Сохранилось замечательное письмо его Энгельсу от 20 июля 1870 года — перед самым началом франко-прусской войны. Пересылая своему другу выпуск «Reveil» со статьей старика Делеклюза, будущего героя Парижской Коммуны, Маркс рвет и мечет по поводу одной фразы в этой статье: «Франция единственная страна идей». «Это чистейший шовинизм! — восклицает он. — Французов надо вздуть. Если пруссаки победят, то централизация государственной мощи будет использована для централизации германского рабочего класса. Кроме того, преобладание немцев перенесет центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Достаточно сравнить движение в этих двух странах с 1866 года до настоящего времени, чтобы видеть, что германский рабочий класс выше французского, как с точки зрения теоретической, так и организационно. Преобладание на мировой арене немецкого пролетариата над французским будет в то же время преобладанием нашей теории над теорией Прудона».

В этой «нешовинистической» тираде, что ни слово, то смертный приговор революционно-интернационалистической репутации Маркса. До более тесной зависимости германский социал-демократии от успехов германского оружия не доходил и Лассаль, пытавшийся одно время заключить союз социализма с пруссачеством. Надобно знать негодование Маркса, с которым он отнесся к попытке Лассаля договориться с Бисмарком, чтобы в полной мере оценить приведенный здесь

отрывок его письма. Напустить Мольтке и Бисмарка на французов, возомнивших себя носителями революционной идеи, выколотить из них такое высокомерие и под пушками заставить признать превосходство марксизма над прудонизмом — это ли не образ мыслей, достойный руководителя «Международного Товарищества рабочих»? Таков он был и во время войны. Соблюдая социал-демократическое лицо в воззваниях Генерального совета Интернационала, он, в частной переписке, — совершенный пруссак. «Французов надо вздуть!» Он и Энгельс решительно одергивают простака Либкнехта, когда тот честно, по социал-демократическому уставу, вздумал обличать свое правительство и чинить неприятности Бисмарку. В одном письме Энгельс протестует против того, чтобы «какая-либо немецкая политическая партия проповедовала на манер Вильгельма (Либкнехта) полную обструкцию и выдвигала всякого рода побочные соображения взамен главного». Главное — конечно — победа над Францией. Так явствует из этого и из других писем. Энгельс в восторге от мощного патриотического подъема всех слоев немецкого населения, единодушно поддерживающего свое правительство, и освящает этот порыв как здоровое национальное чувство, потому что Германия, по его мнению, боролась за свое национальное существование. Французы же — отпетые шовинисты, как буржуа, так и пролетарии, как бонапартисты, так и социалисты; «до тех пор, пока этому шовинизму не будет нанесен удар, и крепкий удар, мир между Германией и Францией невозможен». «Я думаю, — заявляет он, — что наши (т.е. немецкие социал-демократы. — Н.У.) могут примкнуть к национальному движению». Маркс вторит ему: «Война сделалась национальной». Он вполне разделяет восторг Энгельса по поводу первых побед пруссаков, и фраза в письме его друга — «Это мы выиграли первую серьезную битву» — не встречает с его стороны никакой отповеди. Напротив, случай с Кугельманом позволил проявиться его пруссачеству с не меньшей откровенностью. Дело в том, что в воззвании Генерального совета Интернационала, редактированном Марксом, было сказано, что хотя эта война со стороны немцев носит оборонительный характер, но лишь до тех пор, пока германский рабочий класс не почувствует, что она из защиты превращается в нападение. Теперь, после блестящих успехов пруссаков, Кугельман решил, что такой переход от защиты к нападению совершился. Маркс строго отчитал Кугельмана, заявив, что вторжение немцев во Францию — чисто оборонительный акт, не имеющий ничего общего с агрессией. Кугельману, при всей его дружественности

к Марксу, пришлось признаться, что он ничего больше не понимает в гегельяно-марксистской диалектике.

Но вот, Наполеон III взят в плен, низложен, и в Париже объявлена республика. Немецкая социал-демократия в речах и воззваниях восторженно ее приветствует. Не могли не принять в этом участия и оба друга. Стоило, однако, французской секции Интернационала обратиться к немецкому народу с призывом прекратить братоубийственную войну и вывести войска из пределов Франции, как в переписке двух Аяксов начинает звучать прежняя нота. «Прокламация парижского Интернационала, — по словам Энгельса, — определенно свидетельствует о том, что эти люди вполне во власти фразы. Эти субъекты, поддерживающие Баденэ (Наполеона III) 20 лет, и шесть месяцев тому назад не сумевшие помешать ему получить шесть миллионов голосов против полутора миллионов и которых они бессмысленно и без всякого повода возбуждали против Германии, — эти люди воображали теперь, когда победоносные немцы подарили им республику (и какую!), будто Германия должна немедленно оставить священную землю Франции, иначе — война до конца! Это старинное увлечение: превосходство Франции, неприкосновенность ее почвы, освященной 1793 годом, которое с некоторых пор служит средством прикрывать все французские свинства святостью слова республика». Неделию спустя после этого письма, у Энгельса звучит нота сожаления, что французов не удалось вздуть так, как это бы хотелось ему. «Продолжающаяся война начинает принимать неприятный оборот. Французы еще недостаточно побиты (*die Franzosen haben noch nicht Pruegel genug*), но с другой стороны Германия слишком уж торжествует».

Будь всё приведенное здесь сказано обычным немецким патриотом, оно не представляло бы ни малейшего интереса, но в устах проповедников единения человечества (или хотя бы только пролетариата), апостолов братства народов, борцов против национальной ограниченности — это образец редкого лицемерия. Прорвавшийся у них матерый германизм не остался незамеченным. Не одни французы, но социалисты многих стран возмущены были Марксом как руководителем той части Интернационала, что избрала в качестве своей штаб-квартиры крошечный городок Брауншвейг. Сразу же после войны началось против него восстание романских секций Интернационала. В марксоведческой литературе оно расценивается как борьба двух идейных течений, как борьба бакунизма с марксизмом, но немарксистские авторы освещают это совсем иначе. Сам Бакунин, на страницах брус-

сельской газеты «Liberte», представляет смысл событий в Интернационале в виде реакции на пангерманистскую социалистическую мечту, родившуюся в голове Маркса и означавшую германское всемогущество, сначала интеллектуальное и моральное, а потом материальное. То же самое утверждал Джемс Гийом. Кропоткин рассматривал борьбу бакунистов с марксистами как «конфликт между латинским и германским духом». Позднейшие исследователи, не принимавшие участия в борьбе и не связанные ни с одним из антагонистов, усматривали корень распри не в столкновении социалистических доктрин, а в национальных страстях и противоречиях. На социалистические доктрины и учения у Маркса существовал такой же взгляд, как и на «неисторические» народы. Все они должны исчезнуть, уступив место его, Маркса, гениальному открытию. Между тем, стоявшая на нем печать «made in Germany» слишком ясно бросалась в глаза современникам.

Недовольные были и тем, что Интернационал, фундамент которого заложен был не социалистами, а рабочими, первоначально носивший характер цехового пролетарского содружества, превращен был Марксом в заговорщицкую организацию. Пробравшись к руководству и получив возможность оказывать влияние на дела Международного Товарищества рабочих, Маркс проявил абсолютную политическую нетерпимость. Он не только начал учить уму-разуму французов, англичан, швейцарцев, но и пускать в ход грубые способы давления, вовлекать их в ненужные и несимпатичные им политические акции, а всех сопротивляющихся поносить и обличать их «оппортунистические», «мелкобуржуазные», «мещанские» заблуждения.

Гибель I, так же, как распад II Интернационала совершились на почве национальных противоречий.

Но вернемся к самой яркой, к самой расистской теме высказываний Маркса-Энгельса о славянах. Ни о ком не отзывались они с большей ненавистью и презрением. Славяне не только варвары, не только «неисторические» народы, но — величайшие носители реакции в Европе. По словам Энгельса, они — «особенные враги демократии», главные орудия подавления всех революций. Это ничего, что выступали они простыми подневольными солдатами в армиях Елачича, Паскевича, Радецкого, Виндишгреца; ответственность за подавление венгерского, венского и итальянского восстаний возлагается не на этих генералов и не на имперское габсбургское правительство, а на бессловесных хорватов, словенцев, русских. У Радецкого добрая половина армии состояла из

немцев, но помянуты ли они хоть одним худым словом? Кон-трреволюционный дух исходил, оказывается, не от них и не от генералов, а от солдат славянского происхождения. Мало того, в тех случаях, когда душителями чьей-либо революции откровенно выступали немцы, наши друзья призывали не верить этому. «До сих пор, — пишет Энгельс, — всегда говорилось, что немцы были ландскнехтами деспотизма в Европе. Мы отнюдь не намерены отрицать позорную роль немцев в позорных войнах 1792 — 1815 годов против Французской революции, в угнетении Италии после 1815 г. и Польши после 1772 г. Но кто стоял за спиной немцев, кто пользовался ими в качестве своих наемников или авангарда? Англия и Россия. Ведь русские и поныне еще похваляются тем, что они своими бесчисленными войсками решили падение Наполеона, и это, конечно, в значительной степени правильно. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что среди тех армий, которые своими превосходящими силами оттеснили Наполеона от Одера до Парижа, три четверти составляли русские или австрийские славяне. А угнетение немцами итальянцев и поляков! При разделе Польши конкурировали между собою одно славянское и одно полуславянское государство». Австрия у Маркса и Энгельса часто обозначается как полуславянская держава, а кое-где говорится, что она и управляется славянами. Есть в одной статье совершенно исключительное место, трактующее хорватов вершителями судеб и гегемонами Австрийской Империи. Описывая движение правительственных войск в 1849 году, окруживших со всех сторон Венгрию, Энгельс трактует это так, будто не габсбургское правительство, не австрийские генералы, а хорваты, которым «дана в помощь сильная австрийская армия со всеми ресурсами», руководят войной.

Писать комментарий к этой строке вряд ли нужно.

Вообще статьи в «Новой Рейнской газете», да и большинство обзоров текущей политики двух друзей представляют такую бездну безответственных обобщений и выводов, личных, партийных и национальных пристрастий и самого простого невежества, что хочется внимательно посмотреть в лицо тем, которые до сих пор видят в этом образцы «научного социализма».

Напрасно, однако, думать, будто славян считают врагами демократии только за их службу в австрийской армии и за участие в карательных экспедициях. Эта вина — так себе, небольшая; главная причина — в их стремлении к национальной независимости. Бакунинское «Воззвание к славянам» вызвало пароксизм бешенства у обоих авторов «Ком-

мунистического Манифеста». Не довольствуясь ссылками на объективную невозможность независимых славянских государств, не располагающих для этого ни географическими условиями, ни экономическими ресурсами, они усматривают главное зло в ущербе, который будет нанесен немцам. «Поистине положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, — писал Энгельс, — если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемоморавское государство; Австрия и Штирия были бы отрезаны «южнославянской республикой» от своего естественного выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обглоданный крысами хлеб! И всё это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность, более или менее сносное земледелие и культуру!» С негодованием цитируются те места из «Воззвания к славянам», где говорится о «проклятой немецкой политике, которая думала только о вашей гибели, которая веками держала вас в рабстве», о «мадьярах, ярых врагах нашей расы, едва насчитывающих четыре миллиона человек, похваляющихся, что возложили свое ярмо на восемь миллионов славян». Энгельс пишет с возмущением: как! Упрекать немцев и мадьяр за их великую цивилизаторскую миссию? Ведь без них бы австрийские славяне остались глубокими варварами. Да и самое слово «угнетение» вовсе не подходит для выражения характера взаимоотношений немцев со славянами. Слово это Энгельс берет в кавычки. «Славяне угнетались немцами не больше, чем сама масса немецкого населения». Что же до насильственной германизации, так ее попросту не было. «Немецкая промышленность, немецкая торговля и немецкая культура сами собой ввели в стране немецкий язык». Насильственную германизацию он признает только в отношении польских славян, но считает, что их завоевание было в интересах цивилизации. Энгельс бесконечно благодарен средневековым Генрихам Львам и Альбрехтам Медведям, приобщившим железным мечом славян к германской культуре. С высот просвещенного девятнадцатого века, централизовавшего всё, что еще не было централизовано, он поет дифирамбы подвигам старинных завоевателей. Централизация — это прогресс. «И вот теперь являются панслависты и требуют, чтобы мы уничтожили централизацию, которая навязывается этим славянам всеми их материальными интересами! Словом, оказывается, что эти «преступления» немцев и мадьяр против упомянутых славян при-

надлежат к самым лучшим и заслуживающим признания деяниям, которыми только могут похвалиться в своей истории наш и венгерский народы».

Во второй половине XIX века вышло трехтомное историко-географическое исследование чешского ученого Первольфа, посвященное кровавой эпопее захвата и ассимиляции немцами славянских земель. С приходом к власти Гитлера эта книга стала предметом особенной ненависти немцев. Их возражения на этот труд поражают сходством с только что приведенными строками Энгельса.

В ответ на призыв Бакунина «бороться не на жизнь, а на смерть, пока, наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым», Маркс и Энгельс писали: «Если революционный панславизм принимает эти слова всерьез и будет отрекаться от революции всюду, где дело коснется фантастической славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать. Тогда «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию на уничтожение и беспощадный терроризм». Напрасно оба друга спешат добавить, будто провозглашаемая ими борьба будет не в интересах Германии, а в интересах революции; ничем другим кроме старинной расовой ненависти язык этот не мог быть продиктован. На нем говорила вся Германия с каролингских времен и говорит по сей день. Ненависть к славянству — отличительная черта немецкой государственности и немецкого духа. «Я ненавижу славян. Я знаю, что это нехорошо, нельзя ненавидеть кого бы то ни было, но я ничего не могу поделать с собой», — признавался Вильгельм II. Не обладая честностью Вильгельма, Маркс и Энгельс вуалировали свой, поистине, нацистский шовинизм соображениями «революционной стратегии». Но они дали слишком много доказательств того, что не в революции и не в стратегии тут дело. Для людей, объявивших классовую борьбу движущей силой истории, по меньшей мере непоследовательно подменять ее борьбой между нациями. Сущим лицемерием была фраза в «Учредительном манифесте» Интернационала, призывавшая добиваться того, чтобы «простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали господствующими нормами и в международных отношениях. Писал это тот редактор «Новой Рейнской газеты», который в 1849 году печатал в ней свои прогнозы о скором наступлении мировой революционной войны, долженствующей стереть с лица земли «не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом».

Напрасной была бы попытка представить эти настроения как временные или как заблуждение молодости. Они сопровождали Маркса до могилы. В 1877-78 годах, во время Балканской войны, когда турки начали беспощадную резню болгар и когда даже «колониалист» Гладстон выпустил книгу с протестом против таких зверств, Маркс, живший в то время в Лондоне, объявил Гладстона русским агентом, а турецкие зверства — русской выдумкой. Друг его и оруженосец Вильгельм Либкнехт, в Германии, цинично заявил, что брожение на Балканах ничего общего с освободительной борьбой не имеет; он, Либкнехт, не знает славян, стремящихся к свободе. Этот господин выпустил книгу — «Zur orientalischen Frage oder: soil Europa kasakisch werden? Mahnwort an das deutsche Volk», — где развивал обычный марксистский взгляд на славян как на удобрение истории и на оплот русского деспотизма. Он сожалел, что Австрия, в результате политики Бисмарка, исключена из Германии. Вследствие этого «прорван вал, который шел через славянский мир от Балтийского моря до Адриатики» и теперь «Австрия предана почти беспомощной славянскому наводнению». Вся германская социал-демократия, марксистская и немарксистская, отличалась такими же настроениями. Признавал же Лассаль славян «за расы, которые имеют одно право: быть ассимилированными великими культурными нациями».

От современников не укрылась такая славянофобия.

«Есть ограниченные умы и узкие народные ненависти, которых убедить я не берусь, — писал Герцен в 1859 году, — они ненавидят, не рассуждая. Возьмите, чтобы не говорить о своих (Герцен пишет поляку), статьи немецких демократов, кичащихся своим космополитизмом, и взгляните в их злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если б эта ненависть была сопряжена с каким-нибудь желанием, чтобы Россия, Польша были свободны, порвали бы свои цепи, я бы понял это. Совсем не то. Так, как средневековые люди, ненавидя евреев, не хотели вовсе их совершенствования, так всякий успех наш в гражданственности только удваивает ненависть этих ограниченных, заклепанных умов».

Но все-таки, была одна славянская страна, не только не ввергнутая марксистами в Тартар вместе с «неисторическими» народами, но вознесенная в революционное лоно Авраамово. Это Польша. Постоянно подчеркивалось: Польша — это не то, что прочие славяне, это гордый лебедь революции среди гадких утят славянства. Маркс и Энгельс в 1848 году были самыми горячими ее поклонниками. Либерально-революционная ее репутация сложилась еще до них: особенно

утвердилась она после 1831 года. Причина, по которой Европа так возлюбила Польшу, лучше всего видна из манифеста польского «Демократического общества» 1836 года:

«Польша в прошлом всегда защищала Запад от варварских вторжений татар, турок и москалей. Польша погибла потому, что когда на Западе освободительная человеческая мысль объявила войну старому порядку, на защиту которого ополчился русский деспотизм, Польша, исполняя свою историческую миссию, вступила в борьбу с этой силой, но была побеждена. Спасение Европы было отложено. Отсюда вытекал тот вывод, что дело спасения Польши есть дело спасения не одной только Польши, но всего человечества».

Из этой декларации видно, что сами поляки «историческую миссию» свою усматривали в сторожевой роли на Востоке. Турецко-татарская опасность миновала, значит, спасать Европу приходилось от москалей. За эту роль извечного врага России Европа и ценила Польшу. Больше всех ценили авторы «Коммунистического Манифеста». Энгельс, в неоднократно цитированной статье в «Новой Рейнской газете», писал в 1849 году, что ненависть к русским была поныне и останется у немцев их первою революционною страстью». Поляки были им милы прежде всего как враги России, а вовсе не за то, что они слыли прирожденными революционерами. Обывательская и политическая Европа, разбиравшаяся в польском вопросе столько же, сколько в русском, — понятия не имела о шляхетском характере польских восстаний, целью которых было национальное освобождение, и только. Руководители этих восстаний готовы были приветствовать революцию в любой стране, за исключением своей собственной. Подвиги их на парижских баррикадах и в армии Гарибальди были выслуживанием перед революцией с целью воспользоваться ее милостью для восстановления Польши. Только немногие, вроде Прудона, порицавшего Герцена за альянс с поляками, понимали это. Но понимали ли Маркс и Энгельс? Знали ли, что Польшу можно любить и ценить за что угодно, только не за революционность? Безусловно знали.

В письмах к Энгельсу от 2 декабря 1856 года Маркс рассказывает эпизод из истории 1794 года, когда «Комитет общественного спасения» подверг сомнению революционность поляков и отказал им в содействии. Он вызвал к себе уполномоченного польских повстанцев и задал этому «гражданину» несколько вопросов: «Как объяснить, что ваш Костюшко, народный диктатор, терпит рядом с собой короля, который к тому же, как это Костюшко должно быть извест-

но, посажен на трон Россией? Как объяснить, что ваш диктатор не осмеливается произвести массовую мобилизацию крестьян из страха перед аристократами, которые не желают поступаться «рабочими руками»? Как объяснить, что его прокламации теряют свою революционную окраску по мере его удаления от Кракова? Как объяснить, что он немедленно покарал виселицами народное восстание в Варшаве?.. Отвечайте!» Польскому «гражданину» пришлось молчать.

Дальше увидим, что оба друга прекрасно разбирались во внутренних социально-политических делах Польши, знали, что в роли революционеров выступали крепостники-помещики, не стремившиеся к социальному освобождению. Но, презируя польских патриотов, они постоянно поддерживали идею восстановления Польши, преимущественно Царства Польского, то есть русской ее части, умалчивая о Познани, а потом и откровенно признавая ее не подлежащей освобождению. Государственное восстановление Польши прокламировалось не для блага польского народа, а как средство разрушения Российской империи.

Никто никогда не говорил о России с такой проникновенной ненавистью, как Маркс; разве что его русские ученики, считавшие эту ненависть одной из самых святых и правых. «Оплот мировой реакции», «угроза свободному человечеству», «единственная причина существования милитаризма в Европе», «последний резерв и стеновой хребет объединенного деспотизма в Европе» — вот излюбленные его выражения. Список причин, по которым он возненавидел нашу страну, столь велик, что занял бы несколько страниц, но весь он сводится к обвинению России в тиранической политике по отношению к Германии. Россия будто бы стояла всегда на страже германской раздробленности; еще на Венском конгрессе узаконила разделение Германии на 36 мелких государств, и в дальнейшем всякое самостоятельное изменение государственного строя ей было запрещено Николаем I. Россия виновата в восстановлении крепостного права в Германии после гибели Наполеона. Россия заставила Пруссию подчиниться Австрии. Пруссия превращена была в русского вассала и прикована к России. Встречаются строки совершенно бесподобные: «Россия приказывала Пруссии и Австрии оставаться абсолютными монархиями — Пруссия и Австрия должны были повиноваться». Курьезность и противоречивость обвинений, видимо, не замечались Марксом. То он упрекает Россию, что она выдала Германию с головой Наполеону, то винит в победе над Наполеоном, вследствие которой Германия лишилась свобод, принесенных ей этим завоевателем.

То он возмущается, что Россия подчинила Пруссию Австрии, то, наоборот, негодует, что Австрия отброшена Пруссией от всей Германии при поддержке России. Смешно подходить к этому маниакальному бреду с реальной исторической оценкой и критикой. Приведенный букет высказываний интересен как психологический документ. Россия должна провалиться в Тартар либо быть раздроблена на множество осколков путем самоопределения ее национальностей. Против нее надо поднять европейскую войну, либо, если это не выйдет, — отгородить ее от Европы независимым польским государством. Эта политграмма сделалась важнейшим пунктом марксистского катехизиса, аттестатом на зрелость. Когда в 80-х и 90-х годах начали возникать в различных странах марксистские партии по образцу германской социал-демократической, они получали помазание в Берлине не раньше, чем давали доказательства своей русофобии. Прошли через это и русские марксисты. Уже народовольцы считали нужным, в целях снискания популярности и симпатий на Западе, «знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма *для самой европейской цивилизации*». Лицам, проживавшим за границей, предписывалось выступать в этом духе на митингах, общественных собраниях, читать лекции о России и т.п. А потом, в программах наших крупнейших партий, эсдеков и эсэров, появился пункт о необходимости свержения самодержавия *в интересах международной революции*. Ни Габсбурги, ни Гогенцоллерны не удостоились столь лестной оценки; их подданные-социалисты собирались свергать своих государей для блага Австрии и Германии. Только подданные Романовых приносили царей на алтарь, прежде всего, *мировой революции*. Без укоренившегося влияния Маркса и немецких марксистов трудно объяснить включение этого пункта в программные документы.

После сказанного нет надобности объяснять вполне утилитарный характер любви Маркса к Польше. Разрабатывал ли Энгельс план похода революционных армий на Россию, он прежде всего взвешивал роль Польши как союзника; говорил ли Маркс о каком-нибудь из польских восстаний, он неизменно рассматривал его с точки зрения ущерба для России. Потому-то Марксу и безразлично было, кто двигает это национальное возрождение — социал-демократы или аристократы-помещики. Он всех брал под плащ революции. Самая скорбь его и Энгельса по поводу неудачи польского восстания 1863 года выглядит скорбью расчетливых людей. «Пройдет много времени, прежде чем Польша снова сможет

подняться, даже при посторонней помощи, а между тем, *Польша нам совершенно необходима*».

«Необходима». В этом весь цинизм в отношении их к Польше. А что оно было беспредельно циничным, можно видеть из одного письма Маркса: «Один французский историк сказал: «Есть необходимые народы. К числу таких необходимых народов относится в XIX столетии, безусловно, народ польский». Зачисление его в ряд исторических и революционных произошло, следовательно, не в силу его природных качеств, а по соображениям чисто служебным. «Ни для кого иного национальное существование Польши не необходимо более, чем именно для нас, немцев».

В 1864 году в предварительном комитете по созыву конгресса будущего Интернационала Марксу удалось, наряду с вопросами общего характера (о труде, о капитале, о рабочем дне, о женском труде), включить в план работ конгресса совершенно частный вопрос о «необходимости уничтожить влияние русского деспотизма в Европе посредством приложения права народов располагать самими собою и посредством восстановления Польши на началах демократических и социальных». На конгрессе произошла по этому поводу дискуссия. Протокол гласит:

«Делегация французская высказывает мнение, что по этому вопросу не должно быть никакого голосования и что конгресс ограничится заявлением о том, что он противник всякого деспотизма во всякой стране и что он не входит в разбор столь сложных вопросов, как национальные. Нужно желать и требовать свободы в России как и в Польше и отвергнуть старую политику, которая противопоставляет народы друг другу. Мнение большинства конгресса склонялось явственно к предложению французов. Тогда попросил слово г. Беккер. Он выразил сожаление, что конгресс не решает ничего по этому вопросу. Русская Империя служит постоянно угрозой против цивилизованных обществ Европы; Польша служила бы для нее преградой... Он прибавляет, что польский вопрос есть вопрос европейский, но который интересует Германию специально, так что его можно назвать в известном отношении немецким вопросом».

Казалось бы, какие более откровенные свидетельства макиавеллистического отношения к полякам могут быть? Но они есть. Энгельс подарил нас еще одним документом такой красочности, что мимо него пройти никак невозможно. Известно, какие гимны пелись Польше в 1848 году, как бредили польским восстанием в «Новой Рейнской газете». Ждали «чуда на Висле». Но по прошествии одного-двух лет, когда

чудо не появилось, гимны кончились, поляков перестали носить на руках. В 1851 году (31 мая) Энгельс пишет длинное письмо Марксу по польскому вопросу и тут обнажает с полным бесстыдством моральную подкладку своей «революционной мысли».

Он сообщает, что чем больше он размышляет об истории, тем яснее ему становится, что поляки — разложившаяся нация (*nation fondue*). *«Ими приходится пользоваться лишь как средством, и лишь до тех пор, пока сама Россия не переживет аграрной революции. С этого момента Польша теряет всякое право на существование»*. Выходит, что как только в самой России найдена будет разрушительная сила — гордого лебедя революции можно будет загнать в общеславянский курятник. Поражает в этом письме чисто национальное презрение, возникшее не под влиянием минуты, а выношенное, отстоявшееся. *«Никогда поляки не делали в истории ничего иного, кроме как играли в храбрую и задорную глупость»*. *«Бессмертна у поляков склонность к распрям без всякого повода»*. И, наконец, *«нельзя найти ни одного момента, когда бы Польша, хотя бы против России, с успехом явилась представительницей прогресса или вообще сделала бы что-либо, имеющее историческое значение. В противоположность ей Россия, действительно, олицетворяет прогресс по отношению к Востоку»*. Энгельс находит в России гораздо больше образовательных и индустриальных элементов, чем в *«рыцарственно-бездельнической Польше»*. *«Никогда Польша не умела ассимилировать в национальном смысле чужеродные элементы. Немцы в польских городах есть и остаются немцами. А как умеет Россия русифицировать немцев и евреев, тому свидетельство — каждый русский немец уже во втором поколении»*. Он отмечает лоскутный характер бывшего польского государства. *«Четверть Польши говорит по-литовски, четверть по-русински, небольшая часть на полурусском диалекте, что же касается собственно польской части, то она на добрую треть германизирована»*. Энгельс благодарит судьбу, что в *«Новой Рейнской газете»* они с Марксом не взяли на себя в отношении поляков никаких обязательств, *«кроме неизбежного восстановления Польши с соответствующими границами»*. Но тут же добавляет: *«лишь под условием аграрной революции в ней. А я уверен, что такая революция скорее вполне осуществится в России, чем в Польше»*.

Нет сомнения, что меньше чем за три года Маркс и Энгельс утратили надежду на антирусское восстание поляков и потеряли к ним всякий интерес. Это не значит, что отказались *«посылать их в огонь»*, то есть подбивать на дальней-

шие бунты против России, но радикального средства в этих бунтах уже не видели. Энгельс убежден, что «при ближайшей общей завулке вся польская инсurreкция ограничится познанцами и галицийской шляхтой плюс немногие выходцы из Царства Польского, и что все претензии этих рыцарей, если они не будут поддержаны французами, итальянцами, скандинавами и т.п. и не будут усилены чехословенским мятежом, — потерпят крушение от ничтожества собственных усилий. Нация, которая в лучшем случае может выставить два-три десятка тысяч человек, не имеет права голоса наравне с другими. А много больше этого Польша, конечно, не выставит».

Маркс, хотя и не в столь ярких выражениях, соглашался с Энгельсом. Он поспешил отказаться от своей прежней готовности восстановления Польши в границах 1772 года, ибо рассудил, что немецкую Польшу, с городами, населенными немцами, не следует отдавать народу, который доселе еще не дал доказательств своей способности выбраться из полуфеодалного быта, основанного на несвободе сельского населения». Он и от Лассаля получил заверение в полном согласии с такой точкой зрения: «прусскую Польшу следует рассматривать как германизованную и относиться к ней соответственно».

В случае войны с Россией, Маркс готов компенсировать полякам потерю Познани щедрым присоединением земель на Востоке, обещает им Митаву, Ригу и надеется на их согласие «выслушать разумное слово по отношению к западной границе», после чего они поймут важность для них Риги и Митавы в сравнении с Данцигом и Эльбингом. Самые востания польские мыслимы только против России. «У меня был один польский эмиссар, — пишет он Энгельсу в 1861 году. — Вторичного визита он мне не сделал, так как ему, конечно, не по вкусу пришлась та неприкрашенная правда, которую я преподнес относительно плохих шансов всякого революционного заговора в настоящий момент на прусской территории».

Прекрасное резюме этому комплексу настроений дал Энгельс в цитированном выше письме, сделав набросок марксистской тактики в польском вопросе. «На Западе отбирать у поляков всё, что можно, оккупировать немецкими силами их крепости под предлогом защиты, в особенности Познань, оставить им занятие хозяйством, посылать их в огонь, слопать (*ausfressen*) их земли, кормя их видами на Ригу и Одессу, а в случае, если можно будет вовлечь в движение русских, — соединиться с этими последними и заставить поляков при-

мириться с этим». Под «русскими» разумеется, в данном случае, не царская, а революционная Россия.

Итак, поляки лишь «сгоряча» и по тактическим соображениям причислены были к «историческим» народам. Под конец жизни, интерес Маркса к полякам пропал, уступив место восторгу перед народовольцами-террористами.

Именно перед народовольцами, а не перед чернопередельцами, из которых вышли потом последователи Маркса в России. Их он не жаловал за то, что «эти господа стоят против всякой революционно-политической деятельности», тогда как он приветствовал и всячески ласкал террористов. Вот что рассказывает Эдуард Бернштейн о приеме, оказанном Марксом народовольцу Гартману. Молодой в то время, Бернштейн был уже почитателем Маркса и тоже был им принят довольно ласково. «Однако же, — говорит он, — при наших беседах всегда сохранялось между нами известное «расстояние». Совсем иначе стояло дело между Марксом и Львом Гартманом, явившимся в Лондон летом 1880 года. Я был просто поражен, видя, как этот великий мыслитель, а также Энгельс, обращаются совсем по-братски, на «ты», с молодым человеком, который производил на меня впечатление умственной посредственности и бесцветности». «По-видимому, — заключает Бернштейн, — их дружеское расположение к нему вызывалось исключительно его участием в террористическом предприятии».

Известно, что Маркс презрительно отзывался о возможности революции в России. В ней «может быть только тот или иной бунт, причем достанется немецким платьям, а революции никакой и никогда не будет». Так говорил он в 1863 году. Он искренне удивлялся своей популярности в этой стране; нигде его так не чтут и не издают, как в России, которую он усердно оплевывал, революционных деятелей которой глубоко презирал и чуть не поголовно считал царскими агентами. И вот этот человек в конце 1881 года провозглашает: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе». Совершенно очевидно — не рост промышленности, не рост пролетариата, не «идейная зрелость», которых еще не было, даже не крестьянские волнения подвигли его на такое заявление, а убийство Александра II, шумная деятельность кучки террористов. Он приходил в восторг от того, что им удалось превратить нового царя в гатчинского военнопленного революции.

Разумеется, не благо русского народа, даже не судьбы русской революции занимали его, а уничтожение самодержавия, представлявшегося ему тормозом европейской револю-

ции. Не сумели его уничтожить поляки — прочь поляков, да здравствуют Желябовы и Перовские!

Но после всего сказанного о поляках ни минуты не верится в искреннюю «революционную» симпатию его к Желябовым и Перовским. Он их ценил как роботов революции, но ненавидел как русских.

Рискуя загромоздить изложение иллюстрациями, не могу не привести рассказ Герцена. В Лондоне, в Сент-Мартинс Холле, 27 февраля 1855 года состоялся митинг в воспоминание о 24 февраля 1848 года, на который приглашен был в качестве оратора и Герцен. Избран он был также членом международного комитета. После этого получено было письмо от какого-то немца, протестовавшего против его избрания. Немец писал, что Герцен известный панславист, и требовал завоевания Вены, которую называл славянской столицей. «Это письмо, — говорит Герцен, — было только авангардным рекогносцированием. В следующее заседание комитета Маркс объяснил, что он считает мой выбор несовместным с целью комитета и предлагал выбор уничтожить. Джонс заметил, что это не так легко, как он думает; что комитет, избравши лицо, которое вовсе не заявляло желаний быть членом, и сообщивши ему официальное избрание, не может изменить решение по желанию одного члена; что пусть Маркс формулирует свои обвинения, и он их предложит теперь же на обсуждение комитета. На это Маркс сказал, что он меня лично не знает, что он не имеет никакого частного обвинения, *но находит достаточным, что я русский и притом русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию*; что, наконец, если комитет не исключит меня, то он, Маркс, со всеми своими будет принужден выйти». Большинство высказалось за Герцена, Маркс остался в ничтожном меньшинстве — встал и покинул комитет. Это была одна из многих выходов против русских, предпринятых единственно на том основании, что они русские. Бакунина, Герцена и многих других революционеров-эмигрантов Маркс считал платными агентами царского правительства. Народническое движение в России рассматривал как «панславистскую партию, состоящую на службе у царизма».

Пусть найдутся люди, способные доказать, что выраженная здесь русофобия объясняется революционной психологией, а не расовой ненавистью.

В наши дни, когда «расовая дискриминация» — почти уголовное преступление, любой коммунист, сказавший на эту тему хоть сотую долю того, что сказали авторы «Коммунистического Манифеста», не мог бы оставаться в партии ни

минуты, они же — худым словом не помянуты и пребывают по сей день в роли вождей и учителей.

Одиум всего здесь отмеченного — не в нацистском облике коммунистических апостолов, а во «всемирном молчании», созданном вокруг этого облика. Никого почему-то не коробило и не коробит их рассуждение в «Новой Рейнской газете» о «братстве европейских народов», которое «достигается не посредством фраз и благочестивых пожеланий, а путем решительных революций и кровавой борьбы; дело идет тут *не о братстве всех европейских народов* под сенью одного республиканского знамени, но о союзе революционных народов против контрреволюционеров, о союзе, который осуществится не на бумаге, а на поле битвы».

Не напоминает ли эта бредовая мысль о Священной Социалистической Империи Германской Нации, в которую не войдет ни один народ-унтерменш, знакомый нам образ третьего рейха?

За несколько последних десятилетий корабль марксизма подвергся жестокому обстрелу и зияет пробоинами; самые заветные его скрижали ставятся, одна за другой, на одну полку с сочинениями утопистов. Позорная же шовинистическая страница, о которой идет речь в этой статье, — все еще остается неведомой подавляющему числу последователей и противников Маркса.

Начинают, однако, появляться разоблачительные работы, вроде книги Бертрама Вульфа. Недалек день, когда последние лоскутья тоги сорваны будут с проповедников зла и великая ложь марксизма обнажена будет в полной мере.

Русская народная линия

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2016 год
(Январь—апрель)

В начале года стоимость доллара перевалила за 75 рублей. Казалось бы, какое нам дело до того, сколько стоит этот доллар? Какое нам дело до какого-то доллара, когда есть такое счастье, как ВВП? Когда есть хоккей, футбол, ментовские триллеры и телевизорная попса... «Ну и чего вас волнуют эти валютные игры? — спрашивают меня в Интернете. — Какое вам до этого дело?» Но захожу в магазин — а там в очередной раз ценники новые. «Опять?!» — спрашиваю. «А доллар подорожал», — отвечают. «Ну и ладно, — думаю. — Какое нам дело?..»

Однако между хоккеем и футболом вдруг невзначай приходит вопрос: а с чего это наша национальная валюта ничего не стоит? Мы что, беднее Польши и Люксембурга? С какого перепугу украинская гривна в несколько раз дороже рубля? Несмотря на то, что они, «нэзалэжные», кормятся нашей нефтью, нашим газом, нашим лесом, нашим углём, нашим электричеством? Эти либерально-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

толерантные игры, грабящие и унижающие Россию, и впрямь мало кого у нас волнуют. И правда, чего волноваться, когда есть в избытке эстрадные певуны и такие смешные юмористы?..

Нам, как неразумным, день за днём втюривают туфту про зависимость наших цен от величины доллара. Хотя связи между ценами в магазинах и стоимостью доллара нет никакой. Ладно, если бы это происходило при удорожании нефти. Однако нефть дешевеет, но доллар — все равно растет. Нефть дешевеет, но бензин дорожает. Почему? Где логика? Но логика тут элементарная, Ватсон. Так нужно валютным биржевикам. Вот и всё. А нам телевизорные губошлёпы все уши прожужжали про «импортозамещение» и «экономический суверенитет».

Греф опять по ящику с нескрываемой радостью заявил, что Россия проиграла экономическую войну. Они уже не стесняются произносить свое самое желаемое, сокровенное...

А давно ли «тандем» нас успокаивал: «Всё нормально, нет причин для беспокойства, экономика стабилизировалась, ВВП растет...»

Нет, убудки, не Россия проиграла. Это ваша кошерноростовщическая власть всё сделала, чтобы завести страну в экономический тупик. Это ваши обрезанные биржевики целенаправленно обесценивали рубль с помощью обрушения цены на нефть. И по ящику нам никогда не скажут, что в остальных странах — экспортерах нефти национальные валюты почему-то не обесцениваются...

Кто-нибудь задумывался, почему это в стране, экспортирующей в огромных объемах газ, лес, морепродукты, алмазы, уголь, руду и многое другое, экономика зависит исключительно от цены на нефть?..

В Москве — съезд «победителей»-гайдарёнышей... А Машка Гайдар стала замом Сабакашвили...

Донбасс Кремлём окончательно сдается в пользование Украине, а та сдается в пользование США. Горбачев начал, а нынешняя власть закончила сдачу Грузии и Украины под оккупацию Америки. Без премиальных, естественно, обойтись не могло: Южная Осетия, Абхазия, Крым...

А заодно российские либералы и олигархи как победители получают Роснефть, ВТБ и Сбербанк. После недолгой передышки грабительские девяностые вернутся на просторы Рос-

сии... Президент с премьером уже прямым текстом объяснили обывателям: «Готовьтесь к худшему».

* * *

Помощник главы Совета безопасности Сергей Вахруков в газете «Известия», сделав оценку состояния экономики РФ, назвал его серьезной угрозой и даже одной из главных угроз национальной безопасности России.

В любых других ответственных перед народом странах после подобных заявлений в официальной печати правительство уходит в отставку.

* * *

По Первому каналу ТВ Путин предложил европейским евреям переехать в Россию. Русским переезжать в Россию нельзя, не пускают. А евреям — пожалуйста. Ну что ж, — гарант верен себе. Недаром же он называл придурками тех, кто считает, что Россия — для русских. Одно слово — гарант...

Сказал он это 19 января на встрече в Кремле с представителями Европейского еврейского конгресса, которые приехали жаловаться Путину на притеснения в странах Европы. Так что же, выходит, нет в России никаких «русских фашистов», о которых все последние 20 лет трезвонят «Эхо Москвы», «МК» и Российский еврейский конгресс?

Президент ЕЕК В.Кантор признался Путину: «Россия — самая для нас благополучная страна». А давно ли А.Венедиктов, П.Гусев, А.Гербер и А.Брод орали с телеэкрана: «Ка-раул! Антисемиты заели!»?

* * *

По сообщениям СМИ, 62 человека (в основном еврейской национальности) имеют капитал, равный капиталу всего остального населения Земли. А представители Еврейского конгресса удивляются растущему антисемитизму в Европе.

Новый финансовый Талмуд под названием «Капитал» К.Маркса, настольная книга теоретиков коммунизма, работает безотказно, как Периодическая система элементов.

Цена нефти продолжает падать, а вес доллара — расти. Вот к чему привели вождельные капиталистические игры, в которые ввязались бывшие члены Политбюро и ЦК КПСС. И которых жаждало не менее половины населения СССР в конце 80-х прошлого века. Социализм для них оказался «неэффективным». Очень уж хотелось «пожить как на Западе». Ну что ж, эффект оказался впечатляющим. «Развитой» капитализм в самом своем расцвете!

А ребятки из нынешнего правительства РФ прогнозируют еще более худшие перспективы. Естественно, не для себя, а для нас. Нам не привыкать. Как говаривал вождь пролетариата, «чем хуже, тем лучше».

Кто-нибудь из ныне живущих писателей, сидя в Доме творчества в 1988 году, мог себе представить, что уже при их жизни один доллар будет стоить 80 000 рублей?

* * *

Вот лишнее подтверждение тому, что с населением с помощью СМИ можно делать всё, что угодно. Выставка Серова проходила в Москве с октября прошлого года. И основной массе обывателей она была по барабану. Но стоило по ящику показать Путина на этой выставке, который произнёс несколько «умных» заученных фраз, а директор ему поддакнула, как вся Москва ринулась на эту выставку, сметая всё на своем пути. Даже те, кто понятия не имел, где находится новое здание Третьяковки — т.е. не были в нем никогда в жизни.

Давно ли такие же толпы стояли в «Макдональдс»?.. Тогда им жареной картошки захотелось...

Если в Москву привезут тигра Амура и козла Тимура, то очередь зевак будет стоять от зоопарка до Кузьминок.

Телевизор, как глаз удава, — главный гипнотезёр страны.

* * *

Нет, это, конечно, неплохо, что люди ринулись смотреть Серова, а, к примеру, не Гельмана. На М. Гельмана, даже если бы к нему на выставку пришла Пугачева вместо Путина, все равно таких бы очередей не было. И это всё-таки утешает. Народ наш хоть и подвержен массовому психозу, но всё же бесповоротно не оболванен и пока еще может отличить алмазы от дешёвых стекляшек. Гельману люди в харю плюнули, а на Серова стояли три часа на морозе.

* * *

Наши дорогие и любимые «рейтинговые» кремлёвско-белодомовские менеджеры, навесив на нас «капремонт» и лишив работающих пенсионеров индексации пенсий, приступили к приватизации остатков государственной собственности. Срочно им деньги понадобились. Война в Сирии и подготовка к чемпионату мира по футболу разоряют бюджет. Про Стабфонд, отправленный в Америку, уже не вспоминают.

А нефть продолжает дешеветь и доллар — расти в цене. Остановить эту тенденцию наши «рейтинговые» менеджеры не способны. А зачем, когда любовь и доверие населения к

ним ничуть не слабеют? И улыбчивый президент на форумах «Народного фронта» доходчиво объясняет неразумным, почему мы не можем отказаться от рыночных принципов «нашей» экономики. «Нашей» в смысле — их, а лучше сказать: ихней. С помощью этой ихней экономики уже четверть века происходит разграбление страны и издевательство над народом. Но пресловутый «рейтинг» вслед за долларом и евро достиг отметки 85% и опускаться не желает.

Когда не останется никакой госсобственности и вся собственность в стране будет принадлежать избранным олигархам либерального происхождения, вот тогда и начнётся для них тот самый вожделенный коммунизм, о котором мечтали вожди «пролетариата» и который подробно описан в Вавилонском Талмуде (пути его достижения для избранных описаны в финансовом Талмуде под названием «Капитал» К.Маркса). Только один Сталин пытался увести нас с этого пути.

Должники по квартплате выселяются из своих квартир. Когда бывшие коммунистические менеджеры заставили нас приватизировать государственные квартиры, они знали, что нашей собственностью эти квартиры никогда не станут...

* * *

Теперь ясно, как день, для чего обесценивали рубль и почему правительство этому не препятствовало. Вот именно для этого — для новой распродажи активов оставшихся крупных госпредприятий. Больше рубликов посыплется в бюджет... Эта власть действительно оказалась ленивой и неэффективной в управлении ими. А ведь прав был Греф, эта власть и есть подлинный дауншифтер. И он, Греф, сам же к ней и относится.

У меня на глазах был точно такой же пример дауншифтера. 25 лет назад богатейшее книжно-журнальное издательство «Молодая гвардия», бывшее идеологическим органом ЦК ВЛКСМ, одним из первых в стране акционировалось, сначала приватизировало, а затем начало распродажу всей принадлежащей ему недвижимости, типографий, печатных станков, книжных магазинов, автомобилей, журнальных редакций и т.д. и т.п. В бывших типографиях нагородило офисов и вместе с кабинетами бывших редакций — сдало в аренду всяческим фирмам. И теперь, ничего не делая, получает чистый доход от аренды и плюет в потолок.

Как видно, «наше» любимое либеральное правительство-дауншифтер желает жить точно так же: всё распродать, лишить народ оставшихся льгот, вздуть абсолютно все тарифы и на заседаниях в «белом доме» плевать в потолок. А для при-

крытия своего бессмысленного и паразитического существования у него имеется 85-процентный гарант...

По сообщению СМИ, российские олигархи обладают самыми дорогими в мире яхтами. По подсчетам независимых экономистов, только от продажи шести из них можно было бы покрыть расходы на т.н. «капремонт» всего жилого фонда страны. Но, оказывается, раскошелить всё население России на этот самый «капремонт» гораздо легче, проще и безопаснее...

* * *

Когда в стране был профицит бюджета (превышение доходов над расходами), нам настойчиво объясняли необходимость помещения лишних денег в Стабфонде, размещенном в американских банках, якобы чтобы стабилизировать бюджет. Как мы помним, накопилось в нём более 500 млрд. баксов. Теперь же, когда этот самый бюджет стал дефицитным, про Стабфонд вообще никто в правительстве не вспоминает. Года два-три назад переименовали его в «Фонд национального достояния» и благополучно «забыли». Может быть, когда-нибудь кто-нибудь докопается, на чьих счетах он растворился...

* * *

Наверное, и впрямь более непроходимых дебилов в мире не существует. Упоротые отморозки из «правого сектора» в своей стране-майдании свалили памятник Тарасу Шевченко. Когда их спросили: зачем вы это сделали, они ответили: а мы думали, что это памятник Ленину..

* * *

Это даже не удивительно, а вполне закономерно, что все «православные» путинисты обрадовались встрече патриарха с папой. Сколько оправданий они нашли этой встрече! Лишь бы засвидетельствовать свою верность власти.

Итак, впервые за 1000 лет эта встреча состоялась. Состоялись объятия и поцелуи двух высших иерархов главных христианских церквей. Веками католические понтифики добились такой встречи. Веками предстоятели Русской Православной Церкви отказывали им в этом стремлении. «Апостольская Церковь с еретиками не общается», — веками утверждали русские патриархи и митрополиты. Что же должно было произойти, чтобы эта позиция изменилась, чтобы почти все внутри Церкви и вокруг нее вдруг заговорили о «великом, судьбоносном событии» и «о радостном шаге навстрече-

чу друг другу»? Как всем нам объяснили, причиной этому стали притеснения, а точнее говоря, геноцид христиан на Ближнем Востоке. Как будто не было притеснения и геноцида христиан при Османской Турции или в первые годы советской власти... И как будто декларация на эту тему, ныне подписанная главой Ватикана и нашим патриархом, может что-то изменить, а кровавые нелюди «исламского государства» теперь, испугавшись, прекратят резать головы христианам...

Оказывается, тысячу лет надо было дожидаться, чтобы наконец-то была подписана такая декларация... Которая абсолютно ничего не меняет и ничего не решает. Неужели встреча тысячелетия состоялась ради этой пустой бумаги с двумя ничего не значащими подписями? Видимо, все-таки всех нас держат за полных лохов и доверчивых, не умеющих думать баранов.

Да, конечно, геноцид христиан — причина для столь высокой встречи слишком даже оправданная и понятная. И вовремя использованная. Но чтобы Ватикан наконец-то настолько ею озаботился! — в какие-то веки! — поверить в это очень трудно. Да что там «трудно»! Невозможно.

Об истинных целях этой встречи мы в скором времени, не сомневаюсь, узнаем. Правда, без раскрутки и без всемирной рекламы в СМИ. И нынешней радости это узнавание нам не принесет.

А пока пусть кое-кто сопоставит два таких взаимосвязанных события: встреча, объятия и целования папы с патриархом состоялись сразу после улыбчивой встречи и долгой беседы Путина с «другом России» Киссинджером...

* * *

16 февраля — новая трагедия, какие с четкой регулярностью происходят по всей России. На этот раз в Ярославле. Вновь после мощного взрыва обрушился подъезд пятиэтажки. И опять по всем центральным СМИ — сплошное вранье о «взрыве газа». И как всегда, держат нас за полных идиотов. Свидетели по ящику говорят: «Слава Богу, что не было огня и пожара». Действительно, подъезд обрушился, а огня нет. Но газ без огня не взрывается. Потому и происходит взрыв газа, когда он накапливается до критического объема, что происходит вспышка. Без вспышки не будет и взрыва.

Врут напропалую: «Газ взорвался в квартире на втором этаже». От взрыва газа на кухне — максимум вылетят стекла, но весь подъезд не рухнет. Для этого должен взорваться снаряд или тротил. А это уже — теракт. Но СМИ упорно долдонят: «По мнению экспертов, теракта не было». Эти «эксперты»

действуют в одной связке: одни жгут и взрывают дома, другие с ходу твердят, что теракта не было...

* * *

Все уши уже отморожены в стране-майдании назло маме-России. Теперь отмороженные укросадомазохисты взялись за вымораживание и отрезание других торчащих и висящих частей чуждого и непонятного им новообразования, носящего название «Украина». После того, как с гиканьем и улюлюканьем ими сброшены с пьедесталов почти все памятники их благодетелю и основателю В.И. Ленину, благодаря которому, в противовес мнению Сталина, появилось на свет Божий это самое новообразование — «государство Украина», теперь они, укросадомазохисты, принялись громить филиалы российских банков (в том числе Сбербанка), финансирующих их АТО (т.н. «антитеррористическую операцию» на Донбассе). Через эти банки киевско-майданная власть осуществляет продажу населению и инвесторам облигаций военного займа. То есть — громят тех, кто снабжает гривнами и баксами их армию, уничтожающую русских на юго-востоке страны-майдании.

Понятно, что отмороженные мозги не способны воспринимать реальность, и потому вымораживание всех остальных частей ненужного им тела идёт со всё большей скоростью. Теперь их уже не устраивает это самоназвание «Украина». Уже не интересно им называться столбовою дворянкой, а очень хочется стать царицей морскойю!.. «Не Украина мы, а Россия, Русь! — вдруг осенились они. — Да, это мы Россия, это мы Русь, а не эти, как их там, не москали клятые! Мы их рашку переименуем в Московию, а себя Русью назовем!» И побежали с этой гениальной идеей в свою мордобитную Раду. А та, отложив на время очередной кулачный бой, тут же эту гениальную идею превратила в законопроект, подлежащий восторженному голосованию. «Переименуем, переименуем своим законом эту ненавистную рашку! Пусть знает, как с нами, с нэзалэжной Русью, связываться!» Только в порыве радости до отмороженных мозгов, естественно, не дошло, что отныне они должны будут называться не украми и не хохлами, а... русскими. Ну никак не может Русь состоять из укров! Пока еще до них это не дошло. Но даже отмороженным мозгам это кто-нибудь со временем объяснит.

Собственно, все последние годы и десятилетия мы именно это им и объясняли. «Вы же — русские, — говорили мы. — Никакие вы не укры, вы — Русь. И ваши «ученые историки» — фальсификаторы и такое же тупое быдло». Но не хотели они

ничего слышать. «Укры мы, и всё тут! Нашим учёным лучше знать!» И вдруг — такой разворот! Не желают больше быть укрыми! Приблизилось им стать царицей морскойю — Россиею!

Ну-ну, как говорится, вперёд и с песней! Давайте, отмораживайтесь дальше, «русские укры»! Вот только теперь именно вас во всём мире будут рашками называть.

* * *

Сколько раз писал я о том, что ИГИЛ давно уже у нас, в России! Более того — в столице! Но власти российские так не считали. Теракты и диверсии по всей стране и ежедневная резня в Москве — это для них не факты. Это так себе, случайности, совпадения, «бытовуха», «преступность национальности не имеет». Чеченцы до полусмерти избивают арматурой русских солдат — Интернет гудит, как улей, но ни по одному каналу ТВ об этом ни гугу. Через два дня узбечка отрезает голову русской девочке, сжигает квартиру ее родителей и с криком «Аллах Акбар!» шествует по улице, размахивая головой ребенка. Телеящик об этом даже не заикнулся. Лужкова давно нет, но его идеи живут и побеждают: «Нельзя, недопустимо разжигать ненависть к иммигрантам».

Ну что ж, «игиловцам» в России и особенно в столице очень комфортно и удобно. Приехать сюда можно легко и свободно, без всяких виз и разрешений. Жить им здесь и работать можно годами нелегально — хоть в подпольных швейных мастерских, хоть нянями в русских семьях. Ну чем не лафа? Это даже не Германия с Францией, где народ всё же протестует против потока и бечинств мигрантов. У нас же для них настоящий Клондайк! А теперь еще и законодательство смягчили за их преступления. Теперь, что бы они ни вытворяли, уголовные дела можно не возбуждать, достаточно оштрафовать или, в самом крайнем случае, депортировать. Красота! Вот и реакция на эту путинско-медведевскую толерантность — отрезанная голова русского ребенка.

Вспомним, сколько слёз пролила госпожа Матвиенко по поводу зарезанной наркоманами «таджикской девочки» (таджикской цыганки)! Сколько громов и молний разметала она в адрес «русских фашистов», будучи главой Санкт-Петербурга! Интересно, пролёт ли она хоть одну слезинку по четырехлетней русской девочке, голову которой отрубила узбекская «игиловка» Гульчехра Бобокулова, без проблем обосновавшаяся в Москве? Обосновавшаяся здесь в том числе и по попустительству законодательницы В.Матвиенко. Или ее нынешняя высокая должность уже не позволяет ей прилюдно слёзы показывать?..

* * *

Видимо, поняв наконец, что молчать дальше просто глупо и неприлично (на третий день после теракта в центре Москвы), второй канал ТВ в вечерних новостях показал короткий репортаж из зала суда над мразью Бобокуловой, по словам диктора, «убившей ребенка». И тут же были подключены некие «эксперты», которые наперебой стали долдонить о ее невменяемости и психическом заболевании. Но об отрезанной голове четырехлетней русской девочки Насти и о сожжённой квартире никто не заикнулся ни разу. Им мало того, что азиатская мразь зверски казнила русского ребенка. Им, на ТВ, еще нужно морально поиздеваться над всеми нами и показать нам, что они всех нас считают тупыми баранами.

* * *

Любому здравомыслящему человеку ясно, что замалчивание подобных зверских преступлений федеральными СМИ — не что иное, как сознательное поощрение их повторений в будущем.

* * *

6 марта в воскресной вечерней программе «Вести» штатный «патриот» Дм. Киселев, видимо, получив от своего руководства указание загасить страсти вокруг ритуально казненной «игиловкой» Бобокуловой русской девочки Насти, несколько раз бросил в эфир эту излюбленную штатными русофобами фразочку: «А что, разве русские не убивают русских?» Сомневаюсь, что натянувший на себя личину патриота телевизионный болтун Дм. Киселев не понимал всей подлости и всего цинизма этой дешёвой и ехидной фразочки. Понимал он и то, из какого мерзкого арсенала русофобских штампов взята им эта затасканная фразочка. Да, прекрасно понимал, что делал, и заказ, спущенный сверху, выполнял с удовольствием, со своей обычной ехидной усмешкой. Русофобское нутро этого пустого демагога ярко выперло наружу сквозь личину штатного «патриота».

«А что, французы не убивают французов? — вслед за ним могли бы спросить и мы. — Или, может, немцы не убивают немцев?» Отчего же тогда все главные европейские лидеры собрались в Париже, после того, как исламистские террористы напали на журналистов «Шарли Эбдо»? И отчего это вдруг поднялся такой вселенский стон? Разве англичане не убивают англичан? С какой стати наши федеральные СМИ в свое время не стеснялись изо дня в день долдонить о т.н. «таджикской девочке», якобы убитой вездесущими русски-

ми «фошистами»? Что, разве таджики не убивают таджиков?

Вот ведь киселёвская напасть на Россию! Один — русофобствует на украинском ТВ, другой — на российском... Как специально кто-то подобрал...

Да, господа Киселёвы, конечно, русские тоже убивают русских. Но они при этом не отрезают голов узбекских, таджикских, чеченских детей. И не ходят с этими головами, как с флагом, по улицам. Видимо, до киселевских голов эти факты самостоятельно не доходят, и надо всем штатным русофобским головам каждый раз об этом напоминать, чтобы они следили за своими попусту треплющими языками.

Если бы русский подонок или русский «игиловец», находящийся в Узбекистане (Азербайджане, Чечне) отрезал голову узбекскому (азербайджанскому, чеченскому) ребенку и размахивал бы ею на улице с криком «Я всех вас взорву!», а местный телевизионный «Киселев» с ехидной усмешкой произнес бы эту фразочку «А разве узбеки не убивают узбеков?», то в самом лучшем случае ему пришлось бы бежать из страны в тот же самый день. Если, конечно, успел бы...

* * *

В Интернете увидел такую информацию о вероломстве и коварстве русских и России. Излагаю ее своими словами.

В 1802 и 1918 гг. — наградили суверенитетом Финляндию.

В 1918 г. — подарили государственность латышам и эстонцам, которой у них никогда не было.

В том же 1918 году вернули государственность Литве.

Польше восстанавливали государственность дважды — в 1918-м и 1944 гг.

Румыния возникла в результате Русско-турецких войн, а суверенной стала по воле России в 1877—1878 гг.

Болгария тоже как государство возродилась в результате победы русского оружия в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Видимо, в ответ на русское вероломство болгары участвовали в составе антирусских коалиций в двух Мировых войнах. Сейчас Болгария — член НАТО, и на ее территории размещены базы США. Хотя после 1945 года на ее территории вообще не было никаких российских войск... Понятно, что так могли поступить только подлые русские оккупанты...

Азербайджан как государство впервые оформился только в составе СССР.

Армения сохранилась физически и возродилась как государство в составе Российской Империи и СССР.

Грузия точно так же сохранилась физически и возродилась как государство в составе Российской Империи и СССР.

Туркмения, Киргизия и Казахстан никогда не имели государственности и получили ее только в составе СССР.

Белоруссия и Украина также впервые обрели государственность по воле советской власти.

Все бывшие союзные республики в 1991 году получили полную независимость. Конечно, исключительно в результате вероломства русских.

Подлая Россия зачем-то освободила от третьего рейха Австрию и Чехословакию. Зачем? — непонятно.

Естественно, исключительно из корыстных целей Россия в 1780 году оказала поддержку в войне Северо-американским Соединённым Штатам, что стало причиной поражения Англии и обретения независимости США.

Дважды за последние два века Россия дарила независимость большинству европейских стран, перемалывая армии их «великих» кумиров — Наполеона и Гитлера.

Только позиция коварного Сталина в переговорах с США и Англией дала Германии возможность сохранить государственность после поражения во Второй мировой войне. А в 1990 году в продолжение своего исконного коварства Россия выступила с инициативой объединения Германии.

Без помощи СССР Египет не смог бы выстоять и закрепить свою независимость в войне с Израилем, Британией и Францией в 1956—1957 гг. В 1967-м и в 1974 гг. вмешательство вероломного СССР остановило войны Израиля с Египтом, что спасло арабов от полного разгрома.

Большинство колоний Западной Европы получили свою независимость после Второй мировой войны, благодаря движению деколонизации, главную роль в котором играл СССР. Только с помощью России и СССР были созданы или отстояли свое право на существование такие государства, как Греция, КНР, КНДР, Индия, Вьетнам, Куба, Ангола, Алжир, Мозамбик и т.д.

Да, господа, коварству русских просто нет предела...

* * *

Наши спортсмены ждали от президента защиты в связи с кампанией, развязанной против них западными СМИ и Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА), находящимся под жёстким контролем США. Америке и Евросоюзу срочно потребовалось в наказание за Крым помимо экономических санкций нанести удар и по российскому спорту. Два года «антидопинговые» чиновники думали, искали и наконец нашли повод — большинство российских спортсменов для восстановления работы сердца после тяжелых физических на-

грузок на протяжении многих лет применяли препарат под нашим названием милдронат (или мелдоний), который по всем медицинским характеристикам не является допингом. Но кого волнуют в США и Европе какие-то «медицинские характеристики», когда нужно во что бы то ни стало прищучить Россию? С января этого года ВАДА внесла милдронат в список препаратов, запрещенных к применению спортсменами. «Экспертам» ВАДА известно, что милдронат выводится из организма в течение нескольких месяцев, и потому наши атлеты, принимавшие его в прошлом году, в этом году почти все не прошли тест на допинг и отстранены от соревнований. Их уже более ста. Им грозит лишение наград и званий, полученных на международных соревнованиях в прошлом году и отстранение от соревнований на ближайшие годы. В число дисквалифицированных попали многие наши чемпионы мира и Европы. Более того, нашим легкоатлетам грозит полное отстранение от участия в Олимпийских играх этого года в Бразилии. Чего, собственно, и добиваются американские околоспортивные напёрсточники.

Конечно, наши главные чиновники, присосавшиеся к спорту, как всегда, проспали давно готовившуюся против нас провокацию «антидопинговых» воротил. И прежде всего, конечно, прохлопал ушами пустой и никчемный, но очень говорливый спортивный министр В. Мутко, питерский дружок президента. Но теперь уже, когда всем понятно, что в дело опять вмешалась политика, кремлевским чинушам нужно было сразу же сказать свое жёсткое слово по поводу этой, еще одной, антироссийской провокации. Но куда там! Сдавать своих — это их профессиональная привычка.

Спортсмены надеялись на веское слово президента, т.к. ситуация — вопиющая и возмутительная. Но желание выглядеть в глазах т.н. «международной общественности» непредвзятым и очень благородным, желание получить от этой «общественности» новые восторги и аплодисменты оказалось непреодолимым. «Сами виноваты», — на всю страну заявил Путин. — Нечего было милдронат употреблять». И ни слова о том, что это лекарство не является допингом. А ведь для многих наших спортсменов этот предательский удар означает не просто конец карьеры, но и сломанную судьбу, т.к. они остановлены чужими и преданы своими в расцвете спортивных сил, достижений, планов и надежд.

Между прочим, зарубежные спортсмены, и прежде всего американские, без проблем принимают аналоги милдроната под другим названием, и к ним у ВАДА нет никаких вопросов. И это вполне естественно.

Начальник СБУ по прозвищу Грицак заявил по киевскому ТВ о причастности России к брюссельским терактам. Д. Медведев и С. Иванов обозвали его придурком и дегенератом. Их смелости хватило только на пана Грицака. Хотя в украинской власти абсолютно все, повторяю, **абсолютно все** — придурки и дегенераты. И среди киевских придурков и дегенератов пан Грицак — вполне «нормальный». Показательно и то, что все до одного представители киевского режима, торчащие на центральных каналах российского телевидения, — точно такие же придурки и дегенераты. Их словно чёрт метит.

После отрезанной в Москве головы русской девочки Насти, после погибших воркутинских шахтеров, после рухнувшего под Ростовом пассажирского авиалайнера — наших трагедий, равнодушно и без особых эмоций отмеченных мировыми новостными агентствами, брюссельские теракты и приговор айдаровской живоде́рше Н. Савченко вызвал неистовый взрыв, душераздирающий вопль, истерику западных СМИ, шквал, шторм, ураган в мировом информационном пространстве.

В Брюсселе 22 марта Европа получила удар в солнечное сплетение и до сих пор не в силах отдышаться, охваченная судорожной паникой. В Брюсселе целую неделю не работали школы, детсады, общественный транспорт и многие гос. учреждения. В город, где находится штаб-квартира НАТО, были введены войска. А ведь накануне брюссельских взрывов вся Европа буквально надрывалась в крике, требуя освобождения из-под суда украинской террористки. Но, как известно, Бог не играет в кости. Вы, господа евроинтеграторы, хотели освободить террористку — вот вы и получили то, что просили: три теракта в аэропорту и метро. Как говорится, за что боролись...

Террористка Савченко за свои живоде́рские дела огребла 22 года заключения. Вообще-то маловато за жизни наших людей. Но, боюсь, и половины этих лет она не отсидит — выдадут ее кремлёвские «миротворцы» киевским рукопожатным «партнёрам». Чего не сделаешь ради своего зудящего под ложечкой болезненного «гуманизма»... Тем более что этого так громко просит морально пострадавшая от террора «европейская общественность»...

Но в те же самые дни, словно под сурдинку, т.н. «гаагский трибунал» приговорил национального героя боснийских сербов Радована Караджича к 40 годам лишения свободы. И — никаких протестов ни с чьей стороны (кроме сербской, ко-

нечно). И — никто, кроме сербов, не потребовал его немедленного освобождения. В том числе и в Кремле промолчали. Именно поэтому теракты в Европе будут продолжаться. И не только в Европе. Потому что Бог не играет в кости. Но в них очень любят играть международные эксперты по «правам человека»...

А ведь албанские исламистские боевики, с которыми воевал Караджич и его генерал Младич, были предшественниками тех головорезов, которые затем создадут т.н. «исламское государство». Караджич в 90-е годы прошлого века пытался остановить тот террор, накрывший ныне весь Ближний Восток и ту самую Европу, бросившую его в гаагскую тюрьму. Караджич пытался спасти тех, кто был казнён исламистами в Сирии, как и тех, кто был убит в Париже и Брюсселе. Но этого очень не хотели в Белом доме, и за это Европа приговорила его фактически к пожизненному заключению.

Когда-то Гитлер сказал: «Европе надо хорошенько надрать задницу, чтобы она поумнела». Ныне эту роль выполняют другие «мультикультурные» канныбалы, как всегда, выпестованные самой Европой.

Вот они, европейские ценности — слёзы по садистке и террористке и тюрьма для героя.

* * *

Первая кроличья крыса сбежала с тонущей посудины под названием «Нэзалэжная». Накричалась на майдане, наигралась во власть и дала дёру. Другая поросычья крыса пока еще сидит вся в свидомой грязи — выжидает удобного момента, чтобы смыться без побоев и с прибылью. А прыгуны пусть еще поскачут и покричат «Хероям слава!» Их недавняя кричалка «Украина — це Эуропа» снята с повестки дня. Европа от них отказалась и больше их не хочет. Там своих крыс хватает. А куда бежать? Только в Америку — в крысиное царство.

* * *

Лауреат премии мира Барак Хусейн Обама самым большим своим провалом назвал вторжение США в Ливию. Так за что же тебе, недоумку, премию дали? Вернуть надо, однако.

* * *

Более двух тысяч русских осуждены по ст. 282 УК РФ за высказывания о евреях или чеченцах. Но отчего же прокуратура пропускает мимо ушей нацистские заявления польских ублюдков на российском телевидении? И почему никто там не дал им в морду?

* * *

Медсестру тульского роддома по фамилии Сундеева, которая сожгла на процедуре облучения двух новорожденных русских детей, суд амнистировал.

* * *

Реальным проявлением Бога в человеческой жизни является музыка. Мы не задумываемся об этом, но музыка имеет духовное происхождение, т.к. исходит не из сознания, а из души, являющейся частицей Божественного (Святого) Духа. Изначально музыка, как и пение, были даны человеку для прославления Творца. И на протяжении многих веков музыка оставалась исключительно духовной, т.е. религиозной, как, между прочим, и поэзия, независимо от того, каковой была религия у народов. Но чем дальше человечество уходило от Бога, тем более утрачивалась эта Божественная связь, тем более музыка становилась т.н. «светской», бездуховной, и в конце концов уже прямо сатанинской — «роковой», что, кстати сказать, и подтверждает приближение последних времён.

Но кто знает, что изначально означали названия нот? А между прочим, эти названия как раз многое и объясняют:

Do — Dominus — Господь;

Re — Regum — материя;

Mi — Mirakulum — чудо;

Fa — Familias Planetarum — Солнечная система;

Sol — Solis — Солнце;

La — Laktea Via — Млечный Путь;

Si — Siderae — небеса.

* * *

Шизофрения нашего времени. Чуть не каждый вечер по нескольким центральным телеканалам **одновременно** витийствуют одни и те же допущенные к экрану телевизорные оракулы. Причем изо дня в день они повторяют одно и то же. Кричат, истерят, перекрикивают, заглушают друг друга, не желая слышать другого, но очень желая успеть выкрикнуть что-то своё, причем повторенное ими в сотый раз. А ведущие перед началом этого паноптикума непременно объявляют, что у них... прямой эфир... И уже почти никого не удивляет, как это одним и тем же оракулам удастся в «прямом эфире» раздвоиться или даже растроиться на Первый канал, Российский и НТВ?.. Только в мультфильме о «Простоквашине» наивный почтальон Печкин мог удивиться: «Вот до чего техника дошла...»

Похоже, их в телецентре клонируют, и они в одно и то же время торчат на разных каналах в «прямом эфире»...

На этот театр абсурда российский обыватель смотрит как на цирковое представление. Его действующие лица по популярности уже переплюнули любых актеров кино. А Жириновский с Надеждиным и Ковтуном могли бы претендовать на премию Оскара за лучшие комедийные роли... Жаль только, в Америке эти представления не транслируются. А то бы равных им претендентов на Оскара там не нашлось...

* * *

Как невозможное становится возможным...

Апрель 2016 года:

Обама: «Самой моей страшной ошибкой было вторжение в Ливию».

Путин: «Такое мог сказать только очень порядочный человек».

Теперь представим себе апрель 1945 года:

Гитлер: «Самой моей страшной ошибкой было вторжение в Россию».

Сталин: «Такое мог сказать только очень порядочный человек»...

Нет-нет, я ничуть не сравниваю одно время с другим. Эти слова Сталина были невозможны. Я говорю лишь о степени деградации хозяев Кремля... Невозможное, бывшее совсем недавно, стало обыденной реальностью, воспринимаемой почти всеми с безразличием.

* * *

«Очень порядочный человек» Барак Хусейн Обама, получив Нобелевскую премию мира и тут же совершив свою «самую страшную ошибку», залил кровью Ливию и Сирию, в результате чего сотни тысяч беженцев с Ближнего Востока хлынули в Европу.

Этот «очень порядочный человек» чуть ли не весь мир заставил ввести экономические санкции против России.

Этот «очень порядочный человек» профинансировал государственный переворот в Киеве и привёл там к власти бандеровско-фашистскую хунту.

Этот «очень порядочный человек» пытался через ООН привлечь Россию к международному трибуналу за сбитый над Украиной малазийский «Боинг».

И вообще, у кремлевских небожителей «очень порядочные партнёры»...

СУДЬБА КАЗАЧЬЕГО ГЕНЕРАЛА

7 (19) февраля 1886 года родился легендарный казачий атаман Андрей Григорьевич Шкуро (Шкура). Впервые это имя я услышал ещё подростком от моего деда, потомственного кубанского казака, участника Первой мировой войны Акима Ивановича Юдина, сыновья которого (по первому браку) — старший Митро (Дмитрий) и младший Иван — сражались в гражданской братоубийственной бойне по разные стороны баррикад: есаул Митро исправно служил под началом белоказачьего атамана Шкуро и сгинул, по выражению деда, в неизвестности, то есть пропал в эмиграции после победы большевиков. А младший сын, командир красной сотни Иван встретил смертную пулю при ликвидации белых «банд» в густых кубанских зарослях камыша. Вот такая трагическая страница, казалось бы, частной семейной хроники, а, если её помножить на миллионы погубленных судеб и жизней — величайшая кровавая драма России...

Немало дед поведал и других воспоминаний о своей нелёгкой казачьей службе в годы войны: как с шашкой наголо и пикой наперевес ходил в атаки на австрийские редуты, как

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

удостоился Георгия 3-й степени за пленение в бою австрийского офицера, а потом, тяжело контуженный и весь израненный, был списан подчистую на гражданку. При этом он уважительно произнес имя прославленного кубанского казака Андрея Шкуро, скорбно вопрошая:

— Ну зачем сказнили боевого генерала?.. Он же не шадил живота своего, геройски сражался с проклятой немчурой и австрияками, а в лихолетье Гражданской войны мучился, метался, искал пути спасения России. Не о себе и своём сундуке заботился — об Отчизне... К чему погубили зазря столько безвинного народу?!

Пионер, изрядно начитавшийся книжек про «белых гадов», я с дедом решительно не соглашался, отчаянно кипятился, никак не мог взять в толк: почему он не поймёт, что советская власть дала людям счастье свободы, равенство и братство?! А царь, помещики и капиталисты — «классовые враги» трудового народа и потому по заслугам своё получили...

Дед искоса поглядывал на меня с умным старческим прищуром, неторопливо попыхивал дымком чубуковой трубки, изготовленной его умелыми руками, терпеливо выслушивал мои горячие ребячьи возражения, потом, глубоко вздохнув, разглаживал прокуренные крепким табаком-самосадам усы и, глядя задумчиво куда-то вдаль, тихо продолжал:

— Ничего, Бог рассудит, кто прав был, а кто виновен. Господь — всем судья. Подрастёшь, внук, всё поймёшь...

Спустя десятилетия я действительно многое узнал, многое переосмыслил. Потому, не навязывая своего мнения читателю, а только желая помянуть добрым словом имя нашего земляка-кубанца, прославленного казачьего атамана Андрея Шкуро в день его рождения, как того требуют каноны Православия, решил напомнить читателю о его боевом пути.

А.Г. Шкуро родился на Кубани в станице Пашковской близ Екатеринодара в семье потомственного казака-подъесаула. Его отец, ветеран нескольких войн, согласно заведённому порядку, не мыслил себе судьбу сына без военной карьеры и с молодых ногтей готовил его к ратной службе престолу и Отечеству. Юноша успешно окончил 3-й Московский кадетский корпус. В 1907 г. он один из лучших выпускников Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. С мая 1907 г. служил в 1-м Уманском кубанском казачьем полку со стоянкой в крепости Карс. Принял участие в экспедиции против банд на территории Персии в составе конного корпуса генерала Н.Н. Баратова. Получил первую боевую награду — орден Святого Станислава 3-й степени.

Молодого, неуёмного, страстно искавшего воинских подвигов офицера всегда тянуло туда, где гремели выстрелы, слышался звон сабель, и потому рутинное однообразие провинци-

ального гарнизона быстро ему наскучило. В 1910 г. он добивается перевода в Читу, в казачьи части, охранявшие золотые прииски. Там Шкуро конвоирует караваны с золотом и ведёт охоту за контрабандистами. Служба в Чите продолжалась до 1914 г.

Грянула Первая мировая война. В августе 1914 года офицер Хопёрского казачьего полка Андрей Шкуро оказывается на Галицийском фронте. Сначала он командует пулемётным взводом, затем отрядом конных разведчиков — делом, как понимает читатель, требующим особой хватки и отваги.

В первые же дни взвод под его командованием захватывает 48 пленных и два пулемёта. Как вспоминают современники, Шкуро отличался непревзойдённым мастерством лихих, головокружительных атак, причём своих казаков он водил в бой лично, всегда впереди!.. Привлекало сослуживцев отсутствие у командира чванства, самолюбования, даже намёка на сословную спесь.

В тяжёлых сражениях Шкуро был несколько раз ранен. За храбрость и умелое командование взводом в галицийской битве, а также за геройское пленение большого числа австрийцев удостоился ордена Святой Анны 4-й степени и почётного Георгиевского оружия.

Когда по всей линии фронта установилась позиционная война, Шкуро разработал оригинальный проект выхода из этого тупика. Он предложил создать множество небольших групп специального назначения для засылки в тыл противника и организации диверсий, подрывов и похищений вражеского командного состава. Сам император Николай II одобрил задумку смекалистого офицера и, пожимая ему руку, произнёс:

— С Богом, в добрый час!

Утверждая списки представленных к награждению почётным Георгиевским оружием, Государь Император посетовал на не совсем благозвучную фамилию героя и тут же высочайше повелел её изменить. Так боевой казачий офицер монаршей волей в одночасье был превращён в Шкуро.

В конце 1915 г. появилась знаменитая, прославившая себя на весь фронт «Волчья сотня» Шкуро — специальное, хорошо обученное и вооружённое подразделение пластунов-разведчиков, прообраз будущих диверсионных групп.

Командир тщательно подбирал людей в свой отряд, собственноручно обучал их рукопашному бою, маскировке и минному делу.

Так в России, в XX веке, появилась первая группа русского спецназа, способная выполнять самые опасные, казалось бы, невыполнимые задачи. «Волчья сотня» буквально наводила ужас на противника. В немецком тылу казаки-диверсанты громили полковые и дивизионные штабы, взрывали мосты и железные дороги, склады боеприпасов и вооружения, похи-

шали высокопоставленных офицеров, нарушали связь. Вскоре у сотни появилось собственное боевое знамя: устрашающая оскаленная волчья пасть на чёрном поле. Историки пишут: вполне вероятно, что казаки позаимствовали эту идею у опричников Ивана Грозного, которые для устрашения врагов неизменно ездили с притороченной к седлу собачьей головой...

А в июле 1915 года Андрей Григорьевич успешно применяет легендарную пулемётную тачанку, намного опередив в этом деле и махновцев, и большевиков. О диверсионной деятельности Шкуро ходили легенды по всему фронту. Германское и австро-венгерское командование даже назначило крупное вознаграждение за его поимку.

В середине 1916 г. на базе «Волчьей сотни» была сформирована специальная партизанская бригада. Она стала проводить глубокие рейды в тыл противника и участвовала в знаменитом Луцком прорыве, успешно разрушая и дезорганизуя тылы противника.

Опыт этой бригады и лично Шкуро в последующем специально изучался советскими военачальниками для создания партизанских отрядов и бригад на Украине и в Белоруссии. И вообще в целом многие идеи Шкуро впоследствии были использованы мировыми державами для создания диверсионных групп специального назначения. Его хитроумные фронтовые замыслы и проекты воплощались в жизнь аналитиками сталинского Генштаба, НКВД, ГРУ, гитлеровским абвером и СД, разведками США и Великобритании как в предвоенное время, так и в ходе Второй мировой войны. Как знать, сложись судьба лихого кубанского казака иначе — быть бы ему в ряду выдающихся советских полководцев и крепить боевые успехи русского воинства...

В начале 1917 года русская армия готовилась к весеннему наступлению по всему фронту. Перелом в войне уже был очевиден и близок. Но тут случился невероятный, резкий поворот в истории России: Государь Император отрёкся от престола!..

Здесь я не буду говорить о спорности трактовок этого исторического события, перечислять разноречивые версии о том, что якобы никакого добровольного отречения царя вовсе и не произошло, а был, образно говоря, подло вонзён нож в спину Николая II предавшими его генералами-заговорщиками. Как бы то ни было, свершилась страшная трагедия, принесящая России океан горя, мук и страданий.

Февральскую революцию полковник Шкуро встретил на Румынском фронте. У него сразу же начались жёсткие столкновения с солдатскими комитетами во главе с большевиками, призывавшими остановить военные действия, открыть фронт, побрататься с противником и, прогнав всех «буржу-

ев», взять власть в свои руки. Андрей Григорьевич отчётливо понимал, какую страшную беду стране несёт развал армии, когда победа над врагом так близка и уже почти в руках. Казаки «Волчьей сотни» не раз гоняли нагайками революционных пропагандистов и агитаторов, заставляя их принародно «каяться» — петь гимн России «Боже, Царя храни»... Немудрено, что после такого публичного «перевоспитания» за Шкуро и его подчинёнными потянулась слава «махровых контрреволюционеров».

Широко образованный, глубоко разбирающийся в хитросплетениях международной политики, Андрей Григорьевич понимал: «Миллионы долларов, фунтов стерлингов, германских марок, французских франков, да и русских рублей было брошено сионистско-масонскими банками и банкирами, политическими наймитами, революционными экстремистами и разрушителями национальных устоев на бешеную антирусскую пропаганду, на свержение русской монархии и разорение русской государственности» (См.: Борис Бразоль. Россия на взлёте).

В июне 1917 г. Шкуро погрузил своих казаков в эшелон и отправился на Кавказский фронт, где разложение армии шло не столь быстрыми темпами. Его бригада прибыла в Турцию и влилась в состав 1-го отдельного Кавказского корпуса, которым командовал генерал Баратов.

В феврале 1918 г. большевистские правители подписали позорный Брестский мир с Германией. Для Шкуро это было страшным ударом. Глубоко потрясённый, он распускает своих воинов и возвращается домой в Кисловодск, где находилась его семья. Через месяц его арестовывает ЧК: явно готовилась расправа над боевым офицером-патриотом. С помощью преданных, обожавших своего командира казаков Шкуро совершает дерзкий побег из хорошо охраняемой тюрьмы и укрывается в горах. Там он вновь быстро собирает казаков «Волчьей сотни».

У них не было артиллерии, снарядов и патронов. Они ведут партизанскую войну против регулярных частей Красной армии, превосходящих их по численности в 20—30 раз. Но громкая слава атамана, безраздельно преданного православной вере, царю и Отечеству, притягивает к нему всё больше и больше казаков, его отряд растёт не по дням, а по часам.

В мае-июне 1918 года совершены успешные походы на Ставрополь, Ессентуки и Кисловодск. В июле 1918 г. дерзким внезапным налётом Шкуро громит штаб красных и берёт Ставрополь. Этим он спасает от гибели сотни гимназистов, студентов, офицеров, учителей и других горожан, обречённых на расстрел ставропольской ЧК.

В то время на Кубани и Дону развернулся настоящий красный террор против казачества: без суда и следствия истребля-

лись офицеры, глумливо осквернялись церкви, шли повальные реквизиции и грабежи, производились массовые расстрелы не только военных, но и безвинных гражданских лиц.

В некоторых мемуарах современники отмечают: «Войска под командованием Шкуро отличались исключительной жестокостью...» Было бы странным опровергать это утверждение, но при всём том следует помнить, что исключительная жестокость в годы гражданского братоубийственного человекоповала была свойственна как той, так и другой стороне — достаточно прочитать гениальную трагическую эпопею М. Шолохова «Тихий Дон», а также «Красный террор в России» С. Мельгунова, «Окаянные дни» И. Бунина, «Солнце мёртвых» И. Шмелёва, «Щепку» И. Зазубрина...

В мае 1919 года полковник А. Г. Шкуро назначен командующим Кубанской армии — одной из основных составляющих Вооружённых сил Юга России. Было командарму всего тридцать четыре года!

Вскоре армия Шкуро соединилась с Добровольческой армией генерала Деникина. В январе 1919 г. они освобождают от большевиков верховья Кубани и берут Владикавказ — столицу Терского Казачьего войска, за что Шкуро получает звание генерал-майора. «Белый партизан», «народный герой» — эти эпитеты в адрес прославленного казачьего генерала не сходят со страниц газет.

В феврале 1919 года корпус Шкуро был переброшен на Дон, где красные одерживали крупные победы. Прибывший в Кубанский конный корпус Шкуро оказал большую поддержку добровольцам. Предварительным отступлением он отрезал от дивизии Красной армии, состоящей из трёх полков, тыловые обозы, утром атаковал в конном строю большевистские части, взял 5 тысяч пленных. Затем ночью атаковал Горловку, взорвал железнодорожные мосты к северу от неё и захватил два бронепоезда.

При взятии Мариуполя попало в плен 40 тысяч красноармейцев со всем боевым снаряжением и наголову разбита группа Махно, метавшегося между красными и белыми, заигрывавшего с теми и другими. За подвиги и беспримерную доблесть А. Г. Шкуро был произведён в чин генерал-лейтенанта и утверждён командующим конным корпусом, состоящим из двух дивизий.

Весной — летом 1919 года корпус Шкуро успешно участвовал в боях на Украине. Белые взяли Харьков, Екатеринослав. Во время Московского похода 3-й Кубанский корпус Шкуро получил приказ занять Воронеж, что казаки успешно и сделали 17 сентября 1919 года, взяв 13 000 пленных и много вооружения.

В августе 1919 года генерал-лейтенант Белой армии Шкуро сообщил в штаб Деникина, что его конный состав готов прорваться к Москве и завладеть ею. Казалось, победа над узурпировавшими власть большевиками близка, как никогда. Однако в силу роковых разногласий в высшем руководстве белых (о них, в частности, уже в эмиграции обстоятельно напишет А.И. Деникин в своих «Очерках Русской смуты») и недооценки сил красных наступление неожиданно захлебнулось.

Собрав все имеющиеся резервы, в октябре красные начали масштабное контрнаступление на Воронеж на нескольких участках фронта. 11 октября Шкуро и Мамонтов были вынуждены оставить город, который заняла конница Будённого, и начали отступать на юг. Переломить ход истории было уже нереально.

В мае 1920 года А.Г. Шкуро оказался в эмиграции.

На Западе судьба удалого казачьего атамана повернулась к нему спиной. Чужбина встретила его так же враждебно, как и многих его соратников по Белому движению.

...22 июня 1941 года казачий генерал делает свой роковой выбор: не видя иной возможности изгнания большевиков и восстановления монархии в России, он заключает политическую сделку со своими бывшими врагами — немцами, уповая на их гигантскую военную мощь, и приступает к формированию казачьих частей, союзных гитлеровскому вермахту. Сам Андрей Григорьевич неистово рвался на родину, наивно уверовав в то, что он «всю Кубань поднимет супротив большевиков». Однако его ставка на союз с нацистами потерпела крах.

В 1945 г. в соответствии с решениями Ялтинской конференции англичане интернировали Шкуро и других казаков-эмигрантов.

17 января 1947 года центральные советские газеты «Правда» и «Известия» опубликовали краткое сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР, которая «приговорила агентов германской разведки, бывших главарей вооружённых белогвардейских частей в период Гражданской войны атамана Краснова П.Н., генералов Белой армии Шкуро А.Г., князя Султан Килыч-Гирея, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и генерала германской армии эсесовца фон Панвица к смертной казни через повешение. Приговор приведён в исполнение». Лишь одного П.Н. Краснова ввиду его преклонного возраста расстреляли.

Уже в 1990 гг. были опубликованы данные, что тела казнённых сожгли в Донском крематории, а прах ссыпали в «братскую могилу невостребованных прахов №3»...

Нескончаемые споры историков и политологов — совершил ли преступление путём измены родине А.Г. Шкуро, добровольно выступив в составе германского вермахта против

большевиков, рассчитывая именно таким способом возродить великую Российскую империю, — я оставляю за скобками этой статьи.

На мой взгляд, главное — бережно хранить в памяти каждую страницу нашей сложной, противоречивой и вместе с тем героической истории, избегать искажений и предвзятостей её толкования, предостерегать потомков от опасных ошибок и заблуждений. И не торопиться выносить своим отцам и дедам негативных, бездумно-осуждающих приговоров, ибо история не терпит поспешных, категоричных выводов и оценок.

...Задумчиво, с пронзительной болью в душе излагал мне дед Аким Иванович печальную участь своих сыновей, ставших друг другу навек непримиримыми врагами. Вспоминая кровавую войну «красных» и «белых», он в одинаковой мере осуждал и тех, и других, с горечью подводя итог:

— Весна на дворе. Надо было пахать, сеять, пасти скотину, а в разорённых хуторах и станицах страдали голодные, измученные бабы с детишками, больные старики да инвалиды войны вроде меня. Сколько людей было погублено зря!.. Как в Святом писании предсказано — так всё и случилось. Брат пошёл на брата, сын поднял руку на отца, отец на сына. Бога забыли, супротив веры пошли, Сатане предались! Обезумел народ. Лютовал немилосердно, никто никого не щадил. И что получили? Великое горе, море крови да слёз...»

Смахнув с морщинистой щеки слезу, дед тихо продолжал: «Помню, уже в конце Гражданской войны, в нашей хате нечаянно столкнулись лоб в лоб две моих кровинушки — сыновья Ванька да Митька: один спешно отступал со своими, торопился прихватить в неизвестную дорожку краюху хлеба, а другой с передовой воинской частью «красных» уже вступал в станицу. Вместо радости свидания оба жуть как раскипятились, расхорохорились, шашки свои из ножен выхватили, чуть не порубили друг дружку! Правда, я тогда, хоть и рана моя не зажила, при силах был, обоим неразумным чадам накостылял по шеям как следует. А вот повидать живыми мне их после того случая так Господь и не привёл — один бесследно сгинул на турецкой чужбине, а другого, убитого, я скоро похоронил. За что ж такое нам Божье наказание? Видать, за то, что забыли святые молитвы, гробили друг дружку без пощады...»

Вспоминая суровые, поучительные рассказы покойного деда, я с горечью думаю: как жаль, что поздно мы спохватываемся, поздно наставляем себя и других на путь истинный. В итоге пожинаем неисчислимые беды и страдания, нещадно умывается кровью родная мать-Россия...

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

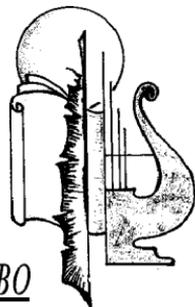
АРХИП ИВАНОВИЧ КУИНДЖИ
(1842 — 1910)

Архип Иванович Куинджи не был очень уж плодовитым живописцем, он не умел и не любил повторяться. «Пусть лучше только это, что есть. Я высказался главным, а второстепенное никому не нужно», — говорил он.

У Куинджи был совершенно детский взгляд на мир. Может быть, потому, что рано остался сиротой. Отец умер, когда Архипу шел всего шестой год. Вскоре умерла мать. Лишившись родного угла, Архип жил у тетки в Мариуполе. Грамоте обучался на медные гроши в «вольной школе» грека-учителя. Учитель сам был едва грамотен, поэтому учение продолжалось недолго. Архип пас гусей, был подручным на строительстве храма — дорогу в жизнь пробивал себе сам.

Страсть к рисованию в нём проявилась рано и была настолько огромна, что он рисовал где только мог и чем только мог!

В девятнадцать лет, подкопив небольшую сумму, поехал в Петербург поступать в Академию художеств. Не приняли, конечно. Дважды поступал, дважды проваливал экзамен, но никто не слышал от него ни жалоб, ни сетований.

ИСКУССТВО

Работал ретушёром в фотосалоне, и «сам-один» в своей каморке писал картины. Странная, исключительная судьба! Только через семь лет Архипу Куинджи разрешили посещать Академию в качестве вольнослушателя.

Прочувшись три года, дойдя до натурального класса, Куинджи внезапно исчез. Даже друзья не знали, где он, пока наконец не нашли его в фотосалоне, где он заведовал фоном и позами. Кое-как удалось вернуть его в товарищескую среду. Однако жажда самостоятельности все равно заставила Архипа Ивановича предпочесть Академии собственную каморку. Независимо от французских импрессионистов, Куинджи изучил законы сочетания дополнительных тонов, а в области воздушной перспективы достиг высочайшего мастерства. Вынесенное впечатление от природы и затем тщательный, до педантизма, подбор тонов, стали его неизменным приемом.

Он сам обучил себя, сам воспитал свой дар. Скажет впоследствии: «Если художественное дарование настолько слабо, что его надо ставить под стеклянный колпак, а иначе оно погибнет, — туда ему и дорога! Если человеку дано что-нибудь сделать, он сделает».

Куинджи не признавал никаких традиций, опрокидывал все правила, все рецепты и делал так, как бродило у него в голове. Обладая уникальным восприятием цвета — от насыщенных контрастных тонов до мягких, «исчезающих» полутонов — справлялся с самыми сложными художественными задачами.

В 1876 году Архип Иванович представил на выставку картину «Украинская ночь», которую тотчас купил Павел Михайлович Третьяков. Затаилась природа, тьма перемещается как живая; хуторок, словно в сказке; и светит над этим миром яркая, знакомая и неведомая луна. Настроение южной ночи было передано в совершенстве. Просто, незатейливо, но так живо! Души зрителей наполнялись тихой радостью при виде картины, хотелось смотреть и смотреть на нее, руками трогать, хотелось... шагнуть в нее.

Увидев «Украинскую ночь», Репин воскликнул:

— Куинджи — гений!

— Гений! — эхом отозвался Крамской. — Не много таких насчитаешь.

Газеты писали, что этот пейзаж совершенно убивает другие пейзажи на выставке. И это действительно было так — настолько необычной и в то же время до крайности правдивой казалась картина с ее глубочайшим небом, лунным светом на стенах хат и величаво-недвижным покоем.

Российские критики в один голос заявили, что ничего по-

добного искусство еще не знало.

«Не верится, что это могли сотворить обычные краски!»

«Задумываешься: не здесь ли предел для развития художника?»

Картина стала сенсацией. Начались споры вокруг творчества Куинджи. Стали звучать заявления, что так писать нельзя, потому что это не картина, а живой момент.

Архип Иванович не вступал в полемику. Что он мог сказать в оправдание своего творчества? Что, живя в Петербурге, тосковал по южной неге? Что эта тоска переродилась, в конце концов, в романтическую иллюзию, наполнив собой его жизнь и его творчество? Что никогда не забудет ночей, проведённых с пастушкой Настей под таинственной южной луной?.. Никто этого не поймет.

С «Украинской ночи» началась зрелая пора в творчестве Куинджи.

В 1878 году он показал петербургской публике «Вечер на Украине». Никогда еще в живописи не был передан закат солнца столь чарующе. Так мог увидеть только ребенок. А написать — волшебник. Но волшебства тут не было: к этой картине Куинджи шел очень долго, ибо только казалось, что здесь одно мимолетное впечатление от природы. Чтобы написать такую картину, надо было многое повидать и уложить в своей памяти, многое знать.

Жаждой знаний Архип Иванович был охвачен всю свою жизнь. Он желал всё понимать не только в искусстве, но и в науке. Когда ему говорили, что не все научные вещи можно объяснить, что есть такие, которые требуют особой подготовки, он сердился:

— Как же это так, что я не могу понять? Ведь я же человек, я должен понимать всё! Мне не надо подробностей, мне надо главное. «Нельзя понять»... Нет, это вы не умеете разьяснить *просто*.

Сам он писал очень просто. Он в совершенстве владел этой гениальной простотой и не верил, что другим такое владение не дано. Он подходил к художественной задаче с какой-то совсем своей, неожиданной, не общепринятой стороны. Лишенный настоящего образования, до всего доходя «сам-один», при даровитости натуры и богатстве жизненного опыта Куинджи решал вопросы так, как подсказывало ему сердце.

Имя его не сходило со страниц петербургской печати. Картины этого непревзойденного мастера световых контрастов воспринимались как полная иллюзия действительности. Кроме Куинджи, не было ни одного художника, достигшего таких чудес в живописи. «Глядя на такие картины, я могу сделаться лучше, добрее, здоровее», — признавался Крамской.

Возле полотен Куинджи постоянно бурлила толпа, вызывая

зависть к нему в художественной среде. Кое-кто из художников начал уличать Куинджи «в полном невежестве, в полном незнании техники». Архип Иванович не связывался, не пререкался. Не до того ему было. Под руководством Д.И. Менделеева и физика Ф.Ф. Петрушевского он изучал влияние света на свойства красок в живописи. Упорным, настойчивым трудом достигал виртуозного владения цветом и композиционной простоты.

Весь свой талант и энергию Куинджи отдавал раскрытию неисчерпаемых красот природы. «Берёзовая роща». Начало лета, первых жарких дней с яркой и чистой листвой, сочными коврами трав. Влажная дымка воздуха. Ничего, кажется, особенного, но публика бесшумно толпилась перед картиной на выставке в Петербурге и в Москве. Было чувство открытия не только этого уголка леса, земли, но открытия для себя мира в целом. Мелкие солнечные кружки на березах играли живым, настоящим светом, по зеленой опушке темнел ручеек, стволы берез выступали стереоскопическим рельефом... — создавалось впечатление огромной внутренней леса, уходящего — одна группа стволов за другой — вдаль.

— Это чёрт знает что такое!.. Как в первый раз, я радуюсь, радуюсь всеми нервами моего существа... Вот оно, настоящее-то, то есть такое, как оно может быть! — восклицал художник Маковский.

— Это — не картина, с нее картину можно писать! — поражался Шишкин.

«Трудно теперь предсказать, куда пойдет пейзажная живопись, но перед ней распахнулось что-то широкое, светлое, совершенно новое, небывалое, чего никто не ожидал, о чём никто не смел думать... Какая же сила должна быть у художника, который так широко распахнул эти двери и открыл новую, неведомую область!» — высказывались критики и живописцы.

Опасались они только одного: долговечной ли будет комбинация красок, которую открыл Куинджи? Может быть, он соединил вместе такие краски, которые находятся в природном антагонизме между собой и, по истечении известного времени потухнут или изменятся? И потомки будут пожимать плечами в недоумении: отчего приходили в восторг зрители? Во избежание такого будущего, Крамской даже предлагал засвидетельствовать протоколом, что полотна Куинджи действительно все наполнены светом и воздухом, что свечение и бездонность их настоящие.

Опасения оказались не напрасными. Смешение химически несовместимых красок стало горем не одного Архипа Ивановича. Эта живопись чернела со временем. Люди, видевшие картины Куинджи в годы их появления, впоследствии их не узнавали, — так померк под черным «флером» некогда

блестящий, могучий колорит. Но все равно, симфонии Куинджи, взятые так просто, переданные такими, казалось бы, элементарными приемами, — до тех пор, однако же, не приходившими в голову ни одному живописцу, — овладевали зрителем и вливали в душу тихое и какое-то загадочное ощущение.

В 1880 году впервые на Руси появилась выставка отдельного художника, да притом одной только картины. И картина эта — не какой-нибудь грандиозный исторический сюжет, а скромный по размеру пейзаж. Буквально весь грамотный Петербург целыми днями осаждал помещение выставки. Кареты стояли по Большой Морской до самого Невского и загибали еще за угол по Невскому до Малой Морской. Публику во избежание давки, приходилось впускать группами. В то время как одна группа толпилась перед картиной, другие длинной вереницей ждали на лестнице и густой толпой стояли у подъезда. Творилось что-то небывалое!

Картина была выставлена в темном помещении и освещена сбоку ламповым светом. «Что это такое? — стояли перед ней пораженные зрители. — Картина это или действительность? В золотой раме или в открытое окно виден этот месяц, эти облака, темная даль, эти «дрожащие огни печальных деревьев» и переливы света, эти серебристые отражения месяца в струях Днепра, огибающего даль, эта поэтическая, тихая, величавая ночь? Нет ли тут фокуса? Не писал ли Куинджи на перламутре? Не искусственное ли освещение лампы придало картине такой блеск и такое обаяние?»

Иллюзия света была так полна, что иные наивные граждане просили разрешения заглянуть за ширму, на которой висела картина, чтобы удостовериться, не написана ли она на стекле и не просвечивается ли сквозь него какой-нибудь лампой. Но те, кто видел картину днем, когда по воскресеньям художник на два часа открывал для посетителей мастерскую, говорили, что при солнечном освещении она еще лучше.

Помимо удивительного светового эффекта, «Ночь на Днепре» была наполнена поэзией южной летней ночи с ее глубокими, таинственными тенями, с ее царственно-щедрым, бездонным небом.

Иван Николаевич Крамской сообщил Репину в Москву: «Какую бурю восторгов поднял Куинджи! Вы, вероятно, уже слышали... Этаким молодец, — прелесть!»

По всему Петербургу разносился звук нерусского имени «Куинджи» — человека глубоко русского, только с восточным лицом и с чёрной бородой. Газеты наперебой помещали отзывы о «Ночи на Днепре», в каждой из них появлялось по две-три, а то и больше статей о картине и ее авторе. Высказывались не только простые рецензенты, но и такие именитые люди как Дмитрий

Иванович Менделеев. В журналах, сколько-нибудь причастных к искусству, печатались обстоятельные статьи, целиком посвящённые Куинджи и его значению в русской живописи; делались попытки определить его место и в европейской живописи

Мариупольский пастух гусей, ретушёр, художник-самоучка, никому не ведомый грек Куинджи завоевал столицу и Россию!

«Это не движение живописи вперед, а скачок, скачок огромный! «Ночь на Днепре» — это невиданное еще нигде могущество красок. Это не картина, а сама природа, перенесенная на полотно в миниатюре. Такой картины нет в целом мире, нет в мире искусства!» — восторгались ценители произведением Куинджи.

Не обошлось и без ядовитых укусов. Недруги Куинджи уверяли, что художник, будучи другом Менделеева, использует краски, составленные самим Менделеевым, и в них знаменитый химик добавляет фосфор. Другие распускали слух, что якобы петербургский университет предлагал Куинджи раскрыть секрет его красок в обмен на звание профессора химии, но он не согласился.

Зависть, вызванная невиданным триумфом Куинджи, привела к травле художника. Дошло до того, что «Куинджи — вовсе и не художник, а пастух, убивший в Крыму художника и завладевший его картинами».

Полотна Куинджи отвечали страстному желанию новизны, каким в ту пору было охвачено русское общество. «Ночь на Днепре» еще до выставки купил за большие деньги великий князь Константин Константинович. Картина так понравилась ему, что он не пожелал с ней расстаться. И после того, как весь Петербург вдоволь на неё нагляделся, он взял её с собой в кругосветное плавание.

Тогда же, под личным руководством Архипа Ивановича, картина была воспроизведена в олеографии, разошедшейся огромным количеством экземпляров. Позднее он получил два заказа на повторения, долго работал над ними, но так и не отдал заказчикам: оба повторения остались в его мастерской.

Архип Иванович, не шутя, заявлял друзьям:

— Буду миллионером, куплю землю в Крыму, устрою курорт для больных художников.

Один из его товарищей, который в молодости вместе с ним перебивался с хлеба на квас, вздумал сказать, что это нецелесообразно. Куинджи вышел из себя, и, задыхаясь, волнуясь, закричал на него:

— А это ты забыл, как сам был в таком же положении? Забыл? Стыдился бы говорить так, сердца у тебя нет!

Для Куинджи прошлое не покрылось пеленой, не произошло с ним того, что часто происходит с людьми сытыми: бес-

чувственности. Он никогда не переставал понимать человека. В любое время к нему обращались — в письмах, в личных просьбах — нуждающиеся, настигнутые бедой товарищи, ученики, знакомые и даже незнакомые, и никто не встречал отказа. Вечная готовность к самой широкой помощи была одним из трогательных и характерных свойств Архипа Ивановича. Помогал он не только людям. В полдень ударяла пушка с Петропавловской крепости, и, казалось, все птицы города слетались на крышу дома, где жил художник. Он выходил к ним с мешочками разного зерна, кормил. Подбирал на улице больных и замерзших воробьев, галок, ворон... отогревал у себя в комнате, лечил и ухаживал за ними.

Жена Архипа Ивановича говорила ему с улыбкой:

— С тобой, Архип, вот что будет, в конце концов. Приедет за тобой карета, скажут, что вот там на дороге ворона замерзает, спасай. И повезут тебя, только не к вороне, а в дом умалишенных.

Пройдет не так уж много времени, Архип Иванович Куинджи, знаменитый пейзажист, профессор Академии художеств станет миллионером. Будет за свой счет возить своих учеников в Европу, знакомить со знаменитыми памятниками и музеями, подарит Академии и Художественному обществу полмиллиона рублей для выдачи ежегодных премий студентам пейзажной живописи, купит несколько гектаров земли в Крыму, куда на лечение и отдых будут съезжаться живописцы. Сам будет обходиться мизером, но помогать абсолютно всем, особенно собратьям по искусству: «Ведь они сидят, пишут, — ведь только один Бог знает, как это трудно... Ведь они с голоду умрут, пока их картины будут кому-нибудь нужны».

Вынашивая идею объединения живописцев в большой союз, «приучающий к солидарности, к моральной и материальной взаимопомощи, которые должны явиться на смену современной обострённой борьбе честолюбий и конкуренций из-за материальных выгод», Куинджи неустанно проповедовал на собраниях в Академии: «Мы должны всегда держаться друг за друга, можем расходиться и спорить только в вопросах искусства, но никогда не должны оставлять друг друга в жизненной борьбе...»

В результате было создано Общество имени А. И. Куинджи, объединившее несколько организаций художников, среди которых Академия художеств, «Союз русских художников», «Товарищество художников», «Мир Искусства», «Общество акварелистов»; затем присоединились «Передвижники».

Почти всё свое состояние, все картины, этюды и эскизы Куинджи завещал этому Обществу, и лишь небольшую часть средств, достаточную для нормальной жизни, оставил жене и близким.

ДУША ПОЭТА

Шеститомное собрание сочинений Валерия Васильевича Хатюшина — огромное событие в современной русской словесности. Подчеркиваю особо — русской, живой, правдивой, напоенной любовью к Родине, к родной земле, гордой великими подвигами предков. Да, она жива, она находит дорогу к сердцам равнодушных. Но, вспоминая строки Николая Рубцова о поэзии («Теперь она, как в дымке, островками...»), русская литература сегодня доходит до читателя именно «островками»: издательское дело оккупировано, пространство словесности, как тиной, затянута поделками русскоязычных «творцов», полки магазинов заполняются бесконечными переизданиями одних и тех же авторов известной национальности или русских приспособленцев-прилепинцев.

Шеститомник В.Хатюшина — словно утес над зловонным болотом. В собрании представлены все грани его мощного дара — поэзия, проза, критика, публицистика, драматургия, переводы. Очевидна неразделённость их, поскольку фундамент один — любовь к Отечеству, к русскому слову, к литературе в высшем ее предназначении: служить «главной цели — возвышать народ свой до идеала добра, света, истины» (Некрасов).

Автор — удивительно цельный по характеру человек, волевой и целеустремленный. Поэтому образ утеса, о который разбиваются житейские испытания, доставшиеся на его долю, возникает вовсе не случайно.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Пушкин, откликаясь на книгу Радищева, заметил: «Нет истины там, где нет любви!» Всё творчество Валерия Васильевича — выражение любви к России. И даже его разящие и негодующие глаголы в адрес врагов России и равнодушных обывателей — тоже продиктованы любовью, «одной, но пламенной страстью» к стране, народу. Той, к которой устремлена его тревожная, любящая душа.

Хотелось бы обратить внимание вот на какую особенность его творчества. Валерий Хатюшин — тончайший лирик. Но лирика его тоже особенная — интонациями, энергетикой, безукоризненной образностью, пронзительностью до шемящей боли. Она наполнена каким-то неземным светом. Я не погрешу своим давним наблюдением: при чтении его стихов в сознании возникает образ Лермонтова. Даже не образ, а ощущение какого-то особого родства творчества поэтов, разделённых двумя столетиями.

Есть и другая тайна: гражданственность его многих стихов — не риторика, не потрясение воздуха, но имеет всё тот же источник, как и лирические стихи. Это не рассудок, а тоже душа поэта. Поэтому-то так тревожны его стихотворения-отклики на беды России, беспощадно разящие врагов ее. Безоглядное мужество и честность в каждой строке, негодование и боль...

В современной русской литературе Валерий Хатюшин — витязь, отважный воин России, русский человек в лучших своих проявлениях. Он не плакальщик, он боец. Перечитайте его стихи из 2-го тома, написанные в трагические годы новейшей русской истории (1993 — 2012) — только у равнодушных не содрогнутся души, не сожмутся в кулаки руки и не взбунтуются мысли.

Много сил отдаёт он публицистике, в которой его бойцовские качества выражены особенно ярко: в бой идет он всегда с открытым забралом, в каждой публицистической работе словно заявляя: «Иду на вы!»

Его острого слова бояться, хоть и зlobствуют, враги. Его замалчивают, его избегают те, кто считает себя «патриотом», но... подальше от Хатюшина: как бы чего не вышло... Слишком недипломатично и бескомпромиссно его слово. И грустно, и смешно!

В русской литературе есть и всегда пребудет русский поэт, критик, публицист Валерий Хатюшин. Его творчеству не будет забвения, оно — каленая стрела Ильи Муромца, летящая в Вечность. Потому что его слово всегда направлено и бьет в цель. А это — удел немногих, удел избранных. Шеститомник Валерия Васильевича не только убеждает нас в таких выводах, но и вдохновляет. Надо лишь ощутить сияние сокровенной звезды, которая светит на его одиноком Пути. Имя ей — Россия!

г. Липецк

* * *

Приобрести все шесть томов Собрания сочинений Валерия Хатюшина можно в редакции журнала «Молодая гвардия». Тел.: 8 (495) 787-35-22. Звонить в пн. и чт. с 12 до 16 ч. А также в магазине «Славянофил» и Интернет-магазине «Политкнига». Тел.: 8 (495) 543-87-93.